

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 1 (91)

BULLETIN
of Ufa Law Institute

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2021

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, доцент, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского юридического института МВД России.

Баишева Зилия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Бикинин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Варазатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры консти-

туционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Грибунов Олег Павлович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Восточно-Сибирского юридического института МВД России (по научной работе).

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Джоробекова Арзыгуль Мамаюновна – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, заместитель председателя Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Еникеев Зуфар Иргалиевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Зауторова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ильин Дмитрий Юрьевич – доктор филологических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Россий-

ской Федерации, заведующий кафедрой русской филологии Волгоградского государственного университета.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кудина Светлана Анатольевна – кандидат юридических наук, помощник начальника института (по правовой работе) – начальник правового отделения (правовое отделение) Уфимского юридического института МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Линевич Владимир Леонтьевич – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Литвишков Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры адми-

нистративного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, врио заместителя начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Миронов Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небрятенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Сулейманова Инна Евгеньевна – кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заведующая кафедрой гражданского права, профессор кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

Усманова Резида Минияровна – доктор юридических наук, доцент, Отличник образования Российской Федерации, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе).

**Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор Т. И. Матвеева, техническая верстка Т. И. Матвеева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России. Подписано в печать: 29.03.2021.

Формат 60х84 1/8. Усл. печ. л. 27,7. Гарнитура Times. Тираж 60 экз. Заказ № 25. Цена свободная.

BULLETIN
№ 1 (91) 2021 of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in research work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Avdeeva Olga Anatolievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of State and Legal Disciplines of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil Law and Procedure of Ulyanovsk State University.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Chair of the Foreign Language and Culture of Speech of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of History, Professor, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Gribunov Oleg Pavlovich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for Research).

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Dzhorobekova Arzygul Mamayunusovna – Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Department of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Chairman of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Enikeev Zufar Irgalievich – Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Pedagogical Education, Professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Chair of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Ilyin Dmitry Yurievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Chair of Russian Philology of Volgograd State University.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisoyna – Candidate of Law, Senior Lecturer of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudina Svetlana Anatolyevna – Candidate of Law, Assistant Head of the Institute (for Legal Work) - Head of the Legal Department (Legal Department) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitarianovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Linevich Vladimir Leontievich – Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Internal Affairs Officers' Activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Litvishkov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Management in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Chair of Administrative Law and Procedure

of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Iona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Chairperson of the Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Interim Deputy Head of the Chair of Administrative and Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Mironov Anatoliy Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law of Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Morozov Sergei Yurievich – Doctor of Law, Professor, Dean of the Department of Law of Ulyanovsk State University.

Nadtachay Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of English and Intercultural Communication, Department of Romance-Germanic Philology of the Bashkir State University.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Training Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel of V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petryanin Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Chair of Organization of Operative-Detective Activities of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Professional Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Suleimanova Inna Evgenievna – Candidate of Law, Head of the Research Department of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alexeyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of

the Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Head of the Chair of Civil Law, Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Usmanova Rezida Miniyarovna – Doctor of Law, Associate Professor, Excellent Worker of Education of the Russian Federation, Dean of the Law Department of Sterlitamak Branch of the Bashkir State University.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honored Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Chair of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolay Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for Research).

The journal is registered in the Office of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications.

Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors T. I. Matveeva, layout T. I. Matveeva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 29.03.2021. Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 27,7. Typeface Times.

Circulation: 60 copies. Order № 25. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи и доклады	12
---------------------------------------	----

Теория и история государства и права. История учений о праве и государстве

<i>Ищук В. Г., Ошкин И. В.</i> Формы обеспечения и защиты прав человека Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации	12
<i>Самарский А. Н., Жуланов А. В.</i> Свод законов Российской Империи как основополагающий памятник полицейского права XIX века	19
<i>Синиченко В. В.</i> Распространение ограничительных норм права на изготовителей военной продукции и проблемы организации военного производства в России в годы Первой мировой войны	24

Конституционное право. Конституционный судебный процесс.

Муниципальное право

<i>Муратишин Ф. Р.</i> Предварительный конституционный контроль как способ повышения качества законотворчества и обеспечения легитимности власти	32
<i>Шаламова А. Н.</i> Обеспечение социально-экономических прав «возвратившихся соотечественников» как элемент правовой политики социального государства (опыт России и Казахстана)	38

Уголовное право. Криминология. Уголовно-исполнительное право

<i>Асланян Р. Г.</i> Закон как форма выражения особенной части уголовного права России: исторический анализ	49
<i>Булгакова В. Р.</i> Документ как предмет подделки, изготовления или оборота в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве (сравнительно-правовой анализ)	56
<i>Деренова Н. С.</i> Противодействие рецидиву преступлений, совершаемых лицами, больными наркоманией: к вопросу о понятии	61
<i>Дизер О. А.</i> Уголовно-правовая оценка провокации преступления по зарубежному законодательству	66
<i>Егорышев С. В.</i> Преступное поведение в понимании представителей социологической школы уголовного права	72
<i>Отбоева Р. Р.</i> Исследование субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ	80

Уголовный процесс

<i>Во Ким Зунг.</i> К вопросу уведомления об окончании предварительного расследования юридического лица, потерпевшего от преступления: (сравнительно-правовой анализ УПК России и УПК Вьетнама)	86
<i>Гаврилов Б. Я.</i> Возвращение в российское законодательство уголовного проступка как одно из направлений политики государства по обеспечению прав и свобод человека и гражданина	91
<i>Григорьев В. Н.</i> Об «усеченной» методике осмотра места происшествия при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях	100
<i>Емельянова А. А.</i> Взаимодействие уголовно-процессуальных норм и норм морали при осуществлении уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних	113
<i>Латыпов В. С., Гимазетдинова И. Н.</i> К вопросу об отдельных тактических приемах производства допроса подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов	118

<i>Пушкарев В. В.</i> Роль уголовного преследования в назначении уголовного судопроизводства: концепт и методология модальности	124
---	-----

Судебная деятельность. Прокурорская деятельность.

Правозащитная и правоохранительная деятельность

<i>Кудрявцев А. В., Насыров Р. Р.</i> Отдельные особенности прокурорского надзора за исполнением законов при оперативно-розыскном сопровождении уголовного судопроизводства по делам об убийствах, совершенных по найму	130
---	-----

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.

Оперативно-розыскная деятельность

<i>Анохин Ю. В., Полякова В. Ю.</i> Обеспечение права человека на неприкосновенность частной жизни при проведении оперативно-розыскных мероприятий	136
<i>Гайнельзянова В. Р.</i> Возможности судебной компьютерно-технической экспертизы при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации	144
<i>Янин С. А.</i> Специфика процессуальной проверки сведений о совершении преступлений, предусмотренных статьями 2432 и 2433 УК РФ	150

Общие вопросы языкознания. Язык и право. Юрлингвистика

<i>Беглова Е. И.</i> Фразеологические единицы в антиномии «закон – преступление» в русской языковой картине мира	158
<i>Гузикова В. В.</i> Обучение приемам перевода терминологии и профессиональной лексики на занятиях по иностранному языку	166
<i>Петрова Е. А.</i> Структурно-семантические особенности варваризмов (на примере профессиональной речи сотрудников органов внутренних дел)	172
<i>Сергеева Е. Н.</i> Организация самостоятельной работы иностранных слушателей в условиях дистанционного и смешанного обучения	181

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Теория и методика профессионального образования

<i>Архипов С. Н.</i> Анализ применения метафоры в обучении сотрудников полиции стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия	188
<i>Гричанов А. С.</i> Совершенствование технико-тактических действий борьбы самбо на этапе первоначальной подготовки курсантов в образовательных организациях МВД России ...	195
<i>Исаев А. А.</i> Роль деятельностного подхода в современном образовательном процессе ...	201
<i>Кан Л. В., Ким В. О.</i> Совершенствование моментных характеристик выполнения защитно-атакующих действий сотрудниками органов внутренних дел методами обучения, используемыми в спортивных единоборствах	207
<i>Монахов О. Н.</i> Структурно-функциональный анализ профессиональной ответственности будущего военного специалиста в контексте военно-профессиональной деятельности ...	212

Памятка	221
----------------------	------------

CONTENTS

Scientific articles and reports	12
--	----

Theory and History of State and Law. History of Law and State Teachings

<i>Ishchuk V. G., Oshkin I. V.</i> Forms of ensuring and protecting human rights by the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation	12
<i>Samarsky A. N., Zhulanov A. V.</i> Code of laws of the Russian Empire as a fundamental monument of police law of the 19th century	19
<i>Sinichenko V. V.</i> Extension of restrictive rules of law to manufacturers of military products and problems of organization of military production in Russia during the First World War	24

Constitutional Law. Constitutional Trial. Municipal Law

<i>Muratshin F. R.</i> Preliminary constitutional control as a way to improve the quality of lawmaking and ensure the legitimacy of the government	32
<i>Shalamova A. N.</i> Ensuring socio-economic rights of “returned compatriots” as an element of the legal policy of the social state (the experience of Russia and Kazakhstan)	38

Criminal Law. Criminology. Penal Law

<i>Aslanyan R. G.</i> Law as a Form of Expression of a Special Part of the Criminal Law of Russia: Historical Analysis	49
<i>Bulgakova V. R.</i> Document as a Subject of Forgery, Production or Circulation in Domestic and Foreign Criminal Legislation (Comparative Legal Analysis)	56
<i>Derenova N. S.</i> Countering Recurrence of Crimes Committed by Drug Users: to the Question of Concept	61
<i>Dizer O. A.</i> Criminal-legal assessment of provocation of a crime under foreign legislation ...	66
<i>Egoryshev S. V.</i> Criminal Behavior in the Understanding of Representatives of the Sociological School of Criminal Law	72
<i>Otboeva R. R.</i> Investigation of Subjective Signs of the Corpus Delicti under Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation	80

Criminal Procedure

<i>Vo Kim Dung.</i> On the issue of notification of the completion of the preliminary investigation of a legal entity that has suffered from a crime: (comparative legal analysis of the Criminal Procedure Code of Russia and the Criminal Procedure Code of Vietnam)	86
<i>Gavrilov B. Ya.</i> The return of criminal offense to the Russian legislation as one of the directions of the state policy to ensure the rights and freedoms of man and citizen	91
<i>Grigoryev V. N.</i> On the «trunned» method of inspection of the accident situation in the investigation of crimes in emergency conditions	100
<i>Emelyanova A. A.</i> Interaction of criminal procedure and morality in criminal proceedings against minors	113
<i>Latypov V. S., Gimazetdinova I. N.</i> To the issue of certain tactical methods of interrogation of suspects and those accused of committing crimes related to the illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues	118
<i>Pushkarev V. V.</i> The role of criminal prosecution in the appointment of criminal proceedings: the concept and methodology of modality	124

Judicial Activity. Prosecution Activity. Law Enforcement Activity

Kudryavtsev A. V., Nasyrov R. R. Certain Features of Prosecutor Supervision over the Implementation of Laws in the Operational-Search Support of Criminal Proceedings in Cases of Homicide Committed for Hire 130

Criminalistics. Forensic Activity. Operative Detective Activity

Anokhin Yu. V., Polyakova V. Yu. Ensuring of the Human Right to Privacy Protection During Operational Search Activities 136

Gainelzyanova V. R. Possibilities of Forensic Computer-Technical Expertise in the Investigation of Crimes in the Field of Computer Information 144

Yanin S. A. Peculiarity of the Procedural Verification of Information about the Commission of Crimes stipulated by articles 2432 and 2433 of the Criminal Code of the Russian Federation . . . 150

General Problems of Linguistics. Language and Law. Legal Linguistics

Beglova E. I. Phraseological units in antinomy «law - crime» in the Russian linguistic picture of the world 158

Guzikova V. V. Teaching translation methods of terminology and professional vocabulary in foreign language classes 166

Petrova E. A. The structural and semantic features of varvarisms (on the example of the professional speech of law enforcement officers) 172

Sergeeva E. N. Organization of the independent work of foreign listeners in the conditions of distance and mixed learning 181

General Theory of Education. History of Pedagogy and Education.

Theory and Methods of Vocational Education

Arkhipov S. N. Analysis of the use of metaphors in training police officers in shooting from military and hand-held service firearms 188

Grichanov A. S. Improvement of technical and tactical actions of sambo wrestling at the stage of initial training of cadets in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia 195

Isaev A. A. The role of the activity approach in the modern educational process 201

Kan L. V., Kim V. O. Improvement of the moment characteristics of the performance of defensive and attacking actions by employees of the internal affairs bodies by training methods used in martial arts 207

Monahov O. N. Structural and functional analysis of the professional responsibility of a future military specialist in the context of military professional activity 212

Instruction 221

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 342.518:342.7.02(470)

В. Г. ИЩУК, преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Рязань)

V. G. ISHCHUK, Instructor of the Chair of State and Civil Law Disciplines of Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot (Ryazan)

И. В. ОШКИН, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Рязань)

I. V. OSHKIN, Instructor of the Chair of Operative-Investigative Activities of Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot (Ryazan)

ФОРМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FORMS OF ENSURING AND PROTECTING HUMAN RIGHTS BY THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с формами обеспечения и защиты прав человека Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, анализируется нормативно-правовая основа и закрепление указанных форм в действующем российском законодательстве, предпринимается попытка раскрытия сущностного предназначения форм обеспечения и защиты прав человека, актуализируются вопросы необходимости и значимости исследования имеющихся форм, приводится анализ всех основных форм обеспечения и защиты прав человека Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, выявляются и подробно анализируются имеющиеся в данной сфере проблемы правового и иного характера, существенно снижающие эффективность использования форм обеспечения и защиты прав человека, а также предлагаются возможные варианты изменения негативных аспектов, связанных с применением конкретных форм, в деятельности омбудсмена.

Ключевые слова и словосочетания: Уполномоченный по правам человека, права человека, омбудсмен, формы обеспечения и защиты, компетенция, проблемы.

Annotation. The article examines topical issues related to the forms of ensuring and protecting human rights by the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. It analyzes the regulatory framework and consolidation of these forms in the current Russian legislation, and attempts to disclose the essential purpose of the forms of ensuring and protecting human rights. The necessity and significance of studying available forms are emphasized and all the main forms of ensuring and protecting human rights by the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation are analyzed. The legal and other issues, which significantly reduce the effectiveness of using the forms of ensuring and protecting human rights existing in this area are identified and analyzed in detail. Possible options for changing the negative aspects associated with the use of specific forms in the activities of an ombudsman are offered.

Keywords and phrases: Commissioner for Human Rights, human rights, ombudsman, forms of provision and protection, competence, problems.

Права и свободы человека и гражданина в современном мире выступают в качестве важнейшей демократической и правовой категории. Каждый человек наделяется неотчуждаемыми правами от рождения и приобретает остальной комплекс прав в процессе своего взросления и жизнедеятельности. Какие-то права человек получает автоматически, для обладания другими правами необходимо обладать специальными знаниями, навыками и умениями, например, чтобы получить водительское удостоверение, дающее право на вождение транспортного средства, необходимо сдать специальные экзамены. Тем не менее, важно отметить, что во всех случаях любое право человека должно быть законодательно зафиксировано, так как без этого любые права и свободы теряют юридическую силу и не могут полноценно использоваться. Но любое право утрачивает свой смысл, если у человека нет возможности реализовать его на практике, воспользоваться им. К сожалению, в процессе функционирования общественных отношений время от времени возникают ситуации, когда субъект, наделенный определенным правом, не может им воспользоваться, так как ему не дают этого сделать. Исходя из вышеизложенного, вполне обосновано и логично, что в рамках современной правовой действительности институт специализированных омбудсменов получил

широкое распространение и развитие в подавляющем большинстве развитых демократических государств, в числе которых и Российская Федерация.

Правозащитная деятельность Уполномоченного по правам человека реализуется посредством определенных механизмов, которые установлены действующим законодательством. В числе данных механизмов существенное место занимают формы обеспечения и защиты прав человека, так как именно посредством конкретных форм Уполномоченный получает возможность использовать свой функционал для достижения правозащитной цели. В связи с этим, представляется актуальным и целесообразным исследовать формы обеспечения и защиты прав человека Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, чтобы обозначить имеющиеся проблемы в данной сфере и предложить собственный вариант их решения.

Основу нормативно-правового регулирования института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации составляет федеральное законодательство. Применительно к институту Уполномоченного по правам человека в качестве фундаментального нормативно-правового акта выступает Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (далее – ФКЗ).

Применительно к закреплению форм обеспечения и защиты прав человека Уполномоченным по правам человека, которые содержатся в вышеуказанном ФКЗ, отметим, что вопросам, связанным с формами и их практическим выражением посвящена целая глава 3 ФКЗ. Данная глава не закрепляет формы в привычном для нас «научном» виде и формулировках, однако она детализирует функциональную составляющую омбудсмана применительно к его компетенции, которая основывается на формах обеспечения и защиты прав человека. По сути, вся компетенция Уполномоченного, закрепленная главой 3 рамочного ФКЗ, относится к той или иной форме обеспечения и защиты прав человека. Детально проанализировав большое количество научных трудов, касающихся форм обеспечения и защиты прав человека Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, нам удалось выделить несколько фундаментальных форм, которые, по мнению представителей научного сообщества, кому мы выражаем солидарность, также имеют важное значение в правозащитной деятельности омбудсмана [1, с. 33]. Итак, к указанным формам относятся следующие: 1) содействие восстановлению нарушенных прав и свобод человека; 2) совершенствование законодательства о правах человека и гражданина в пределах ведения Уполномоченного; 3) осуществление правового просвещения населения об объеме и составляющей прав и свобод человека и гражданина и закрепленных действующим законодательством методах защиты указанных прав; 4) международное и межрегиональное сотрудничество в области защиты прав и свобод человека и гражданина; 5) информирование населения о положении в области обеспечения и защиты прав и свобод человека.

Содействие восстановлению нарушенных прав и свобод человека – это основная [2, с. 26], фундаментальная, базовая форма обеспечения и защиты прав

человека Уполномоченным по правам человека в нашей стране. Крайне подробную регламентацию данная форма находит в главе 3 ФКЗ. По сути, примерно 80 % всего нормативно-правового регулирования компетенций Уполномоченного по правам человека в действующем российском законодательстве посвящено указанной форме. В своем функциональном состоянии данная форма делится на два больших блока: работу Уполномоченного по правам человека с поступающими обращениями граждан и самостоятельную деятельность Уполномоченного по обнаружению в деятельности каких-либо властных субъектов случаев нарушения прав и свобод человека и гражданина. Безусловно, первый блок, посвященный работе с обращениями граждан, обладает преимущественным значением. Уполномоченный вправе рассматривать только те жалобы, которые касаются неправомерных действий или бездействия государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих, которые нарушили права и законные интересы заявителя [3, с. 95]. Текст жалобы должен содержать подробное повествование о сущности деяния того или иного органа или должностного лица, которое привело к нарушению права гражданина, а также указание на то, что это за право и в соответствии с каким нормативно-правовым актом оно было предоставлено [4, с. 230]. Уполномоченный может не принимать жалобы от гражданина, однако отказ должен быть мотивирован и обоснован. Обжалованию отказ не подлежит. В рамках самостоятельной деятельности Уполномоченного по обнаружению в деятельности каких-либо властных субъектов случаев нарушения прав и свобод человека и гражданина омбудсмен может инициировать проверку в том или ином государственном, муниципальном органе и должностном лице, запрашивать необходимые для проверки документы, пользоваться правом безотлагательного

посещения различных органов и организаций [5, с. 102].

Вторая форма обеспечения и защиты прав человека Уполномоченным по правам человека, а именно – совершенствование законодательства о правах человека и гражданина в пределах ведения Уполномоченного, реализуется посредством предоставления федеральному и региональным омбудсменам права законодательной инициативы. Важным условием при использовании права законодательной инициативы омбудсменом является направленность подобной инициативы исключительно на совершенствование законодательства о правах человека и гражданина и только в рамках компетенции, которой обладает омбудсмен. Тем не менее, данное право представляет собой один из наиболее эффективных и результативных способов деятельности Уполномоченного по правам человека ввиду того, что омбудсмен как лицо, которое непосредственно и на ежедневной основе от имени государства осуществляет правозащитную деятельность, понимает, какие правовые нормы в действующем законодательстве требуют корректировки. Законодательная инициатива Уполномоченного по правам человека на федеральном и региональном уровнях начинается с процедуры внесения в законодательный орган соответствующего уровня государственной власти какого-либо законопроекта в рамках компетенции омбудсмента.

Третьей формой обеспечения и защиты прав человека Уполномоченного по правам человека является осуществление правового просвещения населения об объеме и составляющей прав и свобод человека и гражданина и закрепленных действующим законодательством методах защиты указанных прав. Отметим, что указанная форма связана с другой не менее важной формой – информированием населения о положении в области обеспечения и защиты прав и свобод человека. Их связь проявляется в

едином характере правовой направленности – проинформировать население о достижениях и неудачах в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, тем самым повысив степень правовой просвещенности граждан. Информирование населения о положении в области обеспечения и защиты прав и свобод человека как форма деятельности омбудсмента заключается в представлении ежегодных и специальных докладов о своей деятельности в законодательный орган соответствующего уровня государственной власти. Ежегодные доклады, как правило, обладают статистическим характером и показывают то, как функционировал институт омбудсмента за год, в каком направлении в основном велась работа, сколько было тех или иных нарушений, какие органы чаще всего нарушали права граждан, чего удалось достичь, а над чем еще предстоит работать. В рамках доклада особое внимание акцентируется на наиболее острых проблемах в сфере обеспечения и защиты прав и свобод человека как в целом по России, так и в отдельных субъектах [6, с. 130]. Официальные доклады омбудсмента в обязательном порядке подлежат опубликованию на сайте Уполномоченного, чтобы каждый гражданин мог лично с ними ознакомиться. Кроме этого, в целях повышения правовой культуры населения и объема знаний граждан относительно принадлежащих им прав омбудсмен может выступать с лекциями в образовательных учреждениях, на личном приеме проводить консультацию граждан по тем или иным вопросам, выпускать различные информационные материалы в виде правовых памяток.

Международное и межрегиональное сотрудничество в области защиты прав и свобод человека и гражданина как форма обеспечения и защиты прав человека Уполномоченным по правам человека, исходя из названия, делится на два уровня. В рамках международного сотрудничества и взаимодействия омбу-

дсмен может обмениваться опытом с омбудсменами из других стран, применять успешные зарубежные правозащитные практики в российских реалиях, давать советы и рекомендации относительно личного положительного опыта, выступать на международных конференциях и круглых столах. Региональное взаимодействие сводится к вертикали Уполномоченных по правам человека в Российской Федерации, на вершине которой находится федеральный омбудсмен, а омбудсмены субъектов могут активно взаимодействовать с ним для принятия грамотного и верного решения в той или иной сложной ситуации.

Применительно к вышеуказанной форме обеспечения и защиты прав человека Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации дополнительно отметим, что, помимо взаимодействия в рамках международной и национальной вертикали омбудсменов, Уполномоченный активным образом стремится осуществлять взаимодействие с органами государственной, муниципальной власти, негосударственными организациями и структурами, которые в той или иной степени также задействованы в сфере обеспечения и защиты прав и свобод человека. При этом важно помнить, что для подобных органов и организаций правозащитная функция является не основной, а, скорее, второстепенной или сопутствующей. В частности, в числе подобных субъектов взаимодействия с Уполномоченным в качестве одного из основных следует выделить органы внутренних дел (далее – ОВД). Однако, опираясь на имеющиеся сведения и опросы, проведенные среди сотрудников аппаратов Уполномоченных по правам человека в субъектах Федерации, можно констатировать, что подобное взаимодействие в настоящее время отнюдь не отличается должной эффективностью и результативностью, в связи с чем на практике зачастую возникают различно-

го рода сложности [7, с. 38]. Во многом так происходит потому, что ОВД применительно к взаимодействию с омбудсменом выступают и в качестве союзника, и в качестве нарушителя, что существенно затрудняет выстраивание продуктивных взаимоотношений. В рамках обеспечения и защиты прав человека омбудсмен и ОВД могут проводить совместные проверочные мероприятия, осуществлять профилактическую работу с органами государственной, муниципальной власти и должностными лицами, проводить совместные семинары, лекции, конференции, круглые столы для повышения правовой осведомленности граждан. В рамках совершенствования указанного сотрудничества был разработан и принят «Меморандум о сотрудничестве Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации в области соблюдения и восстановления нарушенных прав и свобод человека», который содержит все основные положения подобной деятельности.

Несмотря на отмеченную положительную динамику и оказываемое благоприятное влияние на сферу защиты прав и свобод человека и гражданина, на практике применительно к формам обеспечения и защиты прав человека Уполномоченным по правам человека имеют место некоторые проблемы, недостатки и противоречия, которые затрудняют эффективную реализацию омбудсменами своих полномочий. Основная проблема заключается в том, что ни федеральное, ни региональное законодательство не предоставило омбудсменам право на решения императивного характера. Проведенный анализ нормативно-правовой основы позволяет сделать вывод о том, что даже в случае выявления доказанного факта нарушения прав и свобод человека и гражданина омбудсмен может лишь переадресовать материалы проверки в иные государственные органы, которые

наделены императивными полномочиями, а все его официальные заключения, которые направляются нарушителям, носят не императивный, а рекомендательный характер [8, с. 72]. В связи с этим возникает вполне разумный вопрос: с помощью каких рычагов воздействия Уполномоченные вправе императивным образом влиять на государственный, муниципальный орган или должностное лицо, которое допустило нарушение прав человека? В целях исправления сложившейся ситуации, исходя из мирового опыта, следует задуматься о том, чтобы законодательно повысить степень властных, императивных полномочий у специализированных омбудсменов, которых в настоящий момент, по нашему мнению, явно недостаточно.

Не менее важно без всякой доли условности и ограниченности применительно к тому или иному аспекту деятельности закрепить за Уполномоченным по правам человека право законодательной инициативы. Если государство закрепляет за омбудсменом специализированную обязанность по содействию в обеспечении и защите прав человека, то именно омбудсмен, как никто другой, представляется лицом, которому известно о тех или иных пробелах и недоработках в действующем законодательстве, о правовых нормах, которые нуждаются в корректировке и изменении, так как остальные властные структуры, в чьих должностные обязанности входит обеспечение и защита прав человека, не осуществляют данную деятельность целенаправленно, а имеют более широкий круг полномочий [9, с. 60]. В связи с этим предлагается внести коррективы в ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» и в законы субъектов РФ, зафиксировав там исключительное право законодательной инициативы омбудсмена и вместе с ним право на ознакомление с проектами федерального законодательства, чтобы

Уполномоченный уже на этапе формирования тех или иных норм имел возможность вынести на обсуждение свои корректировки.

Отдельное внимание хотелось бы уделить возможному направлению повышения эффективности информирования населения о положении дел в области обеспечения и защиты прав и свобод человека. На сегодняшний день основным способом информирования населения является выступление Уполномоченного с ежегодным докладом и его публикация на официальном сайте Уполномоченного в сети Интернет. Однако в условиях развития современных цифровых реалий, по нашему мнению, этого явно недостаточно. Необходимо активным образом вести социальные сети, взаимодействовать с гражданами онлайн, проводить видеоуроки и видеоконференции, записывать видеообращения с разбором наиболее интересных категорий дел по наиболее часто встречающимся и актуальным вопросам граждан и так далее.

В завершение исследования, хотелось бы сказать, что, несмотря на общую положительную динамику развития института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, в этой сфере по-прежнему имеется ряд недостатков применительно к формам обеспечения и защиты прав человека омбудсменом, которые требуют внимания и корректировки. Основной формой работы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на сегодняшний день является содействие восстановлению нарушенных прав и свобод человека. Наиболее перспективной формой работы омбудсмена в настоящее время и в обозримом будущем, по нашему мнению, является информирование населения в онлайн-формате с использованием современных технических средств, социальных сетей и иных механизмов коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиборов О. В., Кальгина А. А. О полномочиях Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Закон и право. 2018. № 7. С. 32 – 35.
2. Мусаева Г. М., Гаджимахадов В. К. Уполномоченный по правам человека Российской Федерации как специализированный институт по содействию защиты прав и свобод граждан // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 2. С. 25 – 30.
3. Чесницкий И. И. Роль института Уполномоченного по правам человека в развитии гражданского общества: региональное измерение // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 2. С. 94 – 100.
4. Богославский Е. А. Уполномоченный по правам человека как субъект государственного контроля и надзора // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 3. С. 227 – 232.
5. Кальгина А. А. Об институте Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 100 – 105.
6. Кудряшова А. М., Петренко Н. И. Правозащитная деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 1. С. 128 – 133.
7. Либанова С. Э., Ищук В. Г. Пути взаимодействия омбудсменов и сотрудников органов внутренних дел в обеспечении конституционных прав человека как высшей конституционной ценности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4. С. 36 – 41.
8. Османова А. М. О некоторых проблемных аспектах правового регулирования деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 2. С. 71 – 76.
9. Кельманова Д. Г. Проблемы и перспективы развития деятельности Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации // Марийский юридический вестник. 2017. № 2. С. 57 – 63.

© Ищук В. Г.
© Ошкин И. В.

УДК 340.130.53:351.741(470)''18''

А. Н. САМАРСКИЙ, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук (г. Волгоград)

A. N. SAMARSKY, Assistant Professor of the Chair of Theory and History of Law and State of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogy (Volgograd)

А. В. ЖУЛАНОВ, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук (г. Волгоград)

A. V. ZHULANOV, Assistant Professor of the Chair of Theory and History of Law and State of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogy (Volgograd)

СВОД ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПАМЯТНИК ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА XIX ВЕКА

CODE OF LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE AS A FUNDAMENTAL MONUMENT OF POLICE LAW OF THE 19TH CENTURY

Аннотация. В статье авторы рассматривают особенности Свода законов Российской империи как основополагающего памятника полицейского права XIX века. Произведен анализ Свода законов Российской империи на предмет исследования документа по направлению изменений, происходящих в полицейском праве в XIX веке. Перечислены проблемы в организации деятельности органов полиции, отражающие необходимость совершенствования полицейской системы. Сделан вывод о значимости документа для истории полицейского права. Материал, представленный в работе, является продолжением серии статей авторов, направленных на восполнение исторических знаний, обогащенными новыми фактами и исследовательскими подходами.

Ключевые слова и словосочетания: Свод законов Российской империи, полиция, Департамент полиции, свод, указ, XIX век.

Annotation. The article considers the features of the Code of Laws of the Russian Empire as a fundamental monument of police law of the 19th century. It analyzes the Code of Laws of the Russian Empire to study the document concerning the changes in police law in the 19th century. The authors list the problems in the organization of police activities that reflect the need to improve the police system. The conclusion is made about the significance of the document for the history of police law. The material presented in this paper is the continuation of the authors' articles aimed at filling in historical knowledge, enriched with new facts and research approaches.

Keywords and phrases: *Code of laws of the Russian Empire, police, Police department, code, decree, 19th century.*

Изменения, происходящие в полиции, начинают заметно выделяться в Российской империи с середины XIX века. Значимость этих изменений, с точки зрения развития данного органа в преобразовывающемся обществе, бесспорна. Факт об этом актуализирует потребность в их рассмотрении.

В обозначенный период времени были сформированы особенности законодательства Российской империи, которые определяли и регулировали деятельность полиции. Она была задействована в борьбе с преступностью и иными видами правонарушений, связана с судебной системой, а также с органами власти и управления.

Важной составной частью законодательства в период XIX и начала XX веков был Свод законов Российской империи [1]. Его создание исследователи связывают с потребностью сократить разрыв между развитием Российской империи и другими странами. Речь идет об отставании от стран континентальной Европы в контексте систематизации законодательства. Как результат кропотливой работы – выявление эффективных и действенных законов и систематизация их в одном источнике [2, с. 100 – 101].

Свод Законов Российской империи оказал влияние на все основные сферы жизни людей рассматриваемого периода. Однако в рамках статьи наибольший интерес указанный документ представляет как исторический источник в развитии полицейского права XIX в. Именно полиции в Своде законов было отведено одно из центральных мест.

Свод законов Российской империи переиздавался дважды. В переиздании от 1857 года, в томе I части 2, статьях 1203 – 1209 были четко определены компетенции Департамента полиции исполнительной. Уделено внимание правам и обязанностям сотрудников [3, с. 34 – 37].

Уместно заметить, что обозначенный департамент имел в составе четыре отделения, которые обладали значительными по объему полномочиями. Первое отделение было задействовано в регулировании общих вопросов, занималось вопросами кадровых назначений, перестановок и т. д., а также организовывало подготовку и корректировку нормативных актов. Второе отделение осуществляло работу по взаимодействию с судебными структурами, изучало жалобы и проводило работу с ними. Третье отделение департамента функционировало в качестве контролирующего органа по тому, как исполнялись судебные постановления по налоговым правонарушениям о недоимках и по мобилизационным делам. Четвертое отделение занималось непосредственно счетом. Отдельно в департаменте были представлены архив и канцелярия, которые занимались работой в рамках своих компетенций [4, с. 67 – 75]. В обязанность департамента полиции исполнительной входила надзорная деятельность за всеми полицейскими органами.

Свод законов Российской империи регламентировал не только вопросы относительно компетенций сотрудников. Документ конкретизировал и хозяйственную деятельность полицейских органов (ст. 1211 – 1214).

О компетенциях, доступных земской полиции, говорится в книге III, 2 тома (ст. 2506 по ст. 2765) Свода законов Российской империи. Значительное внимание в статьях уделяется обязанностям, которые должны исполняться данным органом, и действиям земского исправника. Деятельность столичной полиции и градоначальников регламентирована в книге IV (ст. 4181 – 4427).

Функциональные обязанности полиции, которые должно выполнять сельское управление, подробно рассмотрены в V книге. В ст. 5085 обозначены функции

старшины, в ст. 5107 описывались должностные обязанности сельского старосты, а также других деятелей органов сельского управления, сотских и десятских.

Одним из важных моментов, подробно регулируемых в Своде законов Российской империи, считаем описание возможностей обеспечения охраны общественного порядка (ст. 5196 – 5245). Важность представляет и ст. 5196 об охране имущества и осуществлении контроля в сельской местности по паспортам в соответствии со ст. 5238 – 5245.

Следует отметить, по мнению А. А. Мочалова, что в рассматриваемом документе было обозначено достаточно много функций охранительной деятельности государства, в то же время в них содержится сравнительно малое число описаний и статей о правах и обязанностях самих полицейских [5, с. 220 – 225].

В декабре 1862 года полицейские органы освобождались от ряда функций, главными из которых являлись хозяйственные, а также сотрудничество с судом в виду рассмотрения дел. При этом сохранились обязанности полиции при производстве дознания.

Все последующие принципы, которыми руководствовалась полиция в своей деятельности, формируются на основании правовой системы буржуазного общества. С 6 августа 1880 года Департамент полиции структурно состоит из общей полиции и жандармов.

Ст. 362 т. I Свода законов в период действия с 1880 по 1890 годы конкретизирует следующие направления деятельности Департамента полиции [6, с. 47 – 56]:

1) предупреждение и пресечение преступлений и охрану общественной безопасности и порядка;

2) обеспечение организации учреждений полиции;

3) работу с кадровыми ресурсами и их перемещение;

4) обеспечение охранительной деятельности полиции по отношению к обществу;

5) организацию контроля при пересечении границы;

6) обеспечение контроля за сообщением между границами;

7) организацию снабжения приезжих документами на место жительства в стране;

8) функционирование паспортного контроля в России;

9) взаимодействие со службой опеки и попечительства;

10) надзор за питейными и трактирными заведениями;

11) контроль утверждения уставов всевозможных сообществ;

12) проверку соблюдения правил по паспортному контролю;

13) осуществление иных функций, предусмотренных статьями в Своде законов.

В 1862 году происходило множество разноплановых изменений, касающихся социально-экономической основы страны, затронувших, в свою очередь, и деятельность полиции, особенно это коснулось губернских и местных ее органов. В этот период работа по трансформации законодательства в отношении полиции получает наибольший размах. Такой вывод следует из того, что данный период ознаменован функционированием 1,2 тыс. нормативных документов, посвященных именно деятельности органов полиции. В соответствии с разграничением территорий, законы имели свои характерные особенности. Таким образом, выделялись:

1) общее полицейское законодательство, действующее на всей территории страны;

2) законодательство, в чьем вверении находились столичная Санкт-Петербургская, а также Московская полиция;

3) региональные законодательные акты, отражающие особенности регионов Прибалтийских образований империи, Бессарабии и Закавказья;

4) законодательство, которое отвечало особенностям Европейской части им-

перии и включало в себя Крым;

5) региональное законодательство, охватывающее своими актами территорию Сибири и Дальнего Востока;

6) сводная часть законодательства.

Внушительный представленный список подтверждает активное участие полиции в различных жизненных сферах. Впоследствии начинают появляться новые структуры: конная полиция и урядники. Поднимается вопрос об увеличении экономической и материальной базы, которая бы обеспечивала потребности сотрудников полиции: в служебном жилье за достижения по службе; в специальной форменной одежде; в социальной и медицинской помощи. Все эти вопросы фиксировались в специальных правовых актах, имевших высшую силу на территории всей страны [7, с. 54 – 58].

Российская империя была достаточно обширным государством, которое имело в своем составе территориальные области, отличающиеся экономическими, этнографическими и конфессиональными особенностями. Прибалтийские (Остзейские) губернии (Прибалтийский край) отличались от всех иных частей страны по своему развитию, тогда как организация правопорядка была единой. Особенностью полицейского аппарата в юго-восточных и восточных районах Российской империи стала военизация, которая была необходима на данных территориях и имела своей целью укрепление полиции. Специфическая организация полиции заключалась в том, что руководить полицией стали уездные начальники, являющиеся военными чиновниками.

Особенно заметно объединение сил военных, администрации и полицейских властей происходило в Туркестанской области (Туркестанский край). Данный факт был обусловлен размытостью национальных границ относительно центральной части страны. С точки зрения организации полицейского управления, происходило исследование и изучение

национально-культурного фактора, учитывался фактор языковых противоречий и различий в религиозных верованиях. Принцип формирования полиции продолжал сохранять российские корни, но учитывался и местный аспект, позволяющий регулировать общественный порядок с помощью местных органов полиции (терская милиция) [8, с. 137 – 143].

Для территорий Закавказья типичным было увеличение числа местных дворян в полицейских рядах. Существовала определенная иерархия, которой подчинялись все представители органов полиции. Руководителем считался русский военный комендант, затем ему подчинялся местный полицейский служащий, называемый нацвали. В дальнейшем система претерпевала изменения, что было напрямую связано с национальными особенностями. В связи с этим, учитывая все данные, в законодательстве находились более 240 актов, которые затрагивали реформирование в полицейских органах данных регионов.

Значительными по объему и не менее важными по значению, с точки зрения правовых вопросов, являлись Дальний Восток и Сибирь. В данных регионах в процессе появления и развития органов полиции особую роль играло казачество. Свод законов Российской империи определял казаков именно в качестве сословия, принадлежность к которому наделяла их наследственными правами и обязанностями. Длительное время они считались «войсковым сословием» [1]. Казаки, которые находились в городе, назывались городовыми и были в обязательном порядке включены в базу органов полиции. Представители казачества служили в полиции в своих национальных нарядах, входили в составы полков и сотен. Город Омск являлся средоточием управления полиции Западной Сибири, где и находились казаки. Казачье войско выполняло функции полиции по причине внутренней убежденности и готовности

служить и защищать народ и общественный порядок [4, с. 68].

Следует обратить внимание на военизированные императивы полицейской деятельности, в XIX веке имевшие место в отдельных западных регионах Российского государства. В частности, это так называемая «система Муравьева», действовавшая в Северо-Западном крае. Рассматривая военизированные императивы, отметим, что они были связаны с частью задач, которые возлагались на генерал-губернаторов. В первой половине XIX века основной задачей становится усмирение национальных окраин, которые входили в состав Российской империи. В деятельности генерал-губернаторов со второй половины XIX века начинает превалировать полицейская функция, предусматривающая борьбу с революционными движениями, включающими националистов и сепаратистов на всей территории империи. Однако отметим, что это было возможно только при привлечении органов полиции [7, с. 58].

Исследователи отмечают, что за изучаемый период принято, в общей сложности, 74 законодательных акта, составленных специально для полиции конкретной территории. Основопологающий документ, который включал в себя все изменения в полицейских органах, именуется Высочайшим указом «О преобразовании полиции Сибири» и закреплён в рамках Государственного совета от 12 июля 1867 г. На базе данного документа произведены преобразования в органах полиции в рамках западной и восточной территории Сибири. Произошла замена полицейских округов на управления, однако на острове Сахалин полицейское управление представляло

собой небольшой кадровый состав: смотрителя и его подчинённых. Происходит объединение городской и сельской полиций, где все территориальные единицы, представленные Сибирью, Дальним Востоком и Северным Кавказом создают штат полицейских, включающих более 400 чиновников. В Западной Сибири было образовано 63 городских и 190 окружных полицейских управлений.

Несмотря на все преобразования, на всей территории страны в организации деятельности органов полиции исследователи выделяют следующие проблемы:

- 1) недостаток кадрового состава;
- 2) низкий уровень заработной платы чиновникам;
- 3) недостаточно организованный профессиональный отбор кадров;
- 4) отсутствие специальной подготовки для работы в органах;
- 5) большая загруженность полицейских служащих;
- 6) излишняя работа с документацией.

Все перечисленные проблемы отражали необходимость совершенствования полицейской системы. Первые законодательные изменения затронули такие регионы, как Урал, Поволжье, Крым, Белая и Малая Россия, европейская часть северной страны. В европейской части империи и Поволжье были организованы изменения в финансовых, пенсионных и полицейских сферах.

Таким образом, анализ Свода законов Российской империи на предмет исследования документа по направлению изменений, происходящих в полицейском праве данного периода, позволил подтвердить значимость этого документа, как основополагающего памятника полицейского права XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свод Законов Российской Империи [Электронный ресурс] // Классика российского права. URL: <http://civil.consultant.ru/code> (дата обращения: 04.12.2020).
2. Самарский А. Н., Жуланов А. В. Совершенствование законодательства Российской импе-

рии в первой половине XIX века: Свод законов Российской империи // Философия права. 2020. № 1 (92). С. 100 – 104.

3. Ботанцов И. В. Характеристика источников права Российской империи 1832 – 1917 гг. // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань, 2016. С. 34 – 37.

4. Коновалов И. А. Полицейская деятельность городских казаков в первой половине XIX века // История государства и права. 2014. № 14. С. 67 – 75.

5. Мочалова А. А. Полное собрание законов Российской империи как исторический источник преобразований в полиции второй половины XIX – начала XX века // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 5. С. 220 – 225.

6. Коновалов И. А. Полицейская реформа в Сибири второй половины XIX века // История государства и права. 2014. № 9. С. 47 – 56.

7. Тимошевская А. В. Государственно-правовой статус регионов Российской империи как основа полицейской системы // История государства и права. 2011. № 21. С. 54 – 58.

8. Матвеевский А. П. Обзор содержания, изданий и продолжений Свода законов Российской империи. (I-XV т.). СПб., 1887. С. 137 – 143.

© Самарский А. Н.
© Жуланов А. В.

УДК 351.862.6:443.357(470)“1914/1916”

В. В. СЕНИЧЕНКО, *главный научный сотрудник Отдела исследования стратегических проблем управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор исторических наук, профессор (г. Москва)*

V. V. SINICHENKO, *Chief Researcher of the Department of Research of Strategic Management Problems of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of History, Professor (Moscow)*

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ НОРМ ПРАВА
НА ИЗГОТОВИТЕЛЕЙ ВОЕННОЙ ПРОДУКЦИИ И ПРОБЛЕМЫ
ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

**EXTENSION OF RESTRICTIVE RULES OF LAW TO MANUFACTURERS
OF MILITARY PRODUCTS AND PROBLEMS OF ORGANIZATION OF
MILITARY PRODUCTION IN RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации военного производства на фабриках и заводах Российской империи в годы Первой мировой войны. На основе анализа архивных данных делается вывод, что российским властям не удалось в 1914–1916 гг. наладить массовый выпуск военной продукции. На лучших предприятиях России недовыпуск военной про-

дукции составлял 50 % от их промышленных мощностей. Причина состояла как в недостатках организации и управления предприятиями военной промышленности России, так и в провале ввоза в Россию станков и промышленного оборудования из-за границы. В мае 1916 г. российские власти, стремясь ликвидировать развал производства и транспорта, ввели уголовную ответственность для представителей частного бизнеса за невыполнение государственного оборонного заказа. Умышленная непоставка военной продукции или преступная небрежность при его выполнении отныне вели не к административной или материальной, а к уголовной ответственности должностных лиц коммерческих или общественных организаций.

Ключевые слова и словосочетания: Первая мировая война, русская армия, военная экономика, экономическая блокада, снабжение, Особое Совецание.

Annotation. The article deals with the organization of military production in factories and plants of the Russian Empire during the First World War. Based on the analysis of archival data, it is concluded that the Russian authorities failed to start mass production of military goods in 1914-1916. At the best enterprises in Russia, shortfall in production of military goods amounted to 50% of their industrial capacities. This resulted from both the shortcomings of the organization and management of Russian military industry enterprises, and the failure to import machine tools and industrial equipment into Russia from abroad. In May 1916, the Russian authorities tried to eliminate the collapse of production and transport and criminalized representatives of private business for non-fulfillment of the state defense order. Intentional non-delivery of military products or criminal negligence in its execution, henceforth led not to administrative or material, but to criminal liability of officials of commercial or public organizations.

Keywords and phrases: First World War; Russian army, military economics, economic blockade, supply, Special Council.

Первая мировая война 1914 – 1918 гг. характеризовалась не только глобальным характером военных действий (воюющие державы одновременно вели боевые действия в Европе, Северной, Центральной и Восточной Африке, Ближнем Востоке, Тихоокеанском регионе), но и значительными техническими новациями. Война породила применение новых видов вооружения и боевой техники. Тотальная мобилизация воюющих держав сопровождалась переводом национальных экономик на военные рельсы. Война стала соревнованием не столько военного искусства полководцев, сколько экономических потенциалов воюющих держав.

Россия оказалась в числе аутсайдеров из-за того, что тыл не смог удовлетворить нужды фронта. Результатом неудовлетворительной организации военного положения стало поражение России в войне.

Вместе с тем существует и другая концепция, объясняющая причины свержения династии Романовых в результате февральской революции 1917 г. и появле-

ния с 1 сентября 1917 г. республиканской России.

Правда популярна она не столько в научной, сколько в публицистической и кинематографической среде. Россия, считают некоторые публицисты, была готова к войне и выиграла бы ее, если бы не большевики, устроившие октябрьский переворот 1917 г. и поспешившие заключить сепаратный (позорный Брестский мир марта 1918 г.) договор с почти уже побежденными Германией, Австро-Венгрией и Османской империей.

Однако со времен современников, к числу которых мы можем отнести генерала Н. Н. Головина общепризнано, что Россия оказалась не готова к войне в военно-техническом плане, не смогла развить свой военно-промышленный комплекс и наладить должным образом снабжение своей армии техникой и снаряжением из-за границы. В результате череды поражений русской армии генералы и либеральная буржуазия воспользовались народным недовольством для свержения монархии [1, с. 75].

Уже по прошествии полугода активных боевых действий вооруженные силы государств-участников войны подверглись серьезному истощению. Вооруженная борьба приняла затяжной позиционный характер. Это стало настоящим испытанием для российской армии, исчерпавшей к весне 1915 г. весь мобилизационный запас снарядов и патронов.

Российская военная промышленность в довоенный период была развита слабо, многие военные заказы на строительство военных кораблей и тяжелой артиллерии размещались за границей (Англии, Франции). Неблагоприятные условия создала и непродуманность русской мобилизации, которая привела к тому, что многие квалифицированные рабочие оказались в действующей армии, а не остались на производстве [2 – 6].

Начальник хозяйственного отдела Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерал-лейтенант Е. К. Смысловский отмечал, что Первая мировая война поставила вопрос о привлечении к производству предметов обеспечения армии не только казенных, но и всех предприятий страны. Для планового управления всем народным хозяйством потребовалось создание специальных экстраординарных органов по мобилизации и регулированию народно-хозяйственного комплекса страны. Формирование таких органов в России началось в 1915 г., когда русская армия столкнулась с катастрофической нехваткой вооружения, снаряжения и транспорта [7, с. 70].

13 мая 1915 г. было учреждено Особое совещание для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения во главе с военным министром. Военный министр получил право привлечения к работе всех частных заводов России, а также право выдавать им для выполнения военных заказов чрезвычайные кредиты, направленные на закупку за границей оборудования, необходимого для расширения произ-

водства военной продукции [8, с. 437]. 7 июня 1915 г. председатель Особого совещания получил широкие полномочия по применению секвестра, реквизиций, контролю за ходом выполнения военных заказов на фабриках и заводах России [9, с. 88]. Однако вскоре особое совещание выявило огромное количество проблем, связанных с выпуском военной продукции на частных заводах и фабриках. Так, особое совещание по обороне государства собранное 27 октября 1915 г. обсуждало вопрос о производительности Путиловских заводов (Петроград).

«Общество Путиловских Заводов» – акционерное общество, объединявшее шесть металлургических предприятий Российской Империи.

С началом Первой мировой войны Общество Путиловских заводов получило большие заказы на производство оружия, боеприпасов и комплектующих к ним. Но с 1915 г. поставки начали задерживать.

Для выяснения обстоятельств была создана наблюдательная комиссия, которая 27 октября 1915 г. выслушала заявления приглашенных на заседание Комиссии инспекторов особого совещания – князя А. Г. Гагарина и генерал-майора Кривошеина, а также исполняющего обязанности уполномоченного от министерства финансов при правлении «Общества Путиловских заводов» – действительного статского советника Мебеса, удостоверивших, что положение дел означенного общества представлялось крайне неудовлетворительным. Общество не имело в октябре 1915 г. никаких свободных средств и было лишено возможности ввиду чрезвычайной задолженности получать займ посредством кредитных операций. Между тем Обществу предстояло выполнить ряд срочных платежей на сумму в 9,5 млн руб. причем ожидаемые поступления по выполненным заказам составляли лишь сумму в 5 млн руб. Из-за финансовых обстоятельств нечем было выплачивать даже

заработную плату рабочим, что грозило к концу 1915 г. забастовками [10, л. 7].

Кредитовавший ранее Путиловские заводы «Русско-азиатский банк» был лишен возможности выдавать Обществу какие бы то ни было дальнейшие ссуды, так как согласно уставу Банка размер кредитов, которые могли быть открыты отдельному предприятию, не должен был превышать 10 % складочного капитала Банка, достигавшего в октябре 1915 г. суммы в 49 млн руб. Между тем размер долга «Общества Путиловских заводов» перед банком составлял тогда не 5 млн, а 11 млн руб.

Кроме означенного кредита от Русско-азиатского банка Общество получило из средств Государственного Казначейства ссуду в сумме более 11 млн руб. сроком на 2,5 года. Наконец, «Общество Путиловских заводов» состояло должником Государственного казначейства по полученным под заказы военного и морского ведомства авансам в сумме свыше 42 млн руб. [10, л. 8].

Несмотря на получение в течение последнего года столь значительных сумм, недостатки в деятельности Правления общества Путиловских заводов в ведении работ, в положении рабочих, организации технических устройств и надзора за ходом работ были столь очевидны, что это грозило развалом производства.

Так, электрическая станция судостроительного завода была чрезвычайно слаба и снабжена неисправными котлами, причем работали лишь 2 турбогенератора, третий же еще не прибыл. Мостовые краны не были готовы к работе и монтировались чрезвычайно медленно. Мартеновская и кузнечная мастерские были недостаточно производительны, и внутренние сообщения между этими мастерскими не были налажены должным образом [10, л. 8].

В пушечном заводе постоянно наблюдался прогул станков, вызываемый исключительно упущениями администрации. Технический надзор был не-

достаточен, причем с установкой вновь заказанных 335 станков эта недостаточность вызвала увеличение простоя закупленной за границей техники. Инструментальная мастерская также была недостаточна, а мастера принуждены были останавливать работы за отсутствием инструмента. Не были своевременно приняты надлежащие меры к обеспечению рабочих жилищами вблизи завода и не было организовано их питание. В результате рабочие теряли значительную часть свободного времени на приобретение пищевых продуктов и уход для этого с работы. Все указанные недостатки значительно сокращали производительность заводов (по оценке специалистов до 50 % дневной выработки), и это происходило на одном из передовых в России накануне войны предприятий [10, л. 8].

Как мы видим, более чем через год после начала боевых действий состояние российского военно-промышленного комплекса было крайне неблагоприятным. Не исправилось оно и позднее.

Так, журнал комиссии «По выяснению причин недопоставок некоторыми заводами предметов артиллерийского снабжения» от 16 марта 1916 г. под председательством помощника военного министра генерал-лейтенанта Лукомского содержит следующие сведения: акционерное общество «Симменс и Шуккерт» заключило с военным министерством России 10 контрактов. Контракты с обществом были заключены в своей массе в довоенный период: часть – в 1912 г., часть – в 1913 г., лишь два контракта в 1915 г. [10, л. 41].

К марту 1916 г. ни одного контракта, кроме контракта на поставку 8 прожекторов, сданных в армию еще до войны 24 февраля 1914 г., обществом «Симменс и Шуккерт» не было выполнено.

Конечно можно сказать, что общество «Симменс и Шуккерт» в рамках компании против «немецкого засилья» было дезорганизовано самими российскими

властями, арестовавшими некоторых владельцев коммерческой организации и введшими там в декабре 1914 г. внешнее управление правительственного инспектора.

Вскоре новое управление выявило, что зеркала в России не изготавливаются и были заказаны ранее немецким руководством фирмы в Германии. Естественно, в условиях войны заказ был не выполнен, а перечисленные средства остались на счетах в Берлине.

Поэтому новое руководство решило заказать зеркала для прожекторов в Англии. Однако в 1915 г. выяснилось, что в Англии не оказалось возможным достать зеркала всех нужных размеров. Кроме того, зеркала заказанные ранее фирмой в Англии были реквизированы британским правительством в начальный период войны [10, л. 42]. После новое руководство заказало изготовление зеркал предприятиям в Швеции, которые к марту 1916 г. не успели выполнить заказ [10, л. 43].

Самое интересно, что после введения внешнего управления российские чиновники разместили фирме «Симменс и Шуккерт» на ее заводах в России заказ на взрыватели для снарядов по контракту 1915 г. в количестве 2,75 млн штук. До 1 марта 1916 г. должно было сдано военной приемке 800 тыс. штук, в действительности предприятие произвело лишь 15 тыс. штук [10, л. 43].

Второй контракт 1915 г. был на производство гранат в количестве 450 тыс. штук. До 1 марта подлежало сдаче 220 тыс. штук, в действительности было сдано 101 тыс. штук [10, л. 45]. Причина состояла в том, что вместо 190 станков гранаты производили 40 станков с производственной мощностью всего 550 гранат в сутки. Как поясняло новое руководство фирмы немедленно по заключению контракта в США были командированы инженеры коммерческой организации для приобретения необходимого оборудования для производства взрывателей со сроком доставки станков в Архан-

гельск с мая по ноябрь 1915 г. К марту же 1916 г. из 700 с лишним станков, заказанных в Америке, было привезено в Архангельск – 457 [10, л. 44]. 214 станков находится на пароходах, затертых льдами в Белом море, и лишь при их получении можно было значительно увеличить производство взрывателей и гранат. Из-за небрежности организаторов, станки стали поступать в Россию разрозненными партиями, инструмент же был получен на 3–5 месяцев позже прибытия первых станков и в далеко не полном количестве. Из 457 завезенных станков на заводах «Симменс и Шуккерт» было установлено только 366. По сути, на них можно было организовать производство взрывателей, но без изготовления жал, так как инструмент для производства этого элемента не был поставлен. Суточное производство в марте 1916 г. составляло 1100 взрывателей, при плане 5 000 штук [10, л. 44].

Ситуацию с производством вооружения и военного снаряжения на заводах «Симменс и Шуккерт» можно отчасти объяснить сменой руководства и некомпетентностью новых управляющих лиц, однако ситуация с предприятиями других фирм говорит о серьезном кризисе российской военной промышленности в начале 1916 г. Так, «Франко-русский завод» производил в марте 1916 г. капсюльные втулки для снарядов. В сутки выпускалось 22 тыс. втулок [10, л. 45]. Однако в феврале 1916 г. на завод не было доставлено топливо в достаточном количестве, и вместо 10-часового рабочего дня работники трудились лишь 3 часа в день. Целую неделю завод простаивал из-за отсутствия необходимых металлов, особенно меди. Из числа обещанных 1169 вагонов с металлами было получено лишь 325 [10, л. 45]. Сумбур в организацию производства добавило то, что должно было вывести его на более высокий уровень – новая организация закупок.

Если до войны завод сам закупал медь в Америке, то после начала войны

для централизации закупок и военного снабжения была создана специальная организация – «Металснабжение».

Однако набранные там чиновники то ли не имели достаточной квалификации, то ли не смогли обработать весь массив заявок от заводов и фабрик России, в результате чего «Франко-русский завод» получил металл всего на два месяца производства. В результате образовался простой предприятия и значительное невыполнения плана военных поставок.

Так как меднопрокатная мастерская завода недополучила своевременно 1 300 тонн меди, недопоставка фугасных гранат с «Франко-русского завода» составила 107 тыс. штук в июне – августе 1915 г.

Центральный военно-промышленный комитет также не смог наладить своевременную доставку на завод инструментальной стали. Вследствие недостатка стали и топлива завод останавливался на несколько раз в неделю. В результате суточная производительность снарядов для 122 мм гаубиц (48 линейных) составляла 1400 штук при плане в 10 000 [10, л. 45].

Хаос в организации военного производства в Российской империи характеризует следующий факт. На заводе в марте 1916 г. имелось 80 легких для производства 122 мм снарядов фрезерных станков, годных для изготовления 3-х дюймовых снарядов (76 мм.), которые простаивали, так как завод имел контракт только на 122 мм гаубичные снаряды, а производство снарядов для полковой, а не дивизионной артиллерии было передано на другие предприятия [10, л. 45].

Заводы «Русского общества изготовления снарядов», изготовившие к марту 60 тысяч изделий, отмечали, что не могут их направить на фронт, так как не было дистанционных трубок, что задерживало окончательную сборку снарядов. Вагон с произведенными в США трубками, отправленный из Архангельска в начале января, пропал и не был разыскан. Несмотря на все усилия военной контр-

разведки и полиции, трубки не были найдены. Что за этим стояло? Махинации государственной приемки или враждебный акт германской разведки установить не удалось.

Дистанционные трубки снарядов были заказаны заводу «Гантке» в Саратове, который, однако, как и «Симменс и Шуккерт» тоже попал под «антинемецкую компанию» и поэтому заказ был своевременно не исполнен. В результате подряд на создание дистанционных трубок отдали заводам «Путиловской группы», о проблемах которой говорилось выше [10, л. 45].

Заводы «Русского общества изготовления снарядов» также не выполняли план по производству 122 мм снарядов. В марте 1916 г. изготовлялось 12 000 штук в месяц при плане 15 000 штук. Невыполнение плана объяснялось нехваткой профессиональных рабочих.

Выпускали заводы и 152 мм снаряды в количестве 3 000 штук в месяц. Добиться большей производительности было нельзя в виду недополучения из США необходимых станков. Кроме того, в январе и феврале 1916 г. заводом ощущался «металлический кризис». Он был обеспечен металлом для производства 76 мм снарядов на 25 дней, 122 мм снарядов на 40 дней и 152 мм. снарядов на 56 дней.

Завод «Леснера» в Петрограде выпускал 122 мм снаряды и также испытывал недостаток в чугуне и угле. Из 180 станков в работе находились только 100. Причем две мастерские, ранее производившие 122 мм снаряды, были переориентированы на выпуск 102 мм снарядов для морского ведомства. В результате всех этих недостатков в организации и снабжении завода при плане в 17 тыс. снарядов в месяц завод «Леснера» производил только 8 тыс. 102 мм и 76 мм снарядов [10, л. 46]. Невский судостроительный завод производил 76 мм снаряды. План их был сорван из-за остановки печей на Брянском заводе, где были заказаны стаканы для снарядов. Кроме того, ежемесячное

производство 122 мм снарядов также отставало от плана: 3000 штук вместо 5000 штук, так как ранее купленные 40 станков, изготовленных в Москве, не были доставлены в Петроград.

«Богословское горнопромышленное общество», также провалившее военный заказ, объясняло это неполучением станков из США. Из числа 423 заказанных, обществом было получено к марту 1916 г. только 45 станков. Всего общество имело в распоряжении на март 1916 г. полтораста станков, производивших около 5000 122 мм и 152 мм снарядов в месяц [10, л. 46].

«Акционерное общество Вестингауз» также объясняло недовыпуск запланированной продукции (5000 снарядов в месяц) недостатком станков, материалов и техническими затруднениями при начале производства [10, л. 47].

Николаевский завод исполнил заказ на производство 25 тыс. снарядов в месяц при плане в 60 тыс. штук. Причина та же — неприбытие станков из-за границы [10, л. 47].

Заводы акционерного общества «Динамо» также недовыполнили план в 15 тыс. снарядов в месяц из-за того, что часть ранее приобретенных ими станков находилось на американском пароходе «Кондор», затертом льдами в Белом море. Жаловался на пароход «Кондор» и завод «Пелла» в Петрограде, на нем находились 54 станка этой фирмы для производства 76 мм снарядов [10, л. 48]. Всего завод «Пелла» заказал 142 станка в США и Японии. Сталь на завод поступала из Швеции, а стаканы для снарядов из Финляндии [10, л. 48].

Простаивал эвакуированный из Таллина (Ревеля) в Горловку (Донбасс) завод «Беккера». Паровые котлы для нового завода в Горловке были заказаны в Англии и должны были быть поставлены к июлю 1916 г. После поставки котлов завод обещал производить 15 тыс. снарядов в месяц. Завод имел более 100 эвакуированных станков. Часть станков осталась

в Таллине и продолжала производить взрыватели для 122 мм снарядов.

Другой эвакуированный завод — рижский «Русско-Балтийский завод» — был перенесен в Таганрог. Однако он также не был запущен на полный цикл производства, на заводе не было базового оборудования. Так, 15 плавильных прессов были заказаны в Англии и Америке и к марту 1916 г. только ожидали разрешения на вывоз [10, л. 47].

Третий эвакуированный завод по производству боеприпасов «Лильпоп, Рау и Левенштейн» был вывезен из Варшавы. Он тоже бездействовал. На Ижорском заводе для польского эвакуированного завода было заказано 3 прессы, а 100 станков заказаны в Англии, Америке и России. Однако ни прессы, ни станки не поступили к марту 1916 г. [10, л. 48].

Вообще поставка станков из-за границы стала проблемой многих российских заводов. Отметим, что не всегда в этом были виноваты американские или британские поставщики, много изготовленных станков и приспособлений находились в Архангельске и Владивостоке и не вывозились со складов на предприятия. Так, Коломенский завод не мог получить 70 станков со складов Архангельска в течение полугода [10, л. 48]. В результате при плане в 45 тыс. взрывателей в день выпускалось лишь 1 500 [10, л. 48].

Жаловалось руководство завода на развал транспорта и несвоевременную поставку материалов от смежников, в частности стаканов для снарядов с завода Сормово [10, л. 48].

Не было поставлено 53 станка из Швеции для завода «Рузского», они находились несколько месяцев на запасных путях Финляндского вокзала Петрограда и не были отправлены далее [10, л. 48].

Подобная беспечность в деле организации обороны привела к знаменитому «снарядному голоду», на который жаловались на фронте. Таким образом, весной 1916 г. из-за повсеместного невыполнения военного заказа общими были

требования со стороны машиностроительных заводов к Особому совещанию по делам обороны: возврат опытных рабочих с фронта на предприятия; предоставление американской валюты, так как США в отличие от Великобритании не предоставлял в 1914 – 1916 гг. России льготный кредит на покупку вооружения и снаряжения; доставка на машиностроительные заводы России, производившие вооружение, металла, а также угля для доменных печей [10, л. 44].

Однако российские власти посчитали, что главной причиной является плохая организация производства и логистики на частных заводах. Поэтому решением Совета министров от 10 мая 1916 г. было принято решение «О наказуемости лиц, принадлежащих к составу общественных и частных организаций, учрежденных для удовлетворения вызываемых войною потребностей, за совершенные оными лицами при исполнении своих обязанностей деяний, заключающих в себе подлога, мздоимства, лихоимства и особых злоупотреблений по подрядам и поставкам».

По ходатайству министра юстиции А. А. Хвостова «в отношении ответственности за злонамеренные нарушение своих обязанностей к лицам состоящим на государственной или общественной службе лиц, на такой службе не состоящей» были применены виды ответственности из главы 11 раздела 5 Уложения о наказаниях Уголовных и исполнительных [11].

В результате в отделение 7 Свода законов Российской империи «О пре-

ступлениях и проступках лиц, принадлежавших к составу общественных и частных организаций, учрежденных для удовлетворения вызываемых войною потребностей» была введена ст. 505. Она гласила: «Лица входящие в состав разрешенных законом или подлежащие властью городских, земских, сословных или иных общественных и частных организаций, имеющих своей целью снабжение армии и флота предметами снаряжения и довольствия, а равно иные работы по государственной обороне или же оказанию помощи больным и раненым воинам, презрение семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов и обеспечении участи пострадавших от военных бедствий за совершение при исполнении своих служебных обязанностей деяний, заключающих в себя признаки преступлений, предусмотренных ст. 362, 372 – 378, 380 – 381, 485, 492 ч. 2, 493 ч. 3, 497 ч. 2 подвергаются наказаниям в означенных статьях определенных» [10, л. 55].

Отныне умысел, преступное легкомыслие или преступная небрежность в деле снабжения армии и флота грозили виновным частным предпринимателям уголовной ответственностью.

Итак, неэффективная работа частных предприятий России в 1915 – 1916 гг. по выполнению военного заказа привела к тому, что государство 10 мая 1916 г. ввело норму об уголовной ответственности за срыв государственного контракта для частных предпринимателей и руководителей общественных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М. : Вече, 2014. 544 с.
2. Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966. 400 с.
3. Лебедев В. В. Русско-американские экономические отношения (1900 – 1917 гг.). М., 1964. 379 с.
4. Листиков С. В. США и революционная Россия в 1917 году: к вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006. 452 с.
5. Мобилизация промышленности // Известия Центрального военно-промышленного комитета. № 11. 1915 г.

6. Рогачёв И. В. Архангельский Север в отношениях России и США в годы Первой мировой войны, 1914 – 1918 гг. Архангельск, 2015. 192 с.

7. Алексеев Т. В. Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны (1914 – 1917гг.) / Т. В. Алексеев. СПб. : Лема, 2015. 767 с.

8. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915 – 1918 : в 3 т. Т. 1. 1915 / Рос. ист. о-во, Федер. архив. агентство, Рос. гос. военно-ист. архив, Ин-т рос. истории РАН, Рос. полит. энциклопедия, сост. А. П. Корелин, А. С. Грузинов, М. К. Шацилло. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 559 с.

9. Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М. : Наука, 1986. 240 с.

10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Фонд. 369. Опись. 11. Дело 3.

11. Свод законов Российской империи Т. 15. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1885 г. URL: <https://runivers.ru/lib/book7372> (дата обращения: 07.12.2020).

© Синиченко В. В.

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**

УДК 340.131.5:342.565.2(470-43)

Ф. Р. МУРАТШИН, доктор юридических наук, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, судья Конституционного Суда Республики Башкортостан в отставке (г. Уфа)

F. R. MURATSHIN, Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Retired Judge of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, Doctor of Law (Ufa)

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ
КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА
И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ**

**PRELIMINARY CONSTITUTIONAL CONTROL AS A WAY TO IMPROVE THE
QUALITY OF LAWMAKING AND ENSURE THE LEGITIMACY
OF THE GOVERNMENT**

Аннотация. Статья посвящена анализу предварительного конституционного контроля как разновидности конституционного контроля, осуществляемого органами конституционной юстиции. Показаны сущность и специфика предварительного конституционного контроля, раскрыты «плюсы» и «минусы» данного способа проверки конституционности принимаемых нормативных правовых актов, проанализирован отечественный и зарубежный опыт предварительного конституционного контроля. При этом особое внимание уделено анализу практики

предварительного контроля вносимых в конституции (уставы) поправок, рассмотрен предварительный конституционный контроль в качестве способа легитимации власти и принимаемых ею решений. В статье дана правовая оценка последним изменениям, внесенным в Конституцию Российской Федерации, касающимся расширения полномочий Конституционного Суда Российской Федерации посредством наделения его правом осуществления предварительного контроля по отношению к законопроектам о внесении изменений и дополнений в Конституцию страны. В работе использованы теоретические методы формальной и диалектической логики, метод сравнения, аксиологическая (ценностная) методология.

Ключевые слова и словосочетания: нормоконтроль, конституционный контроль, предварительный конституционный контроль, конституция, устав, субъект Российской Федерации, Республика Башкортостан, конституционное законодательство, нормативный правовой акт, легитимность, легитимация.

Annotation. The article is devoted to the analysis of preliminary constitutional review as a kind of constitutional control carried out by the bodies of constitutional justice. In particular, it shows the essence and specifics of preliminary constitutional control, reveals the “pros” and “cons” of the method of checking the constitutionality of adopted normative legal acts, analyzes the domestic and foreign experience of preliminary constitutional control. At the same time, special attention is paid to the analysis of the practice of preliminary control of amendments to the constitution (charters), preliminary constitutional control is considered as a way of legitimizing the government and its decisions. The article gives a legal assessment of the latest amendments to the Constitution of the Russian Federation concerning the expansion of the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation by granting it the right to exercise preliminary control over draft laws on amendments to the Constitution of the country. The article uses theoretical methods of formal and dialectical logic; comparison method, axiological (value) methodology.

Keywords and phrases: compliance assessment, constitutional control, preliminary constitutional control, constitution, charter, constituent entity of the Russian Federation, Republic of Bashkortostan, constitutional legislation, normative legal act, legitimacy, legitimation.

Под конституционным контролем в юридической литературе обычно понимается проводимая в установленной процессуальной форме проверка содержания правовых актов или действий органов государственной власти и органов местного самоуправления, а иногда и общественных организаций на предмет соответствия требованиям конституционных норм. Это следует из того, что все правовые акты, принимаемые в государстве, должны соответствовать (или по крайней мере не противоречить) Конституции, обладающей высшей юридической силой.

Прежде всего, следует отметить, что конституционный контроль может осуществляться как традиционными органами государственной власти (высшим должностным лицом государства, парламентом, судами общей юрисдикции), так и специализированными органами конституционного контроля

(органами конституционной юстиции). Появление же института судебного конституционного контроля тесно связано с США. Там в 1803 году под председательством Дж. Маршалла Верховный Суд страны в деле У. Мэрбери против Дж. Мэдисона впервые провозгласил верховенство федеральной Конституции и указал, что любой закон, принятый Конгрессом, в случае его противоречия с Конституцией может быть признан неконституционным [1].

В юридической литературе обычно выделяют американскую и европейскую модели организации конституционного контроля [2, с. 29]. Если в американской модели конституционный контроль осуществляется высшей инстанцией судов общей юрисдикции, то европейская модель, сформировавшаяся после Первой мировой войны, предполагает наличие специального органа конституционного контроля (например, Конституционный

совет во Франции, Конституционный суд в Италии, Конституционный трибунал в Польше и т. д.). Основоположником идеи европейской модели считается австрийский правовед Ганс Кельзен.

В современной России система органов конституционного контроля сформирована по типу европейской модели. Согласно статье 125 (часть 1) Конституции страны Конституционный Суд Российской Федерации – высший судебный орган конституционного контроля в России, который осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

В систему российских органов, осуществляющих функции судебного конституционного контроля, на сегодняшний день входят также конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации. Следует заметить, что институт региональной конституционной юстиции в стране не получил должного развития. Так, в настоящее время только в шестнадцати субъектах Федерации образованы и работают свои конституционные и уставные суды. И это в то время, когда двадцать пять субъектов Федерации, основываясь на собственных конституционных (уставных) нормах, приняли особые законы о региональных органах конституционного контроля. Еще двадцать два субъекта Федерации в своих основных законах провозгласили учреждение собственных конституционных и уставных судов [3, с. 28].

Нельзя не отметить, что в скором времени, скорее всего, институт конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации будет упразднен. Так, в настоящее время на рассмотрении Государственной Думы Российской Федерации находится соответствующий законопроект, не предусматривающий в российской судебной системе наличие региональных конституционных и уставных судов. Вместо этого предполагается при законодательных органах субъектов Федерации образовать конституционные (уставные)

советы, которые будут осуществлять функции конституционного контроля.

Чаще всего конституционный контроль осуществляется применительно к принятым и действующим нормативным правовым актам, если они были в установленном порядке обжалованы. В случае, если такие акты в результате конституционной проверки будут расценены как противоречащие конституционным нормам, они признаются неконституционными. Такой контроль именуется последующим. Однако наряду с этим есть и предварительный конституционный контроль. Он существует там, где определенные компетентные органы наделены правом давать заключения о соответствии законопроектов требованиям Конституции еще до вступления их в силу после принятия парламентом или даже до процедуры голосования в парламенте. Если законопроект будет признан не соответствующим Конституции, то он снимается с голосования и возвращается своему инициатору или же просто не подписывается высшим должностным лицом. Наиболее развит институт предварительного конституционного контроля во Франции, где Конституционный совет наделен самыми широкими полномочиями по проверке конституционности законопроектов на всех этапах их прохождения в парламенте [4].

Говоря о «плюсах» и «минусах» предварительного конституционного контроля, следует отметить следующее. На первый взгляд такой контроль не несет в себе ничего негативного и может расцениваться как дополнительная (наряду с последующим контролем) гарантия обеспечения конституционности принимаемых нормативных правовых актов. Так, несомненными достоинствами данного способа является то, что он помогает избежать в последующем нарушений конституционных норм, снять спорные проблемы еще до обращения заявителей в орган конституционного контроля. Предварительный контроль позволяет избе-

жать отмены нормативных документов, сохранить авторитет законодателя и обеспечить, в конечном счете, стабильность правового поля [5, с. 45].

Вместе с тем ограниченная распространенность данного способа конституционного контроля в мире заставляет задуматься и возможных его отрицательных сторонах. В качестве недостатков предварительного контроля в юридической литературе, в частности, указывается на слишком короткие сроки осуществления проверки конституционности проектов законов, угрозу «втягивания» органа конституционного контроля в зачастую чрезмерно политизированный законотворческий процесс [6, с. 38]. Кроме того, невольно возникает вопрос: сможет ли орган конституционного контроля, однажды признав еще не принятый законопроект конституционным, в дальнейшем (в случае его обжалования) поменять свою позицию и признать уже действующий закон неконституционным? В таком случае не станет ли один и тот же нормативный правовой акт объектом повторного рассмотрения органа конституционной юстиции?

С учетом названных «минусов» институт предварительного судебного конституционного контроля не получил в России широкого распространения. Так, до недавнего времени вопрос о наделении Конституционного Суда Российской Федерации какими-либо полномочиями по осуществлению предварительного судебного контроля вообще никем не поднимался. Что касается конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, то и здесь наблюдается схожая картина, правда за некоторыми исключениями. Например, по закону Республики Саха (Якутия) «О Конституционном суде Республики Саха (Якутия)» Конституционный суд данной республики осуществляет пред-

варительный контроль республиканских законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию республики, однако с одной оговоркой – с точки зрения соблюдения законодательной процедуры их принятия¹.

Имевшие место ранее предложения наделить конституционные и уставные суды полномочиями по осуществлению предварительного конституционного контроля за принимаемыми в субъектах Федерации законопроектами, высказанные, в частности, автором настоящей статьи, не получили поддержки со стороны парламентариев [7, с. 28].

Ситуация серьезно изменилась в 2020 году в связи с внесением в Конституцию России инициированных Президентом Российской Федерации В. В. Путиным изменений. Учитывая важность данных конституционных новшеств, а также предложение о проведении не предусмотренного законодательством общероссийского голосования по данной поправке, 14 марта 2020 года Президент Российской Федерации направил в Конституционный Суд Российской Федерации запрос о соответствии Конституции России не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции страны. В запросе, в частности, содержалась просьба разрешить вопросы о конституционности так называемого «обнуления» сроков ныне действующего Президента, а также о конституционности проведения всенародного голосования по поправке к Конституции. Подчеркнем, по действующему на тот момент правовому регулированию направление подобного запроса в Конституционный Суд Российской Федерации не предусматривалось.

В своем заключении федеральный орган конституционного контроля изложенные в запросе положения Закона о поправке к Конституции страны и наме-

1 См.: «О Конституционном суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве»: Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 15 июня 2002 года 16-з № 363-П. Доступ из СПС «Консультант регион» (дата обращения: 15.10.2020).

ченное всенародное голосование посчитал соответствующими Основному закону России¹.

Тем самым, признание Конституционным Судом Российской Федерации соответствующими Конституции страны ключевых конституционных изменений и конституционности намеченного всенародного голосования, а также порядка проведения такого всенародного голосования существенно усилило легитимность принятого властного решения, доказало допустимость и законность предпринятых Президентом России шагов.

Заметим, в новой редакции Конституции Российской Федерации право Конституционного Суда Российской Федерации на предварительный конституционный контроль теперь нашло прямое закрепление. Согласно части 2 (пункт «г»)) статьи 125 Конституции России Конституционный Суд Российской Федерации наделяется правом осуществления предварительного контроля на предмет соответствия конституционным нормам по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, одной пятой сенаторов и депутатов Государственной Думы, Правительства, Верховного Суда Российской Федерации, органов законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации. В соответствии с частью 5.1 (пункт «а»)) этой же конституционной статьи Конституционный Суд страны по запросу Президента Российской Федерации проверяет конституционность проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также

принятых в порядке, предусмотренном частями 2 и 3 статьи 107 и частью 2 статьи 108 Конституции, законов до их подписания Президентом России.

Конечно, судить о целесообразности введения и эффективности предварительного конституционного контроля в современной России можно будет по истечении определенного времени. Однако уже первый опыт использования данного способа конституционного контроля, когда Конституционный Суд «дал добро» на использование всенародного голосования при принятии вышеназванной поправки к Конституции и подтвердил конституционность ключевых конституционных новшеств, наглядно показал высокую степень его полезности и потенциал.

На наш взгляд, стоит задуматься о возможности использования данного опыта осуществления конституционного контроля и на региональном уровне. Если ранее, как уже отмечалось, высказываемые правоведами предложения о наделении конституционных и уставных судов субъектов Федерации полномочиями по осуществлению предварительного контроля, как правило, не получали поддержки региональных парламентариев, то сейчас, когда такой способ конституционного контроля учрежден на федеральном уровне, ситуация может измениться. Тем более, если на смену конституционным и уставным судам, которые, как ранее указывалось, так и не получили должного развития и не оправдали возложенных на них надежд, придут конституционные (уставные) советы при региональных парламентах.

Думается, признание за региональными органами конституционной юстиции права осуществлять предварительный контроль, прежде всего, за законопроек-

¹ «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации»: заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-З. Доступ из СПС «Консультант регион» (дата обращения: 25.11.2020).

тами о внесении изменений в конституции и уставы субъектов Федерации, могло бы послужить довольно эффективным «фильтром» от попадания в региональные учредительные документы расплывчатых, неконкретных, излишне политизированных и других неудачных формулировок, заблаговременно снять различные нестыковки с федеральными нормами и международными стандартами.

Более широкое внедрение в практику конституционного производства института предварительного контроля могло бы способствовать и повышению авторитета власти, юридически оградить ее от непродуманных и порой поспешных решений в законотворческой сфере, тем самым повысить ее легитимность. Ведь ни для кого не секрет, что любое государство, прежде всего в лице его властных структур, нуждается в обеспечении своей легитимности, то есть в «легитимации». Причем легитимация – не единовременное действие, а постоянный процесс, демонстрирующий гражданам полезность государственной власти; процесс придания власти особой ценности для людей; процесс выработки в общественном сознании идеи необходимости в государстве, целесообразности принимаемых им решений. Также не секрет, что современная россий-

ская власть, в том числе и региональная, и принимаемые ею решения нуждаются в поддержке населением. Особенно, если это касается наиболее важных властных решений, которые могут вызвать неоднозначную реакцию в обществе, по-разному оцениваться в средствах массовой информации, вызвать критику со стороны политических оппонентов. В этих случаях власть всячески стремится найти поддержку у народа и политических сил, получить у них одобрение, используя при этом как чисто легальные, так и иные, в том числе не прописанные законодательно, а, следовательно, юридически не обязательные, приемы.

В этой связи повсеместное учреждение в субъектах Российской Федерации новых органов конституционного контроля в виде конституционных (уставных) советов и расширение их полномочий за счет наделения полномочиями по проведению предварительного нормоконтроля, могло бы стать еще одним немаловажным средством легитимации принимаемых властных решений в законотворческой сфере, что способствовало бы повышению качества вступающих в силу законов, обеспечило дополнительную защиту прав и законных интересов наших граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верховный суд США: W. Marbury v. J. Madison. URL: <http://www.bibliotekar.ru/3-1-11-konstitucii/14.htm> (дата обращения: 04.11.2020).
2. Василевич Г. А. Конституционное правосудие. Минск : Право и экономика, 2012. 326 с.
3. Муратшин Ф. Р. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации // Вестник УЮИ МВД России. 2020. № 2. С. 248.
4. Князев С. Д. Конституционный совет Франции на современном этапе // конституционный совет Франции на современном этапе : сборник статей. М. : Издательская группа «Юрист», 2015. 268 с.
5. Комарова В. В. Конституционная реформа 2020 года в России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 45 – 49.
6. Брежнев О. В. Предварительный конституционный контроль и его реализация в России: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10 (119) октябрь. С. 36 – 43.
7. Муратшин Ф. Р. Судебный федерализм и проблемы конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации // Проблемы реализации конституций и уставов субъектов федеративных государств : материалы Всероссийской конференции, посвященной 20-летию Конституци-

онного Суда Республики Башкортостан (17 – 18 ноября 2016 года) / отв. ред. З. И. Еникеев. Уфа : Конституционный Суд Республики Башкортостан, 2017. С. 24 – 32.

© Муратшин Ф. Р.

УДК 342.7-054.7(470+574)

А. Н. ШАЛАМОВА, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск)

A. N. SHALAMOVA, Chief at the Department of State-Legal Disciplines of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Irkutsk)

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ
«ВОЗВРАТИВШИХСЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ» КАК ЭЛЕМЕНТ
ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
(ОПЫТ РОССИИ И КАЗАХСТАНА)**

**ENSURING SOCIO-ECONOMIC RIGHTS OF “RETURNED COMPATRIOTS”
AS AN ELEMENT OF THE LEGAL POLICY OF THE SOCIAL STATE
(THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN)**

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы правового обеспечения возвращения в Россию лиц из числа «соотечественников», оказавшихся в силу различных обстоятельств за рубежом, их статуса и социально-экономической поддержки в контексте доктрины социального государства. Указаны возможности частичного решения таким способом демографических проблем. Исследованы имеющиеся источники права политико-правового характера и акты законодательства, дана их критика, в том числе в части легальной дефиниции понятия «соотечественник». Рассмотрен опыт Республики Казахстан в данном вопросе. Выработаны рекомендации по совершенствованию правовой политики России и правового регулирования в отношении «возвратившихся соотечественников».

Ключевые слова и словосочетания: социальное государство, правовая политика в социальной сфере, миграционная политика, «соотечественники».

Annotation. The article deals with the issues of legal support for the return to Russia of persons from among “compatriots” who found themselves abroad due to various circumstances, their status and socio-economic support in the context of the doctrine of the social state. The possibilities of partial solution of demographic problems in this way are indicated. The available sources of law of a political and legal nature and legislative acts are investigated, and their criticism is given, including in terms of the legal definition of the concept of “compatriot”. The experience of the Republic of Kazakhstan in this issue is considered. Recommendations to improve the legal policy of Russia and legal regulation in relation to “returned compatriots” are made.

Keywords and phrases: social state, legal policy in the social sphere, migration policy, “compatriots”.

Важнейшим и объективно-неоспоримым критерием эффективности социальной политики государства, в том числе правовой политики в социальной сфере, является демографическая ситуация.

За 20 лет с 1992 г. по 2012 г. суммарно смертность в России превысила рождаемость более чем на 13 миллионов человек. Эта страшная цифра в плане общей численности населения страны была примерно наполовину «смягчена» за счет интенсивной миграции. Благодаря притоку новых жителей из-за границы, прежде всего из числа граждан стран СНГ – «бывших соотечественников», общая численность населения России сократилась за указанный период «всего» на 5,9 млн человек (142,7 млн против исходных 148,6 млн). После некоторого улучшения естественных жизненных показателей демографической ситуации в России, имевшего место в период 2012 – 2015 гг., в 2016 г. цифры смертности и рождаемости сравнялись, а начиная с 2017 г. вновь начался продолжающийся до сего дня демографический кризис. Несмотря на некоторое снижение смертности в 2017 – 2019 гг. (в среднем на 30 тыс. человек в год), она все эти годы превышает рождаемость: убыль постоянного населения в 2018 г. составила 99712 человек, в 2019 г. – 32130 человек [1].

Ситуация усугубилась в 2020 г. в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19. Фиксируется увеличение связанной с заболеваниями смертности и одновременно снижение миграционной активности из-за закрытия государственных границ. Так, например, по данным Росстата в июле 2020 г. в России COVID-19 стал основной причиной смерти 6 084 человек, а еще в 1 237 случаев коронавирус не был основной причиной смерти, но оказал существенное влияние на развитие смертельных осложнений какого-то иного заболевания. В августе 2020 г. родились 126,6 тыс. младенцев, умерли 157,2 тыс. человек [2]. Общее (без учета причины)

число умерших за январь – август 2020 г. составило 1,285 миллиона человек и выросло по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. на 5,9 %. Одновременно рождаемость в России за восемь месяцев 2020 г. снизилась на 5,6 % в годовом выражении. Естественная убыль населения в России в январе – августе 2020 г. составила почти 346,9 тысячи человек (годом ранее – 219,1 тысячи человек) [3].

Руководством России предпринимаются интенсивные меры по сбережению народа и улучшению благополучия населения, экономическому стимулированию рождаемости, качественному изменению здравоохранения, увеличению продолжительности жизни граждан, «точечной» борьбе с патологиями, статистически являющимися основными причинами смерти, уменьшению числа смертей в результате причин, не связанных с заболеваниями (ДТП, убийства, самоубийства, несчастные случаи на производстве и т. д.). Однако увыв оснований для оптимизма с учетом экономической ситуации и наблюдающихся кризисных явлений не много. Поэтому одним из основных путей для преодоления депопуляции населения России, улучшения демографической ситуации, по-прежнему остается миграция. Необходимо обеспечивать ее положительное сальдо.

Понятно, что «возмещение» убывающего коренного населения России за счет прибывающих иностранцев имеет свои недостатки и риски, создает проблемы, несет явные и скрытые угрозы, в том числе и в сфере национальной безопасности. Это «захват» мигрантами определенных сегментов на рынке труда в ущерб коренному населению регионов России, проблема слабой адаптации и культурной ассимиляции мигрантов, возникающая в связи с этими двумя факторами социальная напряженность, межнациональная рознь и ксенофобия, привнесение в общую криминогенную ситуацию элементов этнической преступности, коррупционные риски, угро-

зы, связанные с проникновением экстремистской идеологии, и многое другое. Однако большинство современных российских социологов, демографов и экономистов признают, что решить задачу стабилизации демографической ситуации и преодоления кризисных явлений в экономике на сегодня без привлечения, социально-бытового закрепления мигрантов и эффективного использования их демографического и трудового потенциала очень сложно.

Очевидно, что снизить вышеназванные риски и угрозы, минимизировать негативные эффекты, неминуемо сопровождающие приток мигрантов, возможно в том случае, если их поток структурно будет состоять прежде всего из лиц, изначально готовых к естественной ассимиляции представителей этносов, историческая память которых хранит опыт совместного проживания с русскими и с другими народами России, относящихся к единому с россиянами цивилизационному коду. И, конечно же, второе дыхание следует придать так и не реализованной до конца идее возвращения «соотечественников», то есть тех лиц из числа русских и иных представителей многонационального народа России, которые в результате распада СССР и других исторических явлений оказались гражданами других государств, проживают за рубежом, однако при определенных условиях готовы вернуться на постоянное место жительства на историческую Родину.

Как представляется, важнейшими факторами, способными привлечь «соотечественников», подвигнуть их к принятию решения о переезде на постоянное жительство в Россию и принять российское гражданство, являются: а) гарантия занятости, уверенность в том, что сразу после переезда удастся найти соответствующую своей квалификации, достойно оплачиваемую работу, либо беспрепятственно начать собственный выгодный бизнес; б) гарантирование и реальное обеспечение социально-эконо-

мических прав «соотечественников» и членов их семей со стороны российского государства.

Провозглашение России социальным государством (ст. 7 Конституции РФ) предполагает, что политика ее должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие всех людей – в равной мере как «коренных», родившихся на территории государства граждан, так и тех, которые стали жителями России в результате миграционных процессов. Труд и здоровье последних должны охраняться точно так же, в отношении них должны действовать точно такие же меры поддержки семьи, материнства, отцовства и детства. Должны быть гарантии того, что при необходимости они будут полноценно охвачены системами здравоохранения и образования, социальной поддержки, социального страхования и пенсионного обеспечения, иными мерами социальной защиты. Более того, в отдельных случаях эти меры в отношении только что прибывших «соотечественников» могут быть даже усилены с учетом сложностей адаптационного периода, однако без излишеств и перекосов, то есть при этом не должен быть нарушен баланс интересов, принцип социальной справедливости. «Коренные» местные жители не должны почувствовать себя обделенными, обнаружить в усиленной поддержке «новоприбывших» дискриминационную составляющую.

Все перечисленные аспекты социальной политики государства должны быть реализованы как посредством экономических инструментов, так и путем проведения соответствующей правовой политики. Как мы ранее уже формулировали, правовая политика – это имеющая идеологические и научные (политические и юридические) основания, целенаправленная, системная и последовательная деятельность органов государства во взаимодействии с институтами гражданского общества, заключающаяся

в определении целей и задач правового регулирования, выработке правотворческой и правореализационной стратегии, дальнейшем обосновании и реализации актуальных направлений и конкретных механизмов правового регулирования для наиболее эффективного достижения целей и задач правового регулирования. Правовая политика является реализационным инструментом государственной политики в соответствующей сфере, посредством нее государственная политика переводится в юридическую плоскость для последующего создания законодательных и правоприменительных средств ее проведения в жизнь [4, с. 22]. Соответственно, социальная политика в отношении «соотечественников» должна проводиться посредством правовой политики в социальной сфере.

В России в рассматриваемой сфере в настоящее время создана определенная правовая база. Одним из основных правовых актов здесь является ФЗ «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» (далее – Закон о соотечественниках) [5]. Несмотря на всю значимость данного закона, он по своей сути нарушает логику построения правовой системы. Как представляется, эта логика предполагает, что сначала должна быть выработана и зафиксирована в источниках права политико-правового характера правовая политика. А уже затем на основе четко сформулированных элементов правовой политики во исполнение этих элементов принимаются законы и издаются иные нормативные правовые акты. Как известно, согласно канонам юридической техники наименование закона должно четко передавать его содержание, предмет его регулирования. Значит, Закон о соотечественниках устанавливает политику, что само по себе нонсенс. Закон не должен описывать правовую политику, закон должен регулировать общественные отношения. К сожалению, это не единственный такой случай [6].

Законодателю в данном случае следовало бы изучить собственный отрицательный опыт. В 1997 г. Государственная Дума приняла внесенный еще в 1995 г. законопроект «О государственной политике в области экологического образования и просвещения», однако он был отклонен Советом Федерации. Согласительная комиссия предложила более соответствующий логике правового регулирования вариант наименования – «О государственном регулировании образования в области экологии». Под этим наименованием в 1998 г. он был принят, одобрен Советом Федерации, однако был отклонен Президентом РФ. В 1999 г. для работы по данному законопроекту была создана специальная комиссия, об успехах которой ничего не известно. В 2005 г. законопроект был бесславно снят с рассмотрения [7]. Таким образом, 10 лет работы парламента по данному вопросу прошли впустую, в том числе из-за неправильного определения предмета регулирования. Тем не менее, законодатель не оставляет своих попыток урегулировать политику законом [8].

Мы по данному вопросу солидарны с М. А. Мушинским, который в нескольких своих работах убедительно обосновывает концепцию, согласно которой создание актов законодательства в той или иной сфере должно предварять выработку правовой политики в соответствующей сфере правового регулирования, и эта политика должна быть отражена в источниках права политико-правового характера, в том числе в так называемых «документах стратегического планирования». Автор пишет: «последовательность создания документов – источников российского права политико-правового содержания – должна быть следующей: сначала доктрина, затем концепция и в завершение стратегия. <...> Стратегии лежат в основе «тактик», т. е. разработки планов и проектов на краткосрочную перспективу, законотворчества и право-

применения» [9, с. 806]. В рассматриваемой нами сфере все сделано «с точностью до наоборот». В 1994 г. Президент указал Правительству РФ принять документ под названием Основные направления государственной политики РФ в отношении соотечественников, проживающих за рубежом [10]. Такой документ был утвержден постановлением Правительства РФ (обратим внимание – подзаконным актом) в том же году [11]. В 1996 г. Правительством разработана Программа мер по поддержке соотечественников за рубежом [12]. Как можно увидеть даже из наименования, Программа (так же, как и ранее изданные «Основные направления...») в большей степени посвящена не переселению «соотечественников», а поддержке русской диаспоры в странах – бывших республиках СССР.

В 1999 г. принят федеральный Закон о соотечественниках. В 2001 г. для заинтересованных учреждений был распространен некий документ под названием Концепция поддержки РФ соотечественников за рубежом на современном этапе с пометкой «утвержден Президентом РФ 30 августа 2001 г.», однако официальное опубликование его не было осуществлено. В 2006 г. введена в действие Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, которая получила новую редакцию в 2012 г. [13]. И только в 2007 г. утверждена Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г., где среди прочих названа задача «по привлечению мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития», в том числе «содействие добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на постоянное место жительства в РФ, а также стимулирование возвращения в РФ эмигрантов», «создание условий для интеграции иммигрантов в российское

общество и развития терпимости в отношениях между местным населением и выходцами из других стран в целях предотвращения этноконфессиональных конфликтов» и т. д. [14]. В 2012 г. утверждена Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г., которая по итогам 6-летней реализации потребовала актуализации и в 2018 г. была заменена на Концепцию государственной миграционной политики РФ на 2019 – 2025 гг. [15]. Следует при этом отметить, что последние изменения в Закон о соотечественниках вносились в 2013 г., то есть обстоятельства, которые вызвали необходимость пересмотра в 2018 г. даже не «отработанной» полный срок концепции миграционной политики, в данном законе никак не отразились, хотя значительная часть концепции посвящена именно внешней миграции, в том числе и вопросам переселения соотечественников. Кроме того, в 2012 г. была утверждена Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., также затрагивающая вопросы, связанные с миграцией и интеграцией мигрантов в российское общество [16].

Таким образом, в рассматриваемой нами сфере правовое регулирование, нормативное программирование и концептуальное обоснование правовой политики осуществлялись хаотично, без необходимых внутрисистемных увязок. Это не могло не сказаться отрицательно на реальных переселенческих практиках, на реализации прав «соотечественников» и защите их интересов. По мнению большинства экспертов, задачи правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений на сегодня выполняются не полно, Закон о соотечественниках недостаточно эффективен, переселение происходит вяло, переехавшие в Россию «соотечественники» зачастую испытывают разочарование из-за невнимания представителей разного уровня публичной власти к их проблемам.

С учетом указанных обстоятельств Закон о соотечественниках обладает ожидаемыми социально-правовыми и технико-юридическими изъянами. Значительная часть его статей имеет декларативное содержание. В нем очень мало реального правового регулирования. Даже самая первая статья Закона, в которой предпринята попытка законодательной дефиниции понятия «соотечественник», далека от совершенства. По сути, «благодаря» этой норме вполне лексически ясное, имеющее русский корень слово приобретает двусмысленность и наделяет людей неоднозначным статусом.

Сначала здесь установлено, что «Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии». Казалось бы, все понятно. Однако далее, во втором пункте статьи, находим: «Соотечественниками за рубежом (далее – соотечественники) являются граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами территории Российской Федерации». Таким образом, единому понятию «соотечественник» дано уже два определения. При этом второе из них при буквальном его толковании «вычеркивает» огромный массив лиц, ради которых, по сути, все это и затевалось. Если «соотечественниками за рубежом» признаются только граждане РФ, то ими нельзя признать русских людей и представителей других национальностей России, которые в силу исторических обстоятельств оказались за пределами РФ, на территории суверенных государств – бывших союзных республик, и не являются гражданами России. Не добавляет ясности также то обстоятельство, что во второй статье для той же самой категории лиц, определенных в п. 2 ст. 1, выведено еще одно понятие: «гражданин РФ, проживающий за

рубежом, – лицо, имеющее гражданство Российской Федерации, проживающее на территории иностранного государства».

В третьей части цитируемой статьи предпринята попытка исправить положение и дать некую типологию соотечественников в «дополнение» к основному определению: «Соотечественниками также признаются лица и их потомки, проживающие за пределами территории РФ и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории РФ, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с РФ лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории РФ, в том числе: лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства». Во-первых, не понятно: как это соотносится с дефинициями, данными в первой и второй частях. Во-вторых, в трех пунктах одной и той же статьи дается описание как минимум пяти типов лиц, относящихся к родовой категории «соотечественник», поэтому возникают вопросы: на все ли из них распространяется правовое регулирование, осуществленное Законом о соотечественниках и изданными в соответствии с ним подзаконными нормативными правовыми актами? В частности, в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, собственное определение понятия «соотечественник» не содержится, а дана отсылка к Закону. Только вот какое из законодательных определений к какому из пунктов Программы следу-

ет применять? И, наконец, в третьих: для огромного числа лиц, имеющих на основании п. 3 формальную возможность получить статус «соотечественника», эту возможность перечеркивает некая «уточняющая» гипотеза (дополнительное условие), введенная в п. 2 ст. 3 Закона в 2010 г.: «Признание своей принадлежности к соотечественникам лицами, предусмотренными п. 3 ст. 1 <...> , является актом их самоидентификации, подкрепленным общественной либо профессиональной деятельностью по сохранению русского языка, родных языков народов РФ, развитию российской культуры за рубежом, укреплению дружественных отношений государств проживания соотечественников с РФ, поддержке общественных объединений соотечественников и защите прав соотечественников либо иными свидетельствами свободного выбора данных лиц в пользу духовной и культурной связи с РФ». Таким образом, далеко не каждый русский, бурят или татарин из числа граждан бывшего СССР, или его потомок, имеют право на статус «соотечественника», а лишь тот, кто сможет представить некие «свидетельства», «подкрепляющие» его лояльность к предполагаемой Родине. Как представляется, данная норма имеет некий дискриминационный момент и вряд ли способствует реальному делу возвращения «соотечественников». В этой связи мы не разделяем положительного мнения В. Филиппова, полагающего, что закон в данном случае «конкретизировал ранее достаточно расплывчатую норму о том, кто может считаться российским соотечественником. В частности, теперь это человек, сознательно и активно поддерживающий духовную и культурную связь с Российской Федерацией» [17, с. 48]. На наш взгляд, произошло как раз обратное: в 2010 г. законодатель поменял хоть и бюрократическую, но достаточно четко описанную в нормативно-правовом стиле, процедуру подтверждения своей относимости к кате-

гории «соотечественник» посредством официальных справок государственных органов, на построенную в оценочных категориях и теперь уже точно «расплывчатую» фразу, мало похожую на норму права («иными свидетельствами свободного выбора данных лиц в пользу духовной и культурной связи ...»). Помимо упоминания неких «справок-подтверждений» от зарубежных землячеств о том, что «претендент в соотечественники» в них состоит, четкой информации об этих самых «иных свидетельствах» нет, что создает, помимо прочего, коррупционные риски.

В 2005 г. С. М. Миронов указывал: «Принятые законы часто несовершенны. Само понятие «соотечественники за рубежом» в соответствии с действующим законом о соотечественниках не имеет четкого определения и его можно толковать достаточно широко» [18, с. 10]. Стехпорничего принципиально не изменилось. Критики закона занимают разные позиции. Часть исследователей считают легальную трактовку категории «соотечественник» слишком широкой (И. О. Забелло [19], И. С. Еремина [20] и др.), другая часть – наоборот, зауженной (Д. В. Петухов [21] и др.). В литературе неоднократно предпринимались попытки выработать и предложить законодателю соответствующую дефиницию, а также элементы правового статуса «соотечественников» [22].

Отметим также, что в ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», которым, собственно, и осуществляется реальное правовое регулирование общественных отношений в рассматриваемой сфере, понятие «соотечественник» вообще не используется: ни в дефинитивной ст. 3, ни в ст. 7 «Предоставление защиты и покровительства гражданам РФ, находящимся за пределами РФ», ни в ст. 14, регламентирующей прием в гражданство РФ в упрощенном порядке, ни в какой-либо иной норме [23]. Как представляется, изложенные

обстоятельства – отсутствие внятного доктринального и политико-правового обоснования, внутрисистемная рассогласованность, низкое социально-правовое и юридико-техническое качество законодательства – не способствуют эффективному решению задач переселения в Россию бывших граждан СССР, их детей и внуков, других представителей российских этносов, по той или иной причине оказавшихся гражданами зарубежных государств, частичной компенсации депопуляции российского народа за счет мигрантов из их числа. При этом дефекты законодательства имеются как в части регулирования процедуры переезда, так и в части последующей интеграции «соотечественников» в российское общество, их социальной поддержки.

Рассогласованность правовой политики по поводу переселения «соотечественников» проявляется также и в разрезе соотношения федерального и регионального правового регулирования. Дело в том, что Государственная программа предусматривает двухуровневое регулирование. В соответствии с указом Президента РФ в каждом субъекте РФ должна быть создана своя региональная Программа, а часть субъектов выделена особо в качестве приоритетных территорий для заселения «соотечественниками». Однако на практике сложилась ситуация, когда власти субъектов РФ к решению этой проблемы подошли формально, не проявляют заинтересованности в решении демографической проблемы за счет мигрантов. «Разработанные» ими региональные программы просто дублируют «спущенную сверху» типовую программу, не отражают собственной специфики того или иного региона, не предусматривают дополнительных региональных средств социально-экономической и иной поддержки прибывающих «соотечественников». Л. В. Золотова, изучившая проблему с политологических позиций, совершенно обоснованно указывает, что программы субъектов

Федерации должны дополнять общегосударственную, а не дублировать ее положения. При этом «Нежелание руководителей многих регионов стимулировать осуществление на подконтрольных территориях социальные, политические и экономические инновации уже в ближайшее время самым негативным образом скажется на привлекательности как субъектов Федерации, так и страны в целом» [24, с. 6].

Нельзя утверждать, что совершенствование законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой сфере не происходит вовсе. Напротив, в последние годы принят целый ряд важных законодательных решений. Например, в 2016 г. А. С. Прудников и В. А. Яковлев указывали в качестве недостатка на то обстоятельство, что срок действия свидетельства участника Госпрограммы составлял на тот момент 3 года. На практике часть переселенцев приезжала в Россию под конец этого срока и не успевала реализовать свои права – получить различные компенсации, выплаты, а главное, оформить свой правовой статус. Поэтому авторы публикации предлагали «предусмотреть возможность однократного продления на год статуса участника Госпрограммы для лиц, прибывших в регионы, но не завершивших соответствующие процедуры» [25, с. 82]. Однако по факту в 2020 г. было принято более кардинальное правовое решение – срок действия свидетельства в целом был продлен с 3-х до 5 лет [26]. Этот пример не единственный, совершенствование происходит. Много сделано в связи с потоком переселенцев с Украины. Однако эти изменения имеют «разовый», ситуационный характер, им, как представляется, не хватает главного: концептуальной основы, обеспечивающей системность и эффективность реализации миграционной политики в части привлечения «соотечественников».

В процессе устранения названных дефектов российским политикам и за-

конодателью полезно воспользоваться положительным опытом соседних государств, в частности, Казахстана. В Республике Казахстан (далее – РК) действует Закон «О миграции населения», который регулирует общественные отношения, связанные как с внешней, так и с внутренней миграцией. При этом внутренним переселенцам, переезжающих по установленной квоте в определенные регионы страны с целью решения социально-экономических задач, оказываются интенсивные и вполне определенные законодательством меры государственной поддержки. Это тоже немаловажная деталь. Ведь не секрет, что интенсивному социально-экономическому развитию ряда регионов России мешает, в числе прочего, слабая юридическая обеспеченность переселенческой политики, отсутствие мобильности населения из-за социально-экономических, бытовых и транспортных причин, неразвитость правового регулирования вопросов государственной поддержки полезной внутренней гражданской миграции (за исключением отдельных оторванных от общего правового поля попыток исключительного регулирования типа «Закона о дальневосточном гектаре» [27]).

Что касается внешней миграции, проблемы возвращения казахстанцев, то в законе выделено две категории лиц, работа по переезду которых является приоритетом: 1) бывший соотечественник – лицо, родившееся или ранее состоявшее в гражданстве Казахской ССР или РК и постоянно проживающее за рубежом; 2) оралман – этнический казах и (или) члены его семьи казахской национальности, ранее не состоявшие в гражданстве РК, прибывшие на историческую родину и получившие соответствующий статус. Законом осуществлено достаточно детальное, понятное правовое регулирование процедуры въезда, получения статуса, адаптации и интеграции оралманов, их прав и обязанностей, мер социальной помощи им и их семьям [28]. К тому же

данный закон хорошо системно увязан с законодательством РК о занятости населения [29], а также с законодательством о гражданстве, где в интересующем нас контексте выделены четыре категории лиц: 1) граждане бывших союзных республик, прибывшие с целью постоянного проживания в РК; 2) оралманы; 3) реабилитированные жертвы массовых политических репрессий, а также их потомки, лишенные или утратившие гражданство без их свободного волеизъявления; 4) этнические казахи, обучающиеся в высших учебных заведениях РК [30]. В публикациях отмечается, что в ведомственных актах МВД РК с 01.01.2021 г. наряду с «оралман» будет употребляться термин «кандас»: это этнические казахи, постоянно проживавшие на момент приобретения суверенитета РК за ее пределами, и их дети, прибывшие в Казахстан в целях постоянного проживания на исторической родине и получившие соответствующий статус [31].

Правовое регулирование рассматриваемых отношений в РК осуществляется на базе согласованных положений целого ряда актуальных документов стратегического планирования и иных источников политико-правового характера: Стратегии развития РК до 2050 г., Стратегического плана развития РК до 2025 г., Концепции миграционной политики РК на 2017 – 2021 гг. (до этого действовала концепция на 2007 – 2015 гг.), Прогнозной схемы территориально-пространственного развития страны до 2020 г. (до ее принятия в 2011 г. действовала Стратегия территориального развития РК до 2015 г.), Государственной программы развития регионов до 2020 г.

С 2009 г. по 2011 г. в РК действовала государственная программа «Нурлы кош» («светлая кочёвка», «светлый переезд»), которая была направлена на решение проблемы рационального расселения и содействия в обустройстве трех типов мигрантов: 1) этнических иммигрантов; 2) бывших граждан Казахской ССР, при-

бывших для осуществления трудовой деятельности на территории РК; 3) граждан Казахстана, проживающих в неблагополучных районах страны (то есть вынужденных внутренних переселенцев). Несмотря на то, что на официальных сайтах постановление Правительства РК, которым программа вводилась в действие, фигурирует как действующее, при этом в редакции 2014 г., данных о пролонгации действия программы нет [32]. Напротив, на тематических сайтах отмечается, что действие программы приостановлено, в том числе в связи с обнаруженными негативными эффектами ее действия, и этот отрицательный опыт тоже подлежит тщательному изучению. В настоящее время отдельные задачи, на которые была нацелена «Нурлы кош», решаются с помощью программы «Дорожная карта 2020».

Таким образом, среди первоочередных мер по совершенствованию правового регулирования общественных отношений, связанных с возвращением «соотечественников», формированию правового статуса лиц данной категории, их достойной социальной защиты, необходимо: 1) выработать и нормативно зафиксировать официальную доктрину РФ по поводу данного элемента миграционной политики; 2) разработать концепцию и стратегии рекрутирования «соотечественников», создания для них

благоприятных условий возвращения на историческую Родину, обеспечения их социально-правового статуса в РФ в контексте доктрин правового социального государства; 3) разделить понятие «соотечественник» на два отличных друг от друга понятия в зависимости от целей правового регулирования: а) по поддержке соотечественников, постоянно проживающих за рубежом («диаспоры»), б) по поддержке соотечественников, имеющих намерение прибыть для постоянного проживания в Россию, выработать четкие и недвусмысленные законодательные формулировки для каждого из них; 4) продолжить формирование и совершенствование законодательства о «возвратившихся» соотечественниках в части их правового статуса, правовых средств реализации его элементов как на федеральном, так и на региональном уровнях, социально-правовых средств их поддержки. Использовать при этом опыт Казахстана и других государств, активно решающих аналогичные задачи.

Комплексное эффективное решение перечисленных задач возможно при условии проведения Россией как социальным государством последовательной политики по обеспечению социально-экономических прав всех без исключения жителей страны, в том числе «возвратившихся соотечественников».

ЛИТЕРАТУРА

1. Общий прирост постоянного населения // Витрина статистических данных. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278934> (дата обращения: 10.10.2020).
2. Росстат представил данные о естественном движении населения в августе 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/101056> (дата обращения: 10.10.2020).
3. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь-август 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fBtgkZHk/edn08-2020.htm> (дата обращения: 10.10.2020).
4. Шаламова А. Н. Правовая политика в социальной сфере / А. Н. Шаламова // Вестник Востоочно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 20 – 31.
5. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // СЗ РФ. 1999. № 22. Ст. 2670; 2013. № 30 (Ч. I). Ст. 4036.

6. О науке и государственной научно-технической политике : федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137; 2020. № 31 (Ч. I). Ст. 5068.
7. О государственной политике в области экологического образования и просвещения : паспорт проекта Федерального закона № 95700009-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О молодежной политике в Российской Федерации : проект Федерального закона // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/993419-7> (дата обращения: 10.10.2020).
9. Мушинский М. А. Эффективность противодействия экстремизму / М. А. Мушинский, Д. А. Степаненко // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 5. С. 803 – 815.
10. Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом : указ Президента РФ от 11 августа 1994 г. № 1681 // СЗ РФ. – 1994. – № 16. – Ст. 1888.
11. Основные направления государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом. Утверждены постановлением Правительства РФ от 31 августа 1994 г. № 1064 «О мерах по поддержке соотечественников за рубежом» // СЗ РФ. 1994. № 21. Ст. 2383.
12. О Программе мер по поддержке соотечественников за рубежом : постановление Правительства РФ от 17 мая 1996 г. № 590 // СЗ РФ. 1996. № 21. Ст. 2516.
13. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Утверждена указом Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 (ред. от 12.05.2020) // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2820; 2012. № 38. Ст. 5074; 2020. № 20. Ст. 3159.
14. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : утверждена указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 // СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.
15. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы : утверждена указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.
16. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утверждена указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.
17. Филиппов В. Формирование государственной политики России в отношении соотечественников за рубежом / В. Филиппов // Власть. 2010. № 12. С. 46 – 49.
18. Миронов С. М. Защита прав соотечественников за рубежом: проблемы, перспективы / С. М. Миронов // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2005. № 20 (272), Ч. I. С. 6 – 11.
19. Забелло И. О. Конституционные основы защиты прав соотечественников за рубежом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 185 с.
20. Еремина И. С. Конституционно-правовые основы защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 179 с.
21. Петухов Д. В. Понятие правового института «соотечественники за рубежом» / Д. В. Петухов // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 10. С. 14 – 17.
23. О гражданстве Российской Федерации : федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (в ред. от 13.07.2020) // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031; 2020. № 29. Ст. 4519.
24. Золотова Л. В. Государственная политика по поддержанию русскоязычных диаспор на постсоветском пространстве и содействию добровольному переселению соотечественников в Россию : дис. ... канд. полит. наук. Ростов-н/Д., 2009. 138 с.
25. Прудников А. С. О некоторых проблемах реализации программы добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом / А. С. Прудников, В. А. Яковлев // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 81 – 83.
26. О некоторых вопросах реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом : указ Президента РФ от 12 мая 2020 г. № 322 // СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3159.

27. Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ (в ред. от 18.07.2019) // СЗ РФ. 2016. № 18. Ст. 2495; 2019. № 29 (Ч. I). Ст. 3861.

28. О миграции населения : закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 г. № 477-IV (в ред. от 13.05.2020) // Законодательство РК. Официальный портал. URL: <https://online.zakon.kz/Document> (дата обращения: 10.10.2020).

29. О занятости населения : закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 482-V (в ред. от 25.06.2020) // Законодательство РК. Официальный портал URL: <https://online.zakon.kz/Document> (дата обращения: 10.10.2020).

30. О гражданстве Республики Казахстан : закон Республики Казахстан от 20 декабря 1991 г. № 1017-XII (в ред. от 13.05.2020) // Законодательство РК. Официальный портал URL: <https://online.zakon.kz/Document> (дата обращения: 10.10.2020).

31. В Казахстане термин «оралман» заменили на «кандас» // Сайт «zakon.kz». URL: <https://www.zakon.kz/5038405-v-kazahstane-termin-oralman-zamenili-na.html> (дата обращения: 10.10.2020).

32. Об утверждении Программы «Нурлы кош» на 2009 – 2011 годы : постановление Правительства Республики Казахстан от 2 декабря 2008 г. № 1126 (по состоянию на 21.10.2014 г.) // Законодательство РК. Официальный портал. URL: <https://www.zakon.kz/141171-postanovlenie-pravitelstva-respubliki.html> (дата обращения: 30.10.2020).

© Шаламова А. Н.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ.
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

УДК 343.212:343.3/7(470)(091)

Р. Г. АСЛАНЫЯН, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, ORCID 0000-0003-0149-3081 (г. Краснодар)

R. G. ASLANYAN, Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Candidate of Legal Sciences, Professor, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) 0000-0003-0149-3081 (Krasnodar)

**ЗАКОН КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО
ПРАВА РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**LAW AS A FORM OF EXPRESSION OF A SPECIAL PART OF THE CRIMINAL
LAW OF RUSSIA: HISTORICAL ANALYSIS**

Аннотация. В статье прослеживается эволюция уголовного закона в качестве формы презентации предписаний особенной части уголовного права. Раскрыты основные направления та-

кой эволюции: от множества законов, созданных для различных юрисдикций – к одному закону, от комплексных законов с систематизированным изложением уголовно-правовых запретов – к созданию профильного уголовного закона. Определена историческая предопределенность существования наряду с базовым уголовным законом иных, дополнительных нормативных актов уголовно-правового содержания. Рассмотрены источники уголовного права дореволюционного периода российской истории, акцентируя внимание на кодифицировании нормативных правовых актов уголовно-правового содержания. Сформулированы выводы о законе как основной форме выражения особенной части уголовного права России.

Ключевые слова и словосочетания: исторический метод в праве, история уголовного права, особенная часть уголовного права, уголовный закон, виды уголовных законов.

Annotation. The article traces the evolution of criminal law as a form of presentation of the prescriptions of a special part of criminal law. The main directions of this evolution are revealed: from a set of laws created for different jurisdictions to a single law, from complex laws with a systematic presentation of criminal law prohibitions to the creation of a specialized criminal law. The historical predestination of the existence, along with the basic criminal law, of other, additional normative acts of criminal law content is determined. The sources of criminal law of the pre-revolutionary period of Russian history are considered, focusing on the codification of normative legal acts of criminal content. Conclusions about the law as the main form of expression of a special part of the criminal law of Russia are formulated.

Keywords and phrases: historical method in law, history of criminal law, special part of criminal law, criminal law, types of criminal laws.

Возникновение и утверждение законов в качестве источников уголовного права дает возможность в качестве отдельного направления (аспекта) истории особенной части уголовного права обозначить историю именно законодательства, которая, как правило, и выступает основным предметом исторических исследований в отраслевой науке. При этом с теоретической точки зрения целесообразно выделить два основных направления такого анализа, восходящие, с одной стороны, к эволюции понятия преступления и юрисдикции государства по уголовным делам, а с другой стороны – к видам и системе собственно уголовных законов.

Первое направление исторически предопределено тем, что область государственной юрисдикции по рассмотрению уголовных дел формировалась постепенно и никогда не была равной в своем объеме. Помимо собственно государства значительный объем «права на наказание» принадлежал в истории России и иным субъектам: церкви, семье, помещикам, фабрикантам и др. Так, с момента принятия христианства на Руси

происходит формирование особой сферы церковной юрисдикции. Как писал по этому поводу Я. Н. Шапов: «Церкви на Руси в X – XII вв. удалось нащупать <...> сферы права, которые государство, княжеская власть оставила вне своих интересов, и наложить свою руку на большую группу общественных институтов, не встретив со стороны государства препятствия» [1, с. 140]. К области церковного суда на основании Уставов князя Владимира и князя Ярослава относилась весьма обширная группа посягательств: супружеская измена, похищение девушки и чужой жены, изнасилование, внутрисемейное насилие, браки между родственниками, принуждение к вступлению в брак, позорные оскорбления, посягательства на имущество церкви [2, с. 237 – 238, 259 – 262].

По мере закрепощения крестьянства и нормативного оформления сословий развивалась и сфера помещичьего суда. Специальные исследования доказывают наличие весьма широких пределов судебной власти частных лиц, которая выражалась в праве господина судить зависимых от него людей [3, с. 47], при-

чем власти, основанной на государственных установлениях, поддерживаемой государством. Так, Указ 1736 года предоставлял помещикам право наказания крепостных за побег, указ 1760 года дозволил ссылать крепостных в Сибирь, указ 1765 года предоставил право ссылать крепостных в каторжную работу «за презерзостное состояние» [4, с. 746].

Эти и иные нормативные акты, определяющие область церковной, помещичьей и т. д. юрисдикции, описанные в них деяния, составляют особый «срез» уголовного права. Санкционируя суд за совершение таких деяний, государство признавало их неправомерность, поддерживая карательные санкции, уравнивало их по степени опасности с преступными деяниями, но выделяя в отдельную и формально – негосударственную область судопроизводства вместе с тем и отделяло от уголовно-противоправных деяний в собственном смысле слова. Такая двойственность затрудняет определение правовой природы исследуемых нормативных актов и не позволяет категорично и однозначно решать вопрос о возможности признания их источниками уголовного права, а предусмотренные в них составы правонарушений – компонентом системы особенной части уголовного права. Однако надо обратить внимание на одно важное обстоятельство: разграничивая виды судопроизводства, государство, пусть и не всегда отчетливо, стремилось, тем не менее, оставить за собой эксклюзивное право определения видов правонарушений, которые подлежат различным судам. Тот факт, что границы составов правонарушений могли быть определены весьма свободно и предоставляли суду широкие полномочия по их толкованию, а следовательно, и реальному определению сферы «преступного», не должен в данном случае смущать. Он вполне укладывается в общую логику развития права. Генеральная же линия развития особенной части уголовного права выражается вполне четко:

признавая «карательную власть» отдельных социальных институтов, государство, во-первых, стремилось проводить курс на ее ограничение за счет самостоятельного формирования номенклатуры правонарушений; а во-вторых, ограничивало саму область «иной» юрисдикции за счет расширения предметной подсудности государственных (общих) судов. В конечном счете это привело к формированию единой и единственно возможной в стране системы уголовно-правовых запретов, единственной легитимной системы особенной части уголовного права.

Между тем существовавший на протяжении длительного времени и в полной мере не исчезнувший сегодня факт наличия параллельных юрисдикций и параллельных систем правовых запретов, обложенных карательными санкциями, в теоретическом отношении вызвал еще в XIX столетии широкую дискуссию о правовой природе запретов и правонарушений, которые находятся за пределами формального уголовного закона и являются предметом рассмотрения иных, нежели суд по уголовным делам, органов. Эта дискуссия известна как спор о «видах неправды» и видах «уголовно наказуемой неправды» [5, с. 42 – 57]. Она не только в полной мере не завершена в наши дни, но и напротив многократно обострилась в связи с широко обсуждаемой практикой Европейского суда по правам человека в части формирования и толкования понятия «уголовная сфера» [6, 7, 8], в связи с вопросом о соотношении преступлений и административных правонарушений [9], в связи с практикой установления и применения неуголовно-правовых последствий совершения преступлений и осуждения [10]. Не вторгаясь в обсуждение этих сложных проблем, которые очевидно выходят за пределы нашего анализа, отметим, что проблема несовпадения «уголовного содержания» и «уголовно-правовой формы» представления запретов, таким образом, имеет давнюю историю и уxo-

дит корнями в ранний период формирования уголовного права как отрасли. Она же свидетельствует о возможности и оправданности разделения законов на источники особенной части в «узком» и «широком» смыслах, а следовательно, и диктует перейти ко второму из выделенных выше направлений анализа – о видах и системе собственно уголовных законов в их классическом понимании.

Уголовные законы, определяющие номенклатуру преступных деяний, в истории российского государства присутствовали всегда, а их виды, система и особенности закономерно отражали уровень развития государственных и правовых отношений, юридической науки и техники.

Обозревая историю законов, презентующих нам содержание особенной части уголовного права, представляется возможным выделить две значимые тенденции.

Первая и наиболее важная состоит в развитии отраслевой специализации законов. Памятники права Древнерусского государства (Русская правда), удельных русских княжеств и феодальных республик (Новгородская и Псковская судные грамоты) и Московского царства (Судебники XV – XVI веков, Соборное Уложение) являли собой синкретичные по содержанию документы, охватывающие своим содержанием нормы, относящиеся к самым разным сферам правоотношений, причем нормы, по преимуществу казуальные. В связи с этим, с одной стороны, здесь нельзя провести разграничение предписаний на нормы общей и особенной части. «Нормы законодательства Древней Руси носят, по преимуществу, характер норм особенных, предусматривающих конкретные виды преступных деяний, в которых в той или иной степени можно увидеть лишь зачатки положений общей части» [11, с. 139]. Этот тезис в полной мере применим и для оценки последующих законов, вплоть до начала XIX столетия. С другой стороны, в этих

законах отсутствовало строгое разделение правовых норм по отраслям [12, с. 18, 13, с. 51], в связи с чем и именовать эти законы «уголовными» можно с известной долей условности. Это законы, содержащие уголовно-правовые нормы, но не уголовные законы в строгом смысле слова.

Между тем надо подчеркнуть, что даже в этих сборных памятниках права изложение нормативного материала не было полностью хаотичным и содержало определенные начала систематизации. Это находило выражение, прежде всего, в относительно компактном представлении и группировке норм, относящихся к вопросам уголовно-правового регулирования. Так, например, в статьях 5, 6, 7 краткой редакции Русской правды сосредоточены правила об ответственности за телесные повреждения, в статьях 19, 20, 21 – об ответственности за убийство [14, с. 71 – 75, 130 – 158.]. В Судебнике 1497 года статьи 8 – 11 посвящены борьбе с убийствами и кражами [15, с. 347 – 348, 380 – 382.].

Наиболее показательным в рассматриваемом плане является, безусловно, Соборное Уложение 1649 года [16]. В этом документе мы наблюдаем не просто ассоциативную группировку уголовно-правовых предписаний, но вполне оформленную в структурном отношении, с выделением самостоятельных глав, презентацию уголовно-правовых норм. Они вполне компактно изложены в главе 1 «О богохульниках и церковных мятежниках», главе 2 «О государственной чести и как его государское здоровье оберегать», главе 3 «О государеве дворе, чтобы на государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было», главе 4 «О подпищеках, которые печати подделывают», главе 5 «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские денги», главе 21 «О разбойных и татинных делах», главе 22 «Указ за какие вины кому чинить смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказа-

ные». Как верно пишет Г. С. Фельдштейн, «о том, чтобы Уложению была придана форма, свидетельствующая о систематизации, о классификации отдельных понятий и институтов, исходящем из *общих теоретических оснований*, нет и речи» [17, с. 23]. Однако при том уровне развития теоретической юриспруденции этого объективно и не могло быть. Уложение составлялось, прежде всего, представителями «подъяческой юриспруденции» и отражало насущные потребности практики правоприменения, но не отсутствующие теоретические воззрения на закон, его содержание и структуру. В прикладном же и историко-правовом отношении роль Уложения трудно переоценить. Не повторяя его известных оценок, отметим все же в контексте нашего изложения, что Соборное Уложение, как и его предшественники, оставалось общим, межотраслевым правовым документом, но не уголовным кодексом в строгом смысле слова.

Пожалуй, первый собственно уголовный кодекс, систематизированный нормативный документ, по-возможности максимально «очищенный» от предписаний неуголовно-правового характера, демонстрирует нам Вторая книга Воинского Устава Петра I, известная как Воинский Артикул с кратким толкованием (1715 год) [18]. Этот документ не был полностью лишен иноотраслевых вкраплений, однако, как указывал Н. Д. Дурманов, «содержит по преимуществу нормы уголовного права, причем, если применить современную терминологию, — нормы особенной части. Положения же общей части излагаются отрывочно, применительно к конкретным преступлениям и ответственности за них» [18, с. 258]. А. А. Герцензон прямо назвал Артикулы «в полном смысле Уголовным кодексом без общей части, каковой в то время не было и в западноевропейских уголовных кодексах» [19, с. 76]. Оставим в стороне вопрос о том, что этот документ предназначался в первую очередь

для регулирования военно-уголовных правоотношений, как известно, артикулы применялись и в гражданских судах. Подчеркнем иное: в артикулах мы встречаем первый опыт сосредоточения уголовно-правовых предписаний в отдельном, специализированном нормативном акте. И это крайне важно. Если допустимым образом гиперболизировать оценки законотворческой деятельности Петра I, то можно утверждать, что его эпоха положила конец крупным, единым межотраслевым сборникам законов и открыла период подготовки и представления нескольких сборников предписаний, по преимуществу отраслевых.

С этого момента идея самостоятельного, отраслевого уголовного закона стала доминирующей. Ее официальное признание и первое полноценное нормативное воплощение произойдет позже в 1832 году в связи с изданием тома XV Свода законов Российской империи, который целиком и полностью будет посвящен вопросам регламентации уголовно-правовых отношений. В последующем потребность в отдельных, самостоятельных, полностью уголовных в своем содержании кодексах станет неоспоримой.

Вторая тенденция развития отраслевых, уголовно-правовых законов состоит в том, что на всем протяжении истории (вплоть до наших дней) единый кодифицированный уголовный закон сосуществовал со множеством иных, неинкорпорированных в кодекс нормативных актов. Сосуществование и противостояние единого кодекса и множества отраслевых источников существенным образом влияло на все аспекты функционирования уголовно-правовой системы. В связи с этим и система особенной части уголовного права никогда не выражалась в полном объеме в главном, основном уголовном законе — будь то Русская правда или Воинские артикулы. Наряду с этими «ядерными» кодексами имели место и «периферийные» источники, в ко-

торых содержались уголовно-правовые запреты, дополнявшие, корректировавшие общую систему и лишь в совокупности своей позволяющие судить о системе особенной части уголовного права того или иного периода.

Так, например, во второй половине XVI – начале XVII веков наряду с Судебником 1550 года уголовно-правовые запреты содержались в Приговоре о разбойных делах 1555 года, Указе о татевных делах 1555 года, Уставных книгах Разбойного приказа 1616 – 1617 годов, постановлениях Стоглавого собора 1551 года [12, с. 27 – 28]. Артикулы Петра I дополнялись не только результатами активной законотворческой деятельности императора, издавшего в сфере уголовного права 392 указа [20, с. 16], но также Соборным Уложением 1649 года, Новоуказными статьями о татевных, разбойных и убийственных делах 1669 года. Даже на рубеже XIX – XX столетий специалисты отмечали множественный характер источников российского уголовного права, включающий не только Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года, но также военно-уголовное законодательство, Сельско-судебный устав, уголовное законодательство отдельных регионов Российской империи (Княжества Финляндского, Царства Польского) [5, с. 107 – 113, 21, с. 27 – 34].

Такое многообразие источников выражения особенной части уголовного права в законах вносит свои коррективы в представления о системе самой особенной части, заставляя выделять в ней определенное «ядро», то есть нормативные предписания, которые составляют элемент главного, центрального источника, и все остальные. Однако в методических целях для изучения истории особенной части уголовного права представляется возможным до извест-

ных пределов пренебречь этой сложной структурой и сосредоточить основное внимание на центральном компоненте системы особенной части, поскольку он в полной мере отражает господствующие представления о ее строении и содержании и во многом определяет содержание иных элементов системы особенной части.

В завершение важно подчеркнуть, что умножение числа законов сопровождалось, пусть и не всегда последовательным и полным, но вполне отчетливым возрастанием понимания значимости и ценности самого закона, а также осознанием необходимости их упорядочения и систематизации. Ценные и передовые для своего времени суждения на этот счет изложил еще И. Т. Посошков в своей «Книге о скудости и богатстве» 1724 года. Он писал, в частности: «А буде не сочинить на решение всяких дел новаго изложения, то и правому суду быть невозможно, понеже у всякого судьи свой ум и како кому понравитца, так и судить. <...> И правосудного ради уставу надлежит древняго суда Уложение и новоуставные гражданския и военные, печатные и писменные, новосостоящияся и древние указные статьи собрать и по приказам из прежних вершеных дел выписать такие приговоры, на которые дела ни в Уложение, ни в новоуказных статьях решения не положено. И к таковым вершениям применяясь, надлежит учинить пункты новыя, дабы впредь такая дела не наизусть вершить и в сенат бы не вносить, но на всякия б дела были указные статьи ясные с совершенным расположением» [22, с. 161]. Мысль об упорядочении, систематизации и кодификации российского уголовного законодательства вполне оформилась в XVIII столетии, а ее практическое воплощение во многом составило основное содержание истории уголовного права в первой половине XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российское законодательство X – XX веков. В 9 томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М. : Юридическая литература, 1984. 432 с.
2. Памятники русского права. В 8 вып. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X – XII вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. М. : Госюрлитиздат, 1962.
3. Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в). В 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
4. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах (по изд. 1957 г.). СПб. : Равена, Альфа, 1995. 839 с.
5. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1994. 419 с.
6. Никонов М. А. Автономное значение понятия «уголовное обвинение» в практике Европейского Суда по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2016. № 2. С. 175 – 194.
7. Гурин Д. В. Концепция «уголовной сферы» в новейшей практике Европейского Суда по правам человека // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 4. С. 257 – 263.
8. Головки Л.В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 77 – 90.
9. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права : монография / Андрианов В. К., Боровиков В. Б., Голубов И. И. и др.; под редакцией Ю. Е. Пудовочкина, Н. И. Пикурова. М. : РГУП, 2017. 479 с.
10. Елинский А. В. Неуголовно-правовые последствия прежней судимости в свете решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 78 – 83.
11. Георгиевский Э. В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права : монография / Э. В. Георгиевский. М. : Юрлитинформ, 2013. 317 с.
12. Рожнов А. А. История уголовного права Московского государства (XIV – XVII вв.) : монография / А. А. Рожнов. М. : Юрлитинформ, 2012. 509 с.
13. Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. В. В. Ермошин, Н. Н. Ефремова, И. А. Исаев и др. ; отв. ред. В. С. Нерсисянц; АН СССР, Ин-т государства и права. М. : Наука, 1986. 287 с.
14. Правда Русская. В 2 т. Т. II. Комментарии / сост. Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин и др.; под ред Б. Д. Грекова. М. – Л. : АН СССР, 1946. 864 с.
15. Памятники русского права. В 8 вып. Вып. 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV – XV вв. / под ред. В.Л. Черепнина. М. : Госюрлитиздат, 1955. 527 с.
16. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года. : учеб. пособие для высш. школы / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. М.: Изд. Моск. ун-та, 1961. 444 с.
17. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г. С. Фельдштейн ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003. 523 с.
18. Памятники русского права. В 8 вып. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. / под ред. К. А. Софроненко. М. : Госюрлитиздат, 1961. 668 с.
19. Уголовное право. Общая часть. Изд. 4-е, перераб. / под ред. В. Д. Меньшагине. М. : Юриздат Минюста СССР, 1948. 542 с.
20. Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. / П. С. Ромашкин ; под ред. проф. А. А. Герцензона ; Воен.-юр. акад. М. : Воен.-юр. акад, 1947. 96 с.
21. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право : пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 3-е. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1911. 397 с.
22. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве / ред., вступит. ст. и прим. Б. Б. Кафенгауза. М. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. 409 с.

© Асланян Р. Г.

УДК 343.522.05(470+100)

В. Р. БУЛГАКОВА, адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России (г. Барнаул)

V. R. BULGAKOVA, Adjunct of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul)

**ДОКУМЕНТ КАК ПРЕДМЕТ ПОДДЕЛКИ, ИЗГОТОВЛЕНИЯ
ИЛИ ОБОРОТА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

**DOCUMENT AS A SUBJECT OF FORGERY, PRODUCTION OR
CIRCULATION IN DOMESTIC AND FOREIGN CRIMINAL LEGISLATION
(COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)**

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительно-правового исследования национального и зарубежного уголовного законодательства стран, относящихся к романно-германской правовой системе, в сфере подделки, изготовления или оборота поддельных документов. В рассмотренных нормативных актах изучены дефиниции понятий «документ», «официальный документ» и выявлены их существенные признаки. Установлено, что для первого предмета подделки характерно: закрепление на материальном носителе, любая форма представления, выступление в качестве доказательства права, обязанности, правоотношения или обстоятельства, имеющего правовое значение, наличие идентифицирующих реквизитов, для второго – издание уполномоченными органами, удостоверение юридически значимых фактов или событий, соответствие предусмотренной системе документооборота. Автором статьи выявлено, что не во всех проанализированных уголовно-правовых актах зарубежных государств закреплены изучаемые понятия, в отдельных из них, наоборот, даются дефиниции иным видам документов и их реквизитам. Результатом исследования стал вывод о том, что приведение национального законодательства к должному виду путем закрепления выведенных при рассмотрении определений позволит устранить коллизии действующего уголовного права России и прийти к единообразной правоприменительной практике.

Ключевые слова и словосочетания: официальные документы, подделка, зарубежное законодательство, документы, уголовная ответственность, уголовное право России.

Annotation. The article presents the results of a comparative legal study of the national and foreign criminal legislation of the countries belonging to the Roman-German legal system in the field of forgery, production or circulation of forged documents. In the considered normative acts, the definitions of the concepts «document» and «official document» are studied and their essential features are identified. It is established that the first subject of forgery is characterized by-fixing on a material carrier, any form of representation, acting as proof of a right, obligation, legal relationship or circumstance of legal significance, the presence of identifying details, for the second-publication by authorized bodies, certification of legally significant facts or events, compliance with the provided document management system. The author of the article reveals that not all the analyzed criminal legal acts of foreign countries contain the concepts under study, and some of them, on the contrary, define other types of documents and their details. The result of the study was the conclusion that bringing the national legislation to the proper form, by consolidating the definitions derived during the consideration, will eliminate the conflicts of the current criminal law of Russia and come to a uniform law enforcement practice.

Keywords and phrases: official documents, forgery, foreign legislation, documents, criminal liability, criminal law of Russia.

В настоящее время проблема защиты прав и свобод граждан стала ключевой на международной арене. При решении отдельных вопросов на уровне государства необходимым является изучение зарубежного опыта, анализ позитивных и негативных моментов в свете проводимой правовой политики. Учитывая то, что уголовное законодательство большинства государств, относящихся так же, как и Российская Федерация, к романно-германской правовой системе, предусматривает ответственность за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, сравнительный анализ позволяет выявить и эффективно применить в национальном законодательстве существующие механизмы правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Положения о подделке, использовании, подлоге и сбыте документов в международном законодательстве закреплены в разных главах и разделах. В рамках статьи было исследовано и проанализировано 35 уголовных кодексов (далее по тексту – УК) зарубежных стран.

Несмотря на то, что данные правовые акты предусматривают такие предметы подделки, как: удостоверение, свидетельство, сертификат, заявление – наиболее распространенными все же выступают документы, официальные документы. Необходимо обратить внимание на то, что в национальном уголовном законодательстве данные термины не закреплены, в связи с этим возникает разная правоприменительная практика, относящая те или иные предметы, к документам. Учитывая изложенное, целью данной работы выступает проведение сравнительного исследования понятийного аппарата в рассматриваемой сфере.

Все представленные в зарубежных Уголовных кодексах дефиниции «документа» можно разделить на разные группы, в зависимости от указанных существенных признаков:

1. *Форма представления.* Согласно:

а) Уголовному кодексу Польши

(Общая часть, Глава 14 «Разъяснение понятий, употребляемых в законе», ч. 14 ст. 115), документом является материальный предмет, на котором запечатлена информация (изображение, лист бумаги), либо предмет, выступающий ее носителем (флеш-карта, диск), дающий определенные права или выступающий доказательством прав, правоотношений, обстоятельств, имеющих правовое значение [1];

б) Уголовному кодексу Швейцарии (п. 5 ст. 110), *документ* – письменные материалы, в том числе изображения, выступающие доказательством каких-либо фактов, имеющих правовое значение [2];

в) Уголовному кодексу Австрии (Общая часть, Восьмой раздел «Объяснение терминов», Параграф 74 «Определение других понятий», п. 7), *документ* – это официальная бумага, созданная для подтверждения какого-либо права или правоотношения, его изменения или отмены, а также доказывающая факт и имеющая правовое значение [3]. Исходя из данного определения, получается, что законодатель ставит знак равенства между документом и официальной бумагой, созданной не только для подтверждения какого-либо права или правоотношения, но и способной изменить или отменить его, а также доказать факт, имеющий правовое значение. Однако, что понимать под официальной бумагой или официальным документом, в законодательстве не раскрывается.

г) Уголовному кодексу Израиля (примечательно, что исследуемые положения закреплены не в Общей части кодекса, как в остальных, изученных нами, а в Особенной: Раздел йюд «Причинение имущественного ущерба», Глава вав «Преступления, совершенные путем обмана, вымогательства или притеснения», ст. 414), *документ* – письменное удостоверение или иное средство, как в письменной, так и в иной форме, выступающее в качестве доказательства [4];

д) Уголовному кодексу Таиланда

(Общая часть, Раздел 1 «Положения, применяемые к основным преступлениям», Глава 1 «Определения», п. 7 ст. 1), документом считается любой бумажный или иной материал, выступающий средством закрепления информации, являющийся доказательством определенного деяния [5].

2. *Реквизиты.* Только лишь в Уголовном кодексе Дании (Глава 19 «Преступления в отношении доказательств», Параграф 171) документом выступает письменное утверждение, использующееся в качестве доказательства права, обязанности или освобождения от нее, содержащее имя автора (как обязательного реквизита) [6].

3. *Способ обработки и воспроизведения информации.* Так, в соответствии с Уголовным кодексом Австралии (Глава 7 «Надлежащее управление государством», часть 7.7 «Подделки и связанные с ними преступления», Раздел 143 «Предварительные положения», ч. 1 ст. 143.1), документ – это любой материал либо изделие (диск, лента), поддающийся обработке на компьютере, машинном или электронном устройстве, информацию с которого можно воспроизвести с помощью другого устройства (например, электронный документ возможно изучить с помощью компьютера), изделия (проигрыватель) или без него. При этом в ч. 2 говорится о том, что под определение «документ» также подпадают:

- кредитная карточка;
- дебиторская карточка;
- карточка, посредством которой может быть получена собственность [7].

Примечательно, что в данном определении отсутствует указание на доказательственное значение материалов или изделий, являющихся документами, поэтому, помимо нами представленной, можно выделить еще и иную классификацию, в основу которой был бы положен такой существенный признак, как: доказательство определённых прав, обязанностей, правоотношений.

4. *Определенные разновидности документа.* В соответствии со ст. 1 Уголовного кодекса Швеции (Часть первая «Общие положения», Глава 14 «О преступлениях, связанных с фальсификацией»), документом является удостоверение или любой иной опознавательный знак, а также фиксирующая форма каких-либо событий, фактов (например, составлением протокола сопровождается проведение следственных действий; контракт закрепляет соглашение сторон с взаимными обязательствами по какому-то действию), созданная как доказательство [8].

Таким образом, проведенный сравнительный анализ зарубежного уголовного законодательства позволил выявить следующее:

1) не во всех зарубежных уголовно-правовых актах закреплено понятие «документ»;

2) его дефиниция дается, как правило, в общих положениях уголовного законодательства, однако, есть случаи закрепления и в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации;

3) обобщение всех исследуемых понятий «документ», позволяет вывести одно общее определение, с включением существенных (т. е. присутствующих во всех дефинициях) признаков.

4) Так, документом является любой материальный носитель, с зафиксированной на нем информацией как в письменной, так и в любой иной форме, выступающий доказательством права, правоотношения или обстоятельства, могущего иметь правовое значение.

В Уголовном кодексе Российской Федерации понятие «документ» не раскрывается [9], однако в Федеральном законе № 77 «Об Обязательном экземпляре документов», дается очень схожая, с зарубежными, дефиниция: «документ – это материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет рек-

визиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначенный для передачи во времени и в пространстве, в целях общественного использования и хранения» [10].

Исходя из приведенного определения, признаками документа являются:

- 1) закрепление на материальном носителе;
- 2) содержание информации в виде текста, звукозаписи, изображения;
- 3) наличие реквизитов;
- 4) предназначенность для передачи в целях использования обществом и хранения.

Обобщая приведенные выше определения, считаем, что в Уголовном кодексе Российской Федерации, в примечании к ст. 327, целесообразно закрепить следующую дефиницию: *документ* – это любой материальный носитель, с зафиксированной на нем как в письменной, так и любой иной форме информацией, имеющий реквизиты, позволяющие его идентифицировать, выступающий доказательством права, правоотношения, обстоятельства или факта, имеющего правовое значение.

Помимо понятия «документ», в отдельных положениях Уголовного кодекса РФ, в том числе, и в сфере подделки и оборота поддельных документов, употребляется «официальный документ», определение которого также не раскрывается.

Однако, например, в Уголовном кодексе Болгарии (Общая часть, Дополнительное положение «Разъяснение некоторых терминов», п. 5 ст. 93) под официальным документом понимается «документ, выданный в установленном порядке и надлежащей форме должностным лицом в пределах его служебных полномочий или представителем общест-венности, в пределах, возложенных на него функций» [11].

Исходя из данного определения, любой документ, выданный уполномо-ченным органом при соблюдении

установленного порядка и имеющий надлежащую форму, признается офици-альным. При этом, в определении нет указаний на то, чтобы данный документ предусматривал какое-либо юридиче-ское значение (например, предоставлял права, освобождал от обязанностей).

Официальными документами, со-гласно п. 5 ст. 110 Уголовного кодекса Швейцарии, признаются такие, которые исходят от органов, чиновников, дей-ствующих в силу своего должностного положения, и от лиц, обладающих пра-вом публичного удостоверения, действу-ющих в указанном качестве [2].

В уголовном законодательстве Та-иланда: Книга 1 «Общие положения» (Общая часть), раздел 1 «Положения, применяемые к основным преступлени-ям», глава 1 «Определения», п. 7 ст. 1, за-креплено, что «*официальный документ* – документ, составленный или заверенный должностным лицом в процессе выполне-ния своих обязанностей, включая также копии этих документов, заверенные долж-ностным лицом в соответствии со своими должностными обязанностями» [5].

Анализ данных определений пока-зывает, что статус «официальный» у до-кумента появляется только лишь в том случае, если он исходит от определенно-го круга субъектов (чиновники, лица, об-ладающие правом публичного удостове-рения, должностные лица), в противном случае он не будет признаваться таковым. Считаем, что данные определения не ох-ватывают все признаки официального документооборота, и, соответственно, не могут быть заимствованы в подобном виде российским законодателем.

Исследуя такой отечественный пра-вовой акт, как Федеральный закон № 77 «Об обязательном экземпляре докумен-тов», ст. 5, под *официальными докумен-тами* понимаются «документы, приня-тые органами государственной власти Российской Федерации, другими госу-дарственными органами Российской Федерации, органами государственной

власти субъектов Российской Федерации и опубликованные ими или от их имени» [10].

На наш взгляд, зарубежные и отечественные дефиниции понятию «*официальный документ*» очень схожи. Однако, ни те, ни другие не раскрывают исследуемое определение.

Думается, чтобы документ признавался официальным, он должен:

1) исходить от органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, должностных лиц;

2) иметь систему регистрации, строгой отчетности и контроля за их обращением;

3) иметь удостоверяющую силу, т. е. должен удостоверять какие-то факты или события, иметь юридическое значение и влечь соответствующие юридические последствия в виде предоставления прав или их лишения, возложения обязанностей или освобождения от них, иначе говоря, изменять объем прав и обязанностей.

Таким образом, считаем необходимым, в Примечании к ст. 327 УК РФ, закрепить следующее положение: официальный документ – это документ, исходящий от органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, должностных лиц, имеющий систему регистрации, строгой отчетности и контроля за их обращением, а также удостоверяющий какие-то факты или события, имеющий юридическое значение и влекущий соответствующие юридические последствия в виде изменения объема прав и обязанностей.

Помимо этого, в зарубежном законодательстве также дается определение некоторым видам документов и их реквизитам. Например, согласно:

1. Уголовному кодексу Норвегии (глава 18 «Подделка документов», параграф 181), «*фальшивым (поддельным)*

считается документ, который выдан на имя несуществующего лица, или автор документа неправомерно присвоил себе положение, что серьезно влияет на удостоверяющую силу документа, или если содержание документа было изменено путем удаления какой-либо его части» [12].

2. Уголовному кодексу Дании (глава 19 «Преступления в отношении доказательств», параграф 171) «документ является *подложным*, если он исходит не от автора, указанного на нем, или в нем что-либо добавлено или изменено любым другим лицом, кроме автора» [6].

3. Уголовному кодексу Таиланда (книга 1 «Общие положения» (Общая часть), раздел 1 «Положения, применяемые к основным преступлениям», глава 1 «Определения», п. 7 ст. 1) «*правовым* считается документ, подтверждающий возникновение, изменение, перемещение, приостановление или прекращение права». Помимо этого, в п. 7 ст. 1 закреплено определение «*поддельной подписи* – она включает в себя отпечаток пальца и отметку, поставленные на документе лицом, вместо своей подписи» [5].

Однако, на наш взгляд, данные определения являются спорными и нуждаются в отдельном, более тщательном, исследовании.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что проблема отсутствия ряда дефиниций, связанных с подделкой, изготовлением и оборотом поддельных документов, существует не только в нашем государстве. Проведенный сравнительно-правовой анализ позволил выявить существенные признаки «документа» и «официального документа», как следствие, дать им определение. Считаем, что закрепление данных терминов в уголовном законодательстве позволит прийти к единообразной правоприменительной практике и выступит вектором совершенствования уголовно-правового противодействия подделке, изготовлению, обороту поддельных документов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Польши. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 10.10.2020).
2. Уголовный кодекс Швейцарии. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 10.10.2020).
3. Уголовный кодекс Австрии. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 10.10.2020).
4. Уголовный кодекс Израиля. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 10.10.2020).
5. Уголовный кодекс Таиланда. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 10.10.2020).
6. Уголовный кодекс Дании. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 10.10.2020).
7. Уголовный кодекс Австралии. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 10.10.2020).
8. Уголовный кодекс Швеции. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 10.10.2020).
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Об обязательном экземпляре документов : федер. закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ (ред. от 03.07.2016) : принят Гос. Думой 23.11.1994 // Российская газета. 1995. № 11 – 12.
11. Уголовный кодекс Болгарии. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 10.10.2020).
12. Уголовный кодекс Норвегии. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 10.10.2020).

© Булгакова В. Р.

УДК 343.85:343.911-056.83(470)

Н. С. ДЕРЕНОВА, старший преподаватель-методист отделения методического обеспечения учебного процесса учебного отдела Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

N. S. DERENOVA, Senior Instructor-Methodologist of the Division of Methodological Support of the Educational Process of the Training Department of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕЦИДИВУ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЛИЦАМИ, БОЛЬНЫМИ НАРКОМАНИЕЙ: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ

COUNTERING RECURRENCE OF CRIMES COMMITTED BY DRUG USERS: TO THE QUESTION OF CONCEPT

Аннотация. Статья посвящена анализу основных понятий, относящихся к обозначенной теме. Автор излагает точки зрения, делящиеся в научной литературе на дефиниции: «предупреждение», «противодействие», «профилактика», «больной наркоманией», «наркомания», «ре-

цидив преступления», другие смежные понятия. В статье аргументируется теоретическая и практическая значимость правильного толкования указанных и других терминов. Отмечается, что, несмотря на длительную историю научной полемики по данному вопросу, он не становится менее актуальным. Даже законодательное закрепление приведенных дефиниций (федеральные законы «О противодействии терроризму», «О противодействии коррупции», «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации») не дает однозначного толкования ни в теории криминологии, ни в законодательных и иных нормативных правовых актах.

Ключевые слова и словосочетания: противодействие, предупреждение, профилактика, наркомания, наркотизм, больной наркоманией, борьба с преступностью, рецидив преступления.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the basic concepts related to the indicated topic. The author considers viewpoints concerning the definitions of “notification”, “counteraction”, “prevention”, “drug addict”, “drug addiction”, “recidivism”, and other related concept. The article explains the theoretical and practical significance of the correct interpretation of these and other terms. It is noted that despite the long history of scientific polemics on this issue, it does not become less relevant. In spite of the legislative consolidation of the above-mentioned definitions (Federal Laws “On countering terrorism”, “On combating corruption”, “On the fundamentals of the crime prevention system in the Russian Federation”) they have no ambiguous interpretation either in the theory of criminology or in legislative and other regulatory legal acts.

Keywords and phrases: counteraction, notification, prevention, drug addiction, drug abuse, drug addict, fight against crime, recidivism.

Рецидив преступлений, совершаемых лицами, больными наркоманией, является одним из основных факторов, обуславливающих преступность в целом и рецидивность в частности. Важной составляющей в определении стратегии и тактики противодействия наркоманской преступности является терминологическая точность дефиниций, используемых в нем. «В юридических науках она становится необходимым в случае отсутствия ее закрепления в законе или каком-либо нормативном правовом акте», – отмечает Н. А. Гришко [1, с. 42]. Данный вопрос еще более актуализируется в случае закрепления понятий в законодательстве и продолжающимся различным их толкованием в научной литературе, в подзаконных нормативных правовых актах. Сказанное в полной мере относится к теме настоящей статьи.

Наркомания представляет собой заболевание, обусловленное зависимостью от наркотического средства или психотропного вещества. Под указанными средствами и веществами понимаются те из них, которые включены в Перечень наркотических средств, психотропных

веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [2].

Под лицами, больными наркоманией, понимаются лица, отношении которых поставлен диагноз «наркомания» [2]. Понятие «наркомания» и смежные с ним дефиниции, такие как «наркотизм» и др., достаточно исследованы в работах ряда авторов [3 – 6]. Поэтому в статье приводятся научные точки зрения на их понятия лишь в той мере, в которой автору необходимо выразить свою позицию в их понимании.

В научной литературе и в приведенном законе устоявшимся взглядом на понятие наркомании является его определение как заболевания вследствие употребления наркотическими средствами, то есть оно имеет чисто медицинский аспект.

В литературе часто используется близкий к наркомании термин «наркотизм» Л. М. Прокументов определяет наркоманию по отношению к наркотизму как типу преступности в сфере незаконного оборота наркотиков является роковым явлением [7, с. 32]. Различные точки зрения на определение его изложе-

ны Л. Е. Гришко [8]. На основе их сопоставительного анализа можно выделить следующее его группы: наркотизм в медицинском аспекте [9, с. 79; 10, с. 5 – 15]; наркотизм – общественно-опасное деяние, связанное с наркотиками [11, с. 8]; наркотизм – заболевание наркоманией и совершение противоправных деяний, связанных с наркотиками [12, с. 25 – 26]. Л. Е. Прысь придерживается последней точки зрения. Мы в целом разделяем ее позицию.

Таким образом, под наркотизмом понимаются преступления, совершаемые лицами, больными наркоманией, в сфере незаконного оборота наркотиков. Наркомания – это заболевание и в этом плане она не является предметом исследования и рассматривается только как одна из основных детерминант, обуславливающих совершение преступления лицом, больным ею.

Другой составляющей «противодействия рецидиву преступлений, лиц, больных наркоманией» является понятие рецидива [13 – 16].

Известно, что в юридической науке выделяют уголовно-правовой, криминологический, пенитенциарный, пост пенитенциарный рецидив.

При изложении рассматриваемой темы мы исходим из понимания рецидива в уголовно-правовом смысле слова, под которым, как известно, понимается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление (ч. 1 ст. 18 УК РФ).

Самые различные взгляды имеют право на понятия, связанные с недопущением совершения преступлений: профилактика, предотвращение, противодействие и т. п.

Ю. М. Антонян считает, что предупреждение включает в себя: профилактику – воздействие на причины и условия, способствующие совершению преступления; предотвращение преступлений, то есть недопущение совершения пре-

ступлений на стадии их планирования и подготовки; пресечение преступлений – недопущение дальнейшего преступного поведения; исправление осужденных [17, с. 363].

Результатом множества дебатов по поводу определения данных понятий стало их законодательное закрепление.

Так, в п. «а» ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в частности, указано, что предупреждение коррупции включает в себя деятельность по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции) [18]. Необходимо отметить, что данный Федеральный закон наряду с Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» закрепляет, что в содержание понятия «предупреждение» входят выявление и устранение причин коррупции, терроризма (профилактика).

Понятие профилактики нашло свое отражение в Федеральном законе от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» как совокупность мероприятий политического, экономического, правового, социального, медицинского, педагогического, культурного, физкультурно-спортивного и иного характера, направленных на предупреждение возникновения и распространения наркомании (ст. 2).

Таким образом, в отличие от других законов, в последнем случае законодателем «предупреждение» включается в содержание понятия «профилактики». Учитывая, что в абсолютном большинстве случаев в криминологии и в большинстве «криминологических» законов, включая и Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации», который, по мнению автора, к другим отраслевым законам относится как базовый, он придерживается взглядов, которые включают профилактику в понятие предупреждения.

Анализ законодательства в сфере противодействия преступности и приведенных точек зрения позволяет прийти к выводу, что предупреждением также охватывается «предотвращение преступлений» (недопущение его совершения на стадии приготовления) и его пресечения (недопущения совершения на стадии покушения).

Таким образом, применительно к преступлениям, совершаемым лицами, больными наркоманией, имеющим судимость, можно отнести определения профилактики, предупреждения, рецидива преступлений, совершаемых ими.

Профилактика рецидива преступлений – это деятельность, субъектов профилактики по выявлению и последующему устранению причин и условий совершения лицами, больными наркоманией, имеющими судимость, способствующих совершению преступлений на почве заболевания наркоманией.

Предупреждение рецидива преступлений, совершаемых лицами, больными наркоманией, – это деятельность субъектов по предотвращению подготавливаемых и осуществляемых преступлений, лицами, больными наркоманией; по выявлению и последующему устранению причин и условий совершения ими преступлений (профилактика).

По отношению к профилактике и предупреждению понятию «противодействие» в научной литературе уделено гораздо меньшее внимание. Зато оно достаточно раскрывается в целом ряде федеральных законов (Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»). Систематический анализ указанных законов позволяет сделать вывод о том, что содержанием противодействия является: профилактика, предупреждение, раскрытие и расследование, минимизация и (или) ликвидация последствий преступлений. Под последними применительно к рассматриваемой

теме следует понимать: медицинскую и социальную реабилитацию лиц, больных наркоманией, совершивших преступления; обязательное лечение осужденных к принудительным работам, аресту, лишению свободы, больных наркоманией; возмещение ими материального ущерба и морального вреда, причиненного преступлением.

В антинаркотическом законодательстве указаны понятия «лечение больных наркоманией», «реабилитация больных наркоманией» [2]. Однако, к сожалению, ни антинаркотическое, ни уголовно-исполнительное законодательство не дают определения понятиям «обязательное лечение» (ч. 3 ст. 18 УИК РФ), «медицинская и социальная реабилитация».

Понятие обязательное лечение приводится только в научной литературе. Так, В. В. Чернышов дает ему следующее определение: «обязательное лечение осужденных, больных наркоманией, есть уголовно-исполнительная мера медицинского характера, предусмотренная уголовно-исполнительным законодательством и применяемая к лицам, больным наркоманией, осужденным к ограничению свободы, аресту или лишению свободы, в отношении которых медицинской комиссией исправительного учреждения вынесено решение о применении указанного лечения в целях улучшения их психического состояния и предупреждения совершения ими новых преступлений на почве наркомании» [19, с. 33].

Трудно переоценить роль приведенных видов минимизации последствий совершения преступлений в недопущении их рецидива со стороны лиц, больных наркоманией, имеющих судимость.

Исходя из приведенных понятий, смежных и составных по отношению к противодействию, можно прийти к выводу, что под противодействием рецидиву преступлений, совершенных лицами, больными наркоманией, следует понимать деятельность субъектов по

выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению преступления, их предотвращению на стадии приготовления и пресечения, медицинской и социальной реабилитации, возмещению вреда, причиненного преступлением.

Анализ правовых дефиниций, характеризующих рецидивную преступность

лиц, больных наркоманией, позволяет сделать следующий вывод: под рецидивом преступления, совершенного лицом, больным наркоманией, понимается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление, в отношении которого поставлен диагноз «наркомания».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришко Н. А. Преступное насилие, совершаемое женщинами в семейно-бытовой сфере : монография / под ред. докт. юрид. наук С. В. Шевелевой. М. : Юрлитинформ. 2020. С. 213.
2. О наркотических средствах и психотропных веществах : Федер. закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ // Собр. Законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 219. (Ст. 1).
3. Гришко А. Я. Правовые и криминологические проблемы социальной реабилитации алкоголиков и наркоманов : дис. доктора юрид. наук. М., 1993. 298 с. + Прил. (470 л.).
4. Дробышева В. В. Предупреждение преступлений лиц, больных наркоманией : дис. канд. юрид. наук. Рязань, 2012. 228 с.
5. Жабский В. А. Наркотизм несовершеннолетних: правовой и криминологический аспекты: дис. канд. юрид. наук Ростов-н/Д., 1999. С. 166. 167 с.
6. Куликова О. М. Принудительные меры медицинского характера, назначаемые осужденным наркоманам, их роль в предупреждении преступлений, совершаемых на почве наркомании : дис. канд. юрид. наук. М., 2002. 162 с.
7. Прозументов Л. М. Криминологическая характеристика наркотизма в России (федеральный и региональный аспект) // Проблемы противодействия незаконному обороту наркотиков: материалы Межрегиональн. науч.-практ. конф. (Томск, 14 окт. 2005 г.) Томск, 2005. 143 с.
8. Псырь Л. Е. Гражданско-правовые нормы в системе мер профилактики наркотизма // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 2. С. 215 – 218.
9. Боголюбова Т. А., Толпекин К. А. Наркотизм и наркомания: основные направления борьбы и профилактики // Сов. Гос-во и право. М., 1987. № 1. С. 79 – 86.
10. Пятницкая И. Н. Клиническая наркология // Медицина. Л. 1975. 334 с.
11. Блинов В. И. Наркомания и незаконные действия с наркотиками. М., 1993. 84 с.
12. Наркотизм : тенденции и меры преодоления (на материалах Азербайджанской Республики) / Э. Г. Гасанов. М., 1997. 272 с.
13. Кафаров Т. М. Проблема рецидива в советском уголовном праве. Баку, 1972. 256 с.
14. Конев А. А. Отдельные проблемные вопросы науки криминологии, уголовного и гражданского права. Н. Новгород, 1998. 212 с.
15. Горшенков Г. Н. Криминологический словарь. Сыктывкар, 1995. 111 с.
16. Антонян Е. А. Личность рецидивиста : монография. М., 2018. 264 с.
17. Наука криминологии : монография / Ю. М. Антонян. М., 2015. 376 с.
18. Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
19. Чернышов В. В. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, больных наркоманией : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 210 с.

© Деренова Н. С.

УДК 343.364(100)

О. А. ДИЗЕР, адъюнкт адъюнктуры
Омской академии МВД России (г. Омск)

O. A. DIZER, Adjunct of the Post-Graduate
Course of Omsk Academy of the Ministry of
Internal Affairs of Russia (Omsk)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ЗАРУБЕЖНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF PROVOCATION OF A CRIME UNDER FOREIGN LEGISLATION

Аннотация. В настоящей статье проанализированы основные проблемы, связанные с регулированием уголовной ответственности за провокацию преступления по законодательству зарубежных стран. Автором статьи уделено особое внимание вопросу соотношения норм, посвященных уголовной ответственности за данное деяние, действующего российского уголовного законодательства и законодательства анализируемых стран. Особое значение в статье придается проблеме отсутствия правовой регламентации провокации на легитимном уровне в целом. Отмечается, что дифференциация провокации на отдельные виды преступлений существенно осложняет работу правоохранительных и судебных органов. Цель статьи – изучить имеющееся законодательство континентальной Европы, ближнего зарубежья и стран СНГ и выделить наиболее значимые варианты преодоления существующих правоприменительных проблем привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления под влиянием провокатора.

Ключевые слова и словосочетания: провокация преступления, оперативно-разыскная деятельность, уголовная ответственность, подстрекательство, дача, получение взятки.

Annotation. This article analyzes the main problems associated with the regulation of criminal liability for provocation of a crime under the legislation of foreign countries. The author of the article pays special attention to the question of the correlation between the norms on criminal liability for this act, the current Russian criminal legislation and the legislation of the analyzed countries. The article pays special attention to the problem of the lack of legal regulation of provocation at the legitimate level in general. It is noted that the differentiation of provocation into separate types of crimes significantly complicates the work of law enforcement and judicial bodies. The purpose of the article is to study the existing legislation of continental Europe, the near abroad and the CIS countries and to identify the most significant options for overcoming the existing law enforcement problems regarding the prosecution of persons who committed crimes under the influence of a provocateur.

Keywords and phrases: provocation of a crime, operational-search activity, criminal liability, incitement, giving, receiving a bribe.

В современном уголовном и уголовно-процессуальном праве часто поднимается вопрос о недопустимости использования провокации в качестве способа раскрытия преступлений. Более того, её использование вызывает негативную реакцию широких общественных масс, о чём свидетельствуют информационные материалы, размещенные на страницах

периодической литературы и на платформах различных мультимедийных изданий. Актуальность проблемы обусловлена отсутствием уголовного запрета на использование провокации любого вида преступления, а не только взятки либо коммерческого подкупа. Несмотря на уже имеющиеся в судебной практике прецеденты и существующие решения

Европейского суда по правам человека (далее – Европейский суд, ЕСПЧ), вопрос относительно сущности провокации преступления, а также уголовной ответственности спровоцированного и провокатора продолжает оставаться открытым. Так, ЕСПЧ неоднократно поднимался вопрос о необходимости переосмысления сути провокации и недопустимости её использовании сотрудниками правоохранительных органов и силовых структур Российской Федерации в качестве способа, направленного на раскрытие преступлений. Разрешение сложившейся ситуации возможно посредством переосмысления уголовно-правового значения провокации преступления в отечественном законодательстве путем обращения к накопленному положительному опыту зарубежных стран [1, с. 6 – 12].

Таким образом, аргументированным будет обращение к законодательству стран, признающих юрисдикцию ЕСПЧ. В свете последних событий особое значение представляют новеллы Кыргызской Республики – государства-участника СНГ – в области регламентации уголовной ответственности за преступления, совершенные под воздействием провокатора. Стоит отметить, что интерес представляет не содержание самой статьи «Провокация взятки либо коммерческого подкупа» Уголовного кодекса (далее – УК) Кыргызской Республики, сформулированной аналогично ст. 304 УК Российской Федерации, а акценты, расставленные законодателем в соответствии с требованиями международного права. Немаловажно, что ст. 327 изначально была помещена законодателем в главу 31 «Преступления против правосудия» УК Кыргызской Республики 1997 г., однако с учетом всех разъяснений ЕСПЧ относительно недопустимости использования доказательств, полученных посредством провоцирования, в УК Кыргызской Республики 2017 г. ст. 343 «Провокация взятки либо коммерческого подкупа» перенесена в 46 главу

«Преступления против процессуального порядка добывания доказательств». Еще одним нововведением является дополнение законодателем статьи разъясняющим примечанием, касающимся того, что не считается провокацией взятки либо коммерческого подкупа: «...выявление и документирование работником органа дознания, следователем или прокурором уже существующего у лица намерения получить взятку, сопровождающееся созданием возможности для проявления (реализации) такого намерения, при отсутствии признаков склонения к получению взятки (либо коммерческого подкупа) с целью последующего изобличения в ее (его) получении; проведение в соответствии с законом проверки на коррупционную добродетельность должностного лица, которое заранее давало согласие на проведение в отношении него подобных проверок» [2]. Снабжение статьи примечанием было обусловлено возросшей провокационной активностью сотрудников правоохранительных структур, стремящихся предупреждать правонарушения коррупционного характера «по горячим следам» без достаточных на то оснований. Более того, законодатель путем введения ст. 55 «Выполнение специального задания» подчеркивает, что преступлением не будет являться только вынужденное причинение вреда охраняемым интересам лицом, выполнявшим специальное задание, принимавшим участие в организованной группе либо преступной организации с целью предупреждения или раскрытия их преступной деятельности.

Следует отметить, что уголовные кодексы практически всех союзных республик содержали ответственность за провокацию взятки, однако после принятия нового УК РСФСР 1960 года решили не вносить специальную норму, предусматривающую ответственность за провокацию взятки, связав это с тем, что в судебной практике данный состав преступления практически не встречается.

Однако украинские законодатели долго дискутировали по вопросу исключения статьи 171 из УК УССР, опасаясь произвола со стороны сотрудников правоохранительных структур, а также из-за специфики такого рода преступлений, которые не обусловлены служебным злоупотреблением. Данная статья была сохранена и помещена в главу о должностных преступлениях. На сегодняшний день ст. 370 «Провокация взятки», включенная в современный УК Украины, по сути формальная, не применяемая на практике, не способная регулировать уголовно-правовые отношения, связанные с провокацией взятки.

Небезынтересна позиция бывшего члена СНГ Грузии, предусматривающая уголовную ответственность за все виды провокации преступления. Согласно ст. 145 «Провокация преступления» главы «Преступления против прав и свобод человека» УК Грузии 1999 г. под провокацией преступления подразумевается «склонение другого лица к совершению преступления с целью его привлечения к уголовной ответственности» [3]. Таким образом, цель, сформулированная законодателем, на наш взгляд, совершенно точно определяет суть действий провокатора, что является немаловажным для эффективного правоприменения указанной статьи. Обозначенная таким образом цель позволяет отграничить действия провокатора от подстрекателя, так как отсутствует единство в целеполагании, что немаловажно при соотношении провокации с институтом соучастия.

Примечателен опыт ближнего зарубежья, в особенности стран Балтии, относительно специфики подходов к вопросам уголовно-правовой оценки провокации преступления. Так, анализ законодательства Литовской Республики показал: во-первых, термин «провокация» заменен на «имитацию»; во-вторых, имитация рассматривается как элемент преступного поведения со стороны упол-

номоченных лиц, осуществляющих оперативную деятельность; в-третьих, законодатель путем включения имитации в закон «Об оперативной деятельности» и УПК усилил акцент на правомерности ее применения. Таким образом, суды в каждом уголовном деле, в котором есть указания на имитацию, должны устанавливать, не было ли провокации, подстрекательства к совершению преступления. Более того, при выявлении злоупотреблений собранная информация не будет считаться доказательством по делу, так как антиконституционна в силу ограничения прав лица на справедливое судебное разбирательство. Об этом свидетельствует положение из решения ЕСПЧ: «Полицейское подстрекательство имеет место в тех случаях, когда участвующие в нем сотрудники – будь то сотрудники спецслужб или лица, действующие по их указанию, – не ограничиваются по сути пассивным расследованием преступной деятельности, а оказывают такое влияние на объект расследования, чтобы подстрекать его к совершению преступления – которое иначе не было бы совершено – с тем, чтобы можно было бы установить факт преступления, то есть получить доказательства и возбудить уголовное преследование» [4]. В деле «Милинина против Литвы» ЕСПЧ, напротив, установил, что полиция «влилась» в преступную деятельность, а не спровоцировала её, так как инициатива исходила от «частного лица», которое для решения вопроса в свою пользу обратилось в полицию, которая, в свою очередь, снабжала деньгами и техническими средствами для записи разговора. Таким образом, действия полиции были предопределены поведением заявителя [5].

Аналогичным образом УК Эстонской Республики 1992 г. содержит ст. 13-2 «Имитация преступлений», которая гласит: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но направленное

на выявление преступления или личности преступника и совершенное лицом, уполномоченным компетентным государственным органом имитировать преступление» [6, с. 47, 7].

Страны Скандинавии, как и многие другие, признающие юрисдикцию ЕСПЧ, уделяют пристальное внимание проблемам, связанным с провокацией. Так, в УК Дании содержится § 266-а, упоминающий, что любое лицо, которое имеет цель спровоцировать насильственные деяния или разрушения, подлежит наказанию [8, с. 196]. Еще одним немаловажным моментом является то, что при оценке виновности деяния может быть принята во внимание провокация, тем не менее закон не упоминает понятие провокации как основание для оправдания и исключения противоправности деяния, но может повлиять на смягчение назначаемого наказания [9]. УК Швеции содержит ст. 15 главы 15 УК Швеции, гласящую, что лицо наказывается за приготовление к совершению лжесвидетельства или сговор в совершении лжесвидетельства, связанный с попыткой спровоцировать такое деяние, как покушение на подделку доказательств [10, с. 63]. Целесообразно отметить новый Циркуляр прокуратуры Королевства Норвегия [11], в котором содержатся новые руководящие принципы относительно степени использования провокации сотрудниками полиции с целью пресечения преступных деяний в Интернете или с его помощью. В рамках уголовного судопроизводства уделяется пристальное внимание провокации как методу расследования, для недопущения злоупотреблений со стороны сотрудников полиции. Далее в Цирюляре обращено внимание на то, что в случае провокации наказание должно быть смягчено.

Исходя из статистики жалоб на нарушение права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное ст. 6 Конвенции, наименьшее количество обращений поступило от Германии, разделяющей провокацию преступления,

осуществляемую сотрудниками правоохранительных структур, на допустимую и недопустимую. Основным критерием, определяющим недопустимую провокацию, является момент формирования умысла, а именно указание на то, что совершенное наказуемое деяние является «продуктом деятельности» негласных сотрудников, воздействовавших путем побуждения, склонения либо иным способом на сознание лица с целью выработать у последнего желание совершить преступление. Действия такого рода считаются неправомерными, а тайные агенты, якобы сработавшие на опережение, не вскрывают умысел, а создают своими действиями преступника. Нельзя отрицать и того, что, описывая неправомерную провокацию, законодатель Федеративной Республики Германия (далее – ФРГ) совершенно точно акцентирует внимание на неоднократных, демонстративных действиях спецслужб, выражающихся в откровенном интересе, связанном со склонением к совершению преступления лица, в отношении которого отсутствуют обоснованные подозрения относительно намерения совершения им противоправного деяния. Общей проблемой всех стран, в том числе и ФРГ, продолжает оставаться слабый контроль со стороны вышестоящего руководства правоохранительной системы или государства в целом за действиями агентов-провокаторов, которые становятся бесконтрольными, а провокация преступления возможной [12].

В противовес недопустимой законодатель ФРГ выделяет допустимую провокацию, обосновывая её общественными интересами. Так, использование подобного вида провокации носит контролируемый характер, неспособный нанести значительный вред охраняемым законом общественным отношениям при расследовании преступления тайными агентами.

В судах Германии уделяется пристальное внимание вопросу разграни-

чения допустимой провокации и недопустимой, между этими двумя видами провокации существует тонкая грань, при переходе которой нарушаются принципы правового государства, в таком случае Федеральный Конституционный Суд может прекратить судебное разбирательство, если совершено преступление небольшой тяжести, а действия агента-провокатора безосновательны и не подкреплены надлежащими сведениями о противоправной деятельности спровоцированного (§ 153 УПК Германии). Тем не менее допустимая провокация со стороны спецслужб не рассматривается судом как препятствие к проведению процесса, а является лишь существенным основанием для смягчения наказания, об этом свидетельствует позиция Федерального Верховного Суда, рассматривающего провокацию как «веское, не зависящее от вины основание для определения размера наказания» [13, с. 56].

Немаловажным является вопрос об уголовной ответственности самого агента-провокатора. Интересен тот факт, что правоведы ФРГ разделились на два оппозиционных лагеря относительно вопросов уголовной ответственности провокатора.

Так, одни считают, что «агент-провокатор» должен быть освобожден от уголовной ответственности, так как в его действиях отсутствует умысел на совершение преступления, а предпринимаемые им действия – всего лишь реакция, связанная с предотвращением совершения преступления лицом, у которого уже сформировался умысел.

Другие ученые, напротив, апеллируют к норме, содержащейся в абзаце 3 § 36 Закона Нижней Саксонии об общественной безопасности и порядке, с целью обоснования прямого запрета, влекущего уголовную ответственность в случае «пробуждения решимости у лица, не готового к совершению уголовно наказуемого деяния; склонения лица, которое готово к совершению деяния, однако

размер наказания за совершение которого существенно выше, чем за совершение деяния, к которому лицо готово; сбор данных с помощью средств и методов, которые не разрешено использовать полиции» [14, с. 209].

Открытым остается вопрос относительно оценки личности агента-провокатора – «...действующий негласно служащий полиции или лицо, оказывающее ей содействие на конфиденциальной основе, целью деятельности которых является изобличение лица путем целенаправленного управления его поведением, при котором провоцируемое лицо совершает уголовно наказуемое деяние» [15, с. 54] – и привлечения его к уголовной ответственности.

Проанализировав опыт выбранных зарубежных стран, признающих юрисдикцию ЕСПЧ, следует отметить, что законодатели единогласно выражают мнение относительно недопустимости безаргументированного использования сотрудниками правоохранительных структур провокации в качестве способа пресечения готовящихся преступлений, обосновывая это тем, что выявленное преступление – это не что иное, как «продукт» противозаконных действий провокатора. Тем не менее вопрос уголовной ответственности продолжает оставаться открытым, так как ряд проанализированных стран в своих уголовных кодексах либо не содержит норму о провокации преступления, либо дифференцирует ответственность за неё. Осложняется это все тем, что под термином «провокация» в большинстве случаев зарубежным законодателем понимается искусственное создание условий и обстоятельств, под воздействием которых провоцируемый сам совершает преступление. Вместе с тем существуют и положительные правовые моменты – это освобождение от уголовной ответственности спровоцированного лица либо смягчение наказания в зависимости от тяжести совершенного преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руководство по статье 6 Конвенции. Право на справедливое судебное разбирательство (уголовно-правовой аспект) // Council of Europe, European Court of Human Rights, 2014. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_criminal_RUS.pdf (дата обращения: 16.10.2020).
2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики : Кодекс КР от 2 февраля 2017 года № 19. URL: <http://minjust.gov.kg> (дата обращения: 14.11.2020).
3. Уголовный кодекс Грузии. URL: <http://matsne.gov.ge> (дата обращения: 14.09.2020).
4. Дело «Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы : постановление ЕСПЧ от 05.02.2008 (жалоба № 74420/01). URL: <http://echr.coe.int> (дата обращения: 16.10.2020).
5. Дело «Малининас против Литвы (Malininas v. Lithuania) : постановление ЕСПЧ от 01.07.2008 (жалоба № 10071/04). URL: <http://echr.coe.int> (дата обращения: 16.10.2020).
6. Уголовный кодекс Эстонской Республики / под ред. В. В. Запевалова. СПб., 2001. 262 с.
7. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М., 2013. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.10.2020).
8. Уголовный кодекс Дании / под ред. С. С. Беяева. СПб., 2001. 230 с.
9. Уголовный кодекс Дании. URL: <https://dansklove.dk/straffeloven> (дата обращения: 14.11.2020).
10. Уголовный кодекс Швеции (1962) / под ред. С. С. Беяева. М., 2000. 320 с.
11. Циркуляр прокуратуры Королевства Норвегия. URL: <https://www.advokatbladet.no> (дата обращения: 14.11.2020).
12. Meyer N. Verdeckte Ermittlung / N. Meyer // Kripmedia. Hamburg : Universität Hamburg, Institut für Kriminologische Sozialforschung, 2005. URL: <http://www.kriminologie.uni-hamburg.de> (дата обращения: 17.11.2020).
13. Уголовное-процессуальное право Германии = Strafpro – zessrecht : пер. с нем. / Фридрих-Кристиан Шредер [и др.]. 5-е изд. М. : Инфотропик Медиа, 2016. 304 с.
14. Харевич Д. Л. Негласное расследование в Германии : монография. Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2010. 287 с.
15. Шабанов В. Б., Харевич Д. Л. Провокация преступления ФРГ: проблемы теории и практики // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 53–60.

© Дизер О. А.

УДК 243.9.018:316.25

С. В. ЕГОРЫШЕВ, начальник Центра ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан», доктор социологических наук, профессор (г. Уфа)

S. V. EGORYSHEV, Head of the Center of the State Autonomous Scientific Institution «Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan», Doctor of Sociological Sciences, Professor (Ufa)

ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПОНИМАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

CRIMINAL BEHAVIOR IN THE UNDERSTANDING OF REPRESENTATIVES OF THE SOCIOLOGICAL SCHOOL OF CRIMINAL LAW

Аннотация. В статье на основе сложившихся в конце XIX – начале XX в. в трудах представителей социологической школы уголовного права теоретико-методологических подходов к пониманию природы преступного поведения раскрываются его сущность как крайне деструктивного и социально опасного проявления социальной девиации («социальная патология»), имеющего многофакторную детерминацию. Говорится об отношении сторонников социологической школы уголовного права к наказанию и другим мерам воздействия на преступность. Преследуется цель обосновать взаимосвязь преступности с процессом цивилизационного развития в силу объективного характера преступности и закономерностей ее изменчивости. Формулируется вывод о том, что, если преступность порождена общественной жизнью, сопровождает её и меняется вместе с ней, то важнейшая социальная задача состоит в преодолении криминальных форм деятельности посредством не столько борьбы, сколько их замещения социально полезными и доведения преступности до социально терпимого уровня. Необходимо также формировать в общественном сознании чувство нетерпимости к проявлениям преступного поведения. Решение этой задачи невозможно без глубокого теоретического осмысления данной проблематики, актуальность которой подчеркивает наличие по отношению к ней в прошлом и теперь исследовательского интереса со стороны представителей различных отраслей научного знания.

Ключевые слова и словосочетания: социальная девиация, преступное поведение, социологическая школа, уголовное право, криминологическая и социологическая интерпретация, преступность, общественное развитие.

Annotation. The article, based on the theoretical and methodological approaches to understanding the nature of criminal behavior developed in the late XIX – early XX centuries in the works of representatives of the sociological school of criminal law, shows its essence as an extremely destructive and socially dangerous manifestation of social deviation (“social pathology”), which has a multifactorial determination. The article deals with the attitude of the supporters of the sociological school of criminal law to punishment and other measures of influence on crime. The aim is to substantiate the relationship between crime and the process of civilizational development due to the objective nature of crime and the patterns of its variability. The conclusion is formulated that if crime is generated by social life, accompanies it and changes with it, then the most important social task is to overcome criminal forms of activity by not so much fighting as replacing them with socially useful ones and bringing crime to a socially tolerant level. It is also necessary to create in the public consciousness a sense of intolerance to manifestations of criminal behavior. The solution of this problem is not possible without a deep

theoretical understanding of this problem, the relevance of which emphasizes the presence of research interest in relation to it in the past and now on the part of representatives of various branches of scientific knowledge.

Keywords and phrases: *social deviation, criminal behavior; sociological school, criminal law, criminological and sociological interpretation, crime, social development.*

Преступное поведение в силу своей особой социальной опасности в криминологии и в целом в общественном сознании оценивается как крайне деструктивная форма отклоняющегося (девиантного) поведения, негативно отражающегося не только на личности его носителя, но и на общественном развитии в целом. По мнению специалистов, темпы роста преступного поведения в настоящее время таковы, что появляются основания для того, чтобы говорить о формировании в менталитете нашей страны устойчивого синдрома становления грядущего тотального «преступного общества» [1, с. 19].

В юридической литературе преступность рассматривается как «понятие криминологии, означающее совокупность всех фактически совершенных противоречивых деяний, за каждое из которых предусмотрена уголовная ответственность, а также массовое негативное социально-правовое явление, обладающее определенными закономерностями, количественными и качественными характеристиками». А преступное деяние (поступок) означает акт антисоциального отклоняющегося от нормы человеческого поведения, посягающий на общественные отношения, охраняемые уголовным законом. По своим объективным свойствам является общественно опасным действием или бездействием, а по субъективным – виновным деянием, совершенным всегда с определенной целью и по определенным мотивам. [2, с. 481, 153].

Современная преступность, представленная глобальным масштабом своего проявления, становящимися все более технологичными видами и средствами преступного поведения, высокой

адаптивностью к правовому и в целом к социальному, контролю, выраженной воспроизводимостью в социальной среде, сильным деструктивным влиянием на все стороны общественной жизни, не только исследователями, но и практиками оценивается как угроза национальной безопасности страны и как фактор, видоизменяющий и сдерживающий ход общецивилизационного прогресса социумов всех уровней.

Проблеме преступности вообще и современному ее состоянию в частности посвящена объемная литература. Касательно предмета настоящей статьи следует указать на несколько публикаций, в которых систематизированы исследовательские подходы к пониманию природы преступности: Ю. М. Антонян [3]; Я. И. Гилинский [4]; С.В. Егорышев [5]; Ю.Ю. Комлев [6]; В.В. Лунеев [7]; В. С. Овчинский [8]; А.Е. Шалагин [9]; Д.А. Шестаков [10, 11] и другие.

И все же, как справедливо подчеркивают Ю. М. Антонян и О. Ю. Звизжова: «несмотря на довольно активное развитие криминологии как науки о преступности, последняя остается одной из главных социальных тайн. В этом смысле ее можно приравнять к болезни и даже смерти, если их рассматривать не только с биологических и медицинских, но и с философских позиций [3, с. 7].

Не повторяя логику и содержание указанных работ, остановимся лишь на некоторых интерпретациях понятия «преступность», свидетельствующих о ее объективном, тесно связанном с обществом и процессом его развития, характере, преступности как «социально патологическом явлении» и многофакторности его детерминации, а также возможностях преодоления или минимиза-

ции деструктивных последствий этого социального зла, приводимых представителями социологической школы в уголовном праве. Взгляды этих ученых стали теоретико-методологической основой целого ряда современных криминологических и социологических теорий, концепций и гипотез.

Социологическая школа в уголовном праве сформировалась в 80е-90е годы XIX века, хотя, например, один из активных и авторитетных ее основателей, немецкий профессор права Ф. фон Лист появление социологических воззрений в уголовном праве относил ко 2-й половине XVIII столетия и пионерами здесь считал английских юристов, так называемых «политических арифметиков», пришедших первыми к осознанию «закономерности кажущихся случайными событий человеческой жизни» [7, с. 90].

Несмотря на отсутствие теоретико-методологической стройности взглядов сторонников социологической школы, ее первым теоретиком считается итальянский криминолог Э. Ферри, который писал: «Наука о преступлении и наказании была прежде изложением силлогизмов, созданных одной силой логического мышления; наша школа сделала из нее науку позитивного наблюдения, которая, опираясь на антропологию, психологию, уголовную статистику, а также на уголовное право и тюрьмоведение, составляет ту синтетическую науку, которую я называл уголовной социологией» [12, с. 51].

А немецкий специалист в области юридической психологии второй трети XIX в. – первой половины XIX в., представитель рассматриваемой социологической школы уголовного права Г. Ашаффенбург предложил интересный и конструктивный подход к изучению преступности как неотделимого фактора человеческого общества, основанный на методе медицинского клинического исследования. По его мнению, следуя этим путем, можно поставить самый важный

в практическом отношении вопрос: как противостоять преступности? «Аналогия с естественнонаучной дисциплиной, – отмечал ученый, – не только указала нам направление нашего исследования, но и дала нам метод, указала самый удобный путь – объективного наблюдения. Раз мы познакомились с внешними обстоятельствами, при которых было совершено преступление, то следует попытаться установить отношение между совершенными преступлениями и хорошо известными нам явлениями» [13, с. 11].

Заслуга исследователя состояла в том, что на основе анализа статистических данных, в том числе полученных другими специалистами, например, А. Кетле и Э. Ферри, им была установлена зависимость преступности от времени года, места совершения преступления, экономического и социального положения, расовой и религиозной принадлежности, профессии преступника, выявлена взаимообусловленность преступности другими формами социальной девиации (алкоголизм, наркотические средства, проституция). Аналогичные исследования подобных зависимостей устанавливались и социологами, например, Э. Дюркгеймом, относительно самоубийств.

Ашаффенбургом были установлены и индивидуальные причины преступности. Он писал: «Социальные причины дают толчок к преступлению, и в то время как большая часть людей способна сохранить равновесие, другие – более или менее легко – утрачивают его. Поэтому необходимо подробнее рассмотреть, каковы те свойства, которые до того ослабляют силу сопротивляемости индивидуума побочным побуждениям» [13, с. 104]. К таким свойствам ученый относил происхождение и воспитание, образование и возраст, половую принадлежность и семейное положение.

Как представитель биосоциологического направления в изучении преступности и преступников, имея в виду

слабые стороны учения Ч. Ломброзо, Г. Ашаффенбург обосновывает тезис о том, что индивидуальные психические и физические особенности человека следует оценивать, как индивидуальное предрасположение его к совершению преступления. «Всякое преступление, – заключает он, – есть продукт организации и воспитания, индивидуального фактора, с одной стороны, и социальных отношений, с другой» [13, с. 16].

Этот вывод лег в основу предложенной им типологии преступников: 1- преступники по неизбежности; 2 – преступники под влиянием аффекта; 3 – случайные преступники; 4 – умышленные преступники; 5 – преступники-рецидивисты; 6 – привычные преступники; 7 – профессиональные преступники [13, с. 167].

Конструирование типологии преступников – сильная отличительная черта социологической школы уголовного права. Так, у Ф. Листа мы находим три их группы: 1 – случайные, совершившие преступное деяние под воздействием внешних факторов (в силу стечения обстоятельств), 2 – прирожденные, ставшие преступниками в силу особых свойств личности и 3 – привычные (исправимые и неисправимые) [7, с. 5]. Такая классификация по степени общественной опасности, считалась среди его соратников более предпочтительной, нежели классификация по составам преступления.

Из существования преступных типов исходили также Э. Ферри и Г. Тард. Первый указывал на пять групп преступников: душевнобольные, прирожденные, привычные, случайные и по страсти [12, с. 148], а второй предложил имеющиеся типы преступников рассматривать под углом зрения местности, в которой они совершают преступления (городской и деревенский преступник) [1, с. 55 – 64].

Вопросам криминальной типологии большое внимание уделял российский юрист и психолог, также принадлежавший к социологической школе, профес-

сор С. В. Познышев. Он писал: «Для того, чтобы исследование преступления стояло на высоте, вполне соответствующей уровню современных научных требований, рядом и изучением самого преступления, его природы и порождающих его причин должно стоять тщательное и, возможно, всестороннее изучение личности преступника, в котором понятие конституции и конституциональным факторам преступности должно быть отведено центральное место». Преступный тип ученый определял «как сочетание особенностей характера и взглядов человека, создающее уклон личности в сторону преступления, в силу которого человек выбирает преступный путь при таких обстоятельствах, когда другие люди, если им придет в голову мысль о преступлении, воздерживаются от совершения последнего» [8, с. 31].

Критикуя дифференциацию преступников на «случайных» и «привычных», С. В. Познышев предложил два их основных типа: 1 – эндогенный, характеризующийся более или менее сильным предрасположением к преступной деятельности, и 2 – экзогенный – свободный от такой предрасположенности, но отличающийся ослаблением морального тона, позволяющего избежать преступления [8, с. 35].

Широкое использование метода статистического наблюдения и факторного анализа позволило представителям социологической школы установить целый ряд имеющих и познавательный, и практический характер, интересных зависимостей. Выявляя силу влияния на преступления отдельных причин (пол, возраст, образование, происхождение, физические и психические свойства и патологии), они заложили основы зависимостей качественного значения и взаимосвязи возраста с каждым отдельным преступлением и связи каждого отдельного возраста с характером тех преступлений, к которым человек имеет наибольшую склонность [14, с. 72 – 164].

В последствии этот методологический подход был многократно использован в криминологии, социологии права и социологии преступности.

Соответственно представители этого подхода считали необходимым подходить к выяснению причин и природы преступности и с биологических, и с социологических позиций, «так как, лишь взятые вместе, они в состоянии дать нам причинное объяснения преступности» [7, с. 92].

Э. Ферри же при исследовании преступного поведения предложил исходить из системы факторов (антропологических, физических и социальных), дав тем самым начало факторному анализу преступности и других форм социальных отклонений [12, с. 219 – 224]. Ставя же вопрос о силе влияния этих факторов на преступность, ученый отмечал, что эти факторы по-разному проявляются в отношении тех или иных категорий преступников и совершаемых или преступлений. Однако, «рост и уменьшение преступности зависят главным образом от социальных факторов, которые легче других могут быть изменены и исправлены по воле законодателя...» [12, с. 227].

На необходимость факторного анализа преступности указывал известный российский ученый-юрист второй половины XIX в. Д. А. Дриль. «Преступление, – писал он, – как и всякое действие вообще, есть весьма сложный результат различных влияний, доля участия которых пропорциональна и соответственна их природе и напряженности. Выяснить эти влияния и размеры их есть задача научного анализа» [15, с. 149].

Обобщая суждения о факторах преступности, выдающийся отечественный юрист второй половины XIX в. – первой трети XX в., представитель социологической школы уголовного права С. К. Гогель писал: «Уже и ныне вполне установлено наукой, что все факторы, как индивидуальные, так и внешние, действуют вообще одновременно, что

при объяснении отдельного явления преступности, разве мысленно, можно выделять влияние какого-либо из факторов; в действительности же, находясь в неразрывной связи и взаимодействиях друг с другом, они действуют то в качестве непосредственных, то в качестве производящих непосредственные, то просто данное явление оказывается в зависимости от нескольких факторов, среди которых имеются и такие, которые науке неизвестны или мало ею выяснены» [16, с. 122].

Уже в наши дни, одним из основоположников отечественной девиантологии, профессором Я И. Гилинским было поставлено под сомнение наличие «чисто криминогенных «факторов» – детерминант преступности. Он пишет: «Одни и те же социальные, экономические, политические, психологические и прочие факторы воздействуют на любое поведение людей. Поэтому являются ли криминогенные факторы криминогенными? Да. Но в равной степени алкогенными, наркогенными, суицидогенными, «порождающими» творческую активность и обыденную, повседневную жизнедеятельность... [4, с. 9].

Существенен вклад представителей социологической школы уголовного права в разработку вопросов противодействия и предупреждения преступности, исправления и перевоспитания самих преступников.

Прежде всего, они выступили против весьма популярного мнения о том, что наказание – это панацея от преступления. Этот тезис, несмотря на многочисленные его опровержения, продолжает существовать и вызывать жаркие споры. Итальянский мыслитель, юрист и общественный деятель XVIII в. Ч. Беккариа указывал на то, что «цель наказаний заключается не в истязании и мучении человека и не в том, чтобы сделать несуществующим уже совершенное преступление... цель заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и

удержать других от совершения того же. Поэтому следует употреблять только такие наказания, которые при сохранении соразмерности с преступлениями производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на душу людей и были бы наименее мучительными для тела преступника» [17, с. 103].

В соразмерности наказания сторонники социологической школы видели наибольшую его действенность и условие, лишаящее само наказание стать причиной другого преступления. «Если за два преступления, наносящие различный вред обществу, назначено одинаковое наказание, то отсутствуют побуждения, препятствующие совершению более значительного преступления, раз оно соединено с более значительной выгодой» [17, с. 103].

По мнению Г. Ашаффенбурга, наказание «должно оказывать общее влияние на сознание народа, действуя как мера предупреждения и, вместе с тем, по отношению к отдельному лицу оно должно служить предостережением, удерживающим его от новых преступлений». Одновременно он подчеркивал, что «устрашающее действие наказания не настолько сильно, чтобы с успехом противостоять растущей социальной опасности» [13, с. 203]. И если «наказание должно защищать общество от преступных посягательств со стороны отдельного индивида» [13, с. 207], то наказание должно лишить преступника тех благ, к которым он стремился путем преступления.

Вместе с тем представители этой школы гораздо выше ценили превентивные и профилактические меры воздействия. С. К. Гогель отмечал в этой связи, что «раз преступление – не произведение злой воли, случайной силы, <...> раз это явление социальное, <...> оно подготавливается постепенно, и, следовательно, и бороться с ним лучше всего своевременно, предотвращая его наступление» [16, с. 333]. Э. Ферри, например, меры предупреждения преступления называл

«мерами, заменяющими наказание» [12]. Не соглашаясь в этом с ним, Г. Ашаффенбург и Ф. фон Лист уголовную профилактику связывали с социальной гигиеной, объективно полагая, что профилактика в этом случае должна быть направлена на устранение или ослабление социальных причин преступности. При этом представители социологической школы хорошо понимали, что далеко не везде и не всегда можно повлиять на эти социальные причины. Имея это в виду Ф. Лист писал: «Правда, самой идеальной социальной политике не удастся вовсе устранить из человеческого общества преступления, как самой идеальной гигиене не дано отратить от человека болезни и смерть» [7, с. 103].

В связи с этим интерес представляет учение представителей социологической школы о преступности как объективном социальном явлении, которое сопровождает общество на протяжении всей его истории, которое видоизменяясь вместе с обществом, будет сопровождать его и впредь.

Э. Ферри указывал на взаимосвязь цивилизации и преступности: «... всякая фаза цивилизации имеет свою преступность, ей соответствующую... В истории преступности наблюдаются два явления: с одной стороны, цивилизация, как это заметил Тард, уничтожает одни виды преступности, ею же созданные, и создает на их место новые; с другой стороны, преступность претерпевает двойную морфологическую эволюцию, делающую ее характерным показателем каждого исторического периода, для каждой социальной группы» [12, с. 212].

Ф. Лист отмечал, что преступность в силу своей естественно-исторической природы сама по себе не является социально-патологическим явлением. Но она может заключать в себе патологические черты в случае внезапного роста своих проявлений, которые становятся массовыми и приобретают угрожающую тенденцию. «В каждом обществе, – писал

он, – всегда известное число преступлений является неизбежным злом; идея навсегда устранить преступление реформой всего нашего социального строя относится к области утопий». Социально-патологический характер преступность приобретает по Листу в случаях: 1 – абсолютного роста числа преступлений вообще и в частности – против порядка и личности; 2 – роста рецидивной преступности и 3 – в значительном и учающемся соучастии малолетних в преступлениях [7, с. 94].

Подобный подход к пониманию природы преступности присутствует в трудах классиков социологической науки. Так, Э. Дюркгейм относил преступность к нормальному явлению, без которого общество невозможно [18]. А у П. А. Сорокина читаем: «Нет ни одного акта, который бы по самому своему содержанию был бы уголовным правонарушением; и акты убийства и спасения, правды и лжи, кражи и дарения, вражды и любви, половой разнузданности и воздержания и т. д. – все эти акты могли быть и были и преступлением и не преступлением в различных кодексах в зависимости от того, кто их совершал, против кого они совершались, при каких условиях они происходили. Поэтому причислять те или иные акты по самому их содержанию к уголовным преступлениям <...> задача безнадежная» [19, с. 62].

С социологической точки зрения преступность-нормальное явление не потому, что «в смысле хорошо и правильно, а в смысле – естественно, распространено, имеет место быть» [4, с. 8], а оценка ее в смысле «хорошо» или «плохо» дается на основе существующих в данный момент

в обществе социальных норм. Сильной стороной суждений представителей социологической школы уголовного права стали выводы о необходимости междисциплинарного подхода к изучению и, следовательно, к пониманию преступности. Указание на это можно найти у С. К. Гогеля: «Чтобы изучать не преступление, а преступность целого народа как социальное явление, надо изучать или пользоваться на крайней мере данными и выводами других наук, изучающих влияния всех входящих в социальную жизнь элементов на строй самой этой жизни» [16, с. 20].

Сложность природы преступности, многофакторный и противоречивый характер ее детерминации, выраженная латентность проявления целого ряда ее форм, высокая адаптивность к существующим и создающимся новым механизмам социального и правового контроля, постоянная воспроизводимость, увеличение масштаба и деструктивности проявления в последние десятилетия заставили специалистов говорить о «кризисе современной криминологии и о необходимости создания «интегративной» криминологии [9, 10] (по аналогии с «интегративной социологией» П. А. Сорокина), построенной на более широкой межпредметной методологической основе, унификации различных отраслей научного знания, предметом которых в той или иной мере выступает преступность, создании и использовании «синтетических» (смешанных) теорий, в том числе имеющих давнее непреходящее значение, включая выводы представителей социологической школы уголовного права.

Статья выполнена в рамках Государственного задания ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан».

ЛИТЕРАТУРА

1. Староверов В. И. Староверова И. В. Девиация правосознания и правоповедения российской молодежи. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2008. 230 с.
2. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2000. 704 с.
3. Антонян Ю. М., Звизжова О. Ю. Преступность в истории человечества : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. 208 с.
4. Гишинский Я. И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 1 (35). С. 6 – 13.
5. Егорышев С. В. Деструктивное влияние социальной девиации на развитие регионального социума (на примере Республики Башкортостан) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 3. С. 17 – 26.
6. Комлев Ю. Ю. Теории преступности. Казань : КЮИ МВД России, 2017. 107 с.
7. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2009. 110 с.
8. Овчинский В. С., Чеботарева С. О. Матрица преступности. М. : Норма : ИНФРА-М., 2008. 112 с.
9. Шалагин А. Е., Хрусталева О. Н. Теории преступного поведения: от истоков к современности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 556 – 564.
10. Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 561 с.
11. Шестаков Д. А. Разрушение науки и образования как толчок для преступноведческой теории // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 4 (47). С. 13 – 18.
12. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М. : ИНФРА-М, 2004. 391 с.
13. Ашаффенбург Г. Преступления и борьба с ним: Уголовная психология для врачей, юристов и социологов / сост. и вступит. статья В. С. Овчинского, А. Ф. Федорова. М. : ИНФРА-М, 2013. 241 с.
14. Лунеев В. В. Преступность XX века : мировые, региональные и российские тенденции : монография. М. : Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
15. Дриль Д. А. Преступность и преступники. Ученые о преступности и мерах борьбы с него. М. : ИНФРА-М, 2006. 770 с.
16. Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией / Сост. и вступит. Статья В. С. Овчинского, А. В. Федорова. М. : ИНФРА-М, 2010. 386 с.
17. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и вступит. статья В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2017, 188 с.
18. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии: пер. с фр. и послесловие А. Б. Гофмана. М. : Наука, 1990. 575 с.
19. Познышев С. В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / сост. и предисл. В. С. Овчинского, А. В. Федорова. М. : ИНФРА-М, 2010. 302 с.

© Егорышев С. В.

УДК 343.58(470)

Р. Р. ОТБОЕВА, адъюнкт кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России (г. Казань)

R. R. OTBOEVA, Adjunct of the Department of Criminology and Criminal Executive Law of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Kazan)

ИССЛЕДОВАНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 245 УК РФ

INVESTIGATION OF SUBJECTIVE SIGNS OF THE CORPUS DELICTI UNDER ARTICLE 245 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье исследованы субъект и субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, которые являются важным аспектом и условием наступления уголовной ответственности. Выделен специальный субъект преступления применительно к исследуемому составу ст. 245 УК РФ. Дана квалификация деяния «Жестокое обращение с животными», совершенного в состоянии аффекта, рассмотрены влияющие факторы. Анализ юридической литературы, исследований ученых и следственно-судебной практики позволили выявить ряд проблем в части жестокого обращения с животными, а также предложить меры по их разрешению. Автором предложены инициативы в целях оптимизации практической деятельности в части раскрытия и расследования преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, а также теоретические положения в целях развития науки уголовного права.

Ключевые слова и словосочетания: субъективная сторона, жестокое обращение с животными, субъект преступления, специальный субъект преступления, безнравственность, гуманность.

Annotation. The article examines the subject and the subjective side of the corpus delicti under Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation, which are an important aspect and condition for criminal liability. The special subject of the crime is identified in relation to the investigated composition of Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation. The qualification of the act «Cruelty to animals», committed in a state of passion, is given, the influencing factors are considered. Analysis of legal literature, scientific research, and investigative and judicial practice revealed a number of problems in the field of animal cruelty, as well as suggested measures to resolve them. The author proposes initiatives to optimize practical activities in terms of the disclosure and investigation of crimes under Article 245 of the Criminal Code, as well as theoretical provisions for the development of the science of criminal law.

Keywords and phrases: subjective side, cruelty to animals, subject of a crime, special subject of a crime, immorality, humanity.

Анализ следственно-судебной практики в сфере раскрытия и расследования жестокого обращения с животными свидетельствует о наличии ряда проблем, разрешение которых необходимо в целях оптимизации правопримени-

тельной деятельности. В целом, ученое сообщество активно вносит свой вклад в совершенствование уголовно-правового предупреждения исследуемого деяния, что позволяет отметить труды В. С. Мирошниченко [1, с. 102], Е. В. Богатовой

[2, с. 71], Р. В. Свиридова [3, с. 83], И. И. Лобова [4, с. 35], Е. В. Бочарова [5, с. 131], Л. В. Авдеевой [6, с. 232].

В рамках настоящего исследования необходимо также выделить фундаментальные исследования в области субъективной стороны преступления, а именно, И. Я. Козаченко [7, с. 55], П. С. Дагеля [8, с. 243], А. И. Рарога [9, с. 134].

Субъективные признаки состава преступления, включающие в себя характеристику субъекта и субъективной стороны преступного деяния, рассматриваются как необходимое условие уголовной ответственности. Следовательно, всесторонняя уголовно-правовая характеристики деяния, предусмотренного ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), требует исследования юридически-значимых признаков, необходимых для решения вопроса об уголовной ответственности лица.

Субъективные признаки состава преступления характеризуют психоэмоциональные процессы человека как субъекта преступления, а также психоэмоциональные процессы, предшествующие и сопутствующие выполнению объективной стороны преступного деяния. Свойства лица как субъекта преступления, имеющие уголовно-правовое значение, указаны в ст. 19 УК РФ. В частности, разрешения требует проблема неоднозначного подхода к определению возраста лица, подлежащего уголовной ответственности, в том числе за совершение деяния, предусмотренного ст. 245 УК РФ. Субъект исследуемого нами состава преступления является общим, следовательно, возраст уголовной ответственности – 16 лет.

Среди представителей ученого сообщества встречается позиция, что лица, достигшие возраста 12 – 13 лет, уже способны адекватно оценивать свои действия и их последствия, что позволяет снизить возраст уголовной ответственности за совершение исследуемого нами преступления [10, с. 43].

В средствах массовой информации приведено значительное количество фактов жестокого обращения с животными, совершенных лицами, младше 16 лет. Так, опубликованные сведения об умерщвлении не менее 15 животных двумя несовершеннолетними хабаровчанками спровоцировала протесты граждан ряда городов Российской Федерации. Девушки наносили удары животным камнями, строительными инструментами, топили, распинали их и вешали [11, с. 108].

Мы считаем, что основанием для определения возраста уголовной ответственности должны быть не только распространенность тех или иных противоправных деяний в определенной возрастной группе лиц, но и общественная опасность, обусловленная свойствами личности такого подростка.

Д. Н. Кавтарадзе и В. А. Зубакин в своих исследованиях отмечали склонность к повторению фактов жестокого обращения с животными у 75 % исследованных несовершеннолетних. Опубликованные результаты исследований свидетельствуют, что проявление жестокости к животным в детстве с большой вероятностью приводит к возможности совершения преступлений по отношению к людям в более зрелом возрасте, причем мотивы жестокости к животным не имеют значения. Жестокость к животным, наряду со склонностью к поджогам и поздним энурезом, входят в Триаду Макдональда – набор поведенческих характеристик, которые предсказывают совершение жестоких убийств в будущем [12, с. 39, 13, с. 46].

Мы считаем, что несвоевременное принятие мер в отношении обозначенной категории лиц способно повлечь за собой неблагоприятные последствия в будущем. На основании вышеизложенного считаем необходимым дополнить ч. 2 ст. 20 УК РФ преступлениями, предусмотренными п. а), в), г), д) ч. 2 ст. 245 УК РФ, что позволит снизить возраст уголовной ответственности по ним до

14 лет, поскольку психоэмоциональные свойства личности в этом возрасте позволяют осознать противоправный характер жестокого обращения с животными. Безусловно, считаем нерациональным и необоснованным применение в отношении данной категории лиц мер излишне репрессивного характера, однако в случае снижения возраста уголовной ответственности возможна будет реализация мер воспитательного характера в целях пресечения дальнейшего развития девиантного поведения.

Также следует обратить внимание на возраст уголовной ответственности по ряду других преступлений, например, на квалифицированные виды умышленного уничтожения или повреждения имущества и хулиганства (ч. 2 ст. 167 и чч. 2, 3 ст. 213 УК РФ), привлечение к уголовной ответственности по которым возможно с 14 лет. Следовательно, наша инициатива в части снижения возраста уголовной ответственности не будет противоречить современной доктрине уголовного права.

Помимо общего субъекта преступления, в науке уголовного права принято выделять и специальный субъект преступления, то есть лица, обладающего определенными качествами, конкретными признаками, необходимыми для квалификации деяния по определенному составу преступления. Применительно к исследуемому составу преступления следует отметить, что законодатель не выделяет специального субъекта. Однако в ряде случаев признаками специального субъекта могут обладать лица, уполномоченные к работе с животными в цирках, зоопарках и иных учреждениях. Мы считаем необходимым выделение специального субъекта в рамках исследуемого состава преступления в силу повышенной общественной опасности в результате его противоправных деяний, которые могут выразиться в истязаниях животных, грубом несоблюдении правил кормления и транспортировки животных, а также иных правил обращения с животными.

Характерным примером тому являются зоопарки, в том числе передвижные и «контактные», содержание животных в которых нередко осуществляется с грубыми нарушениями [14, с. 1].

Также примером специального субъекта является ветеринар, которому доверено животное.

Таким образом, считаем необходимым предложить авторское определение специального субъекта преступления по ст. 245 УК РФ – это вменяемое, физическое лицо, достигнувшее возраста уголовной ответственности, выполняющее свои служебные обязанности в силу договора или сложившихся обстоятельств и привлекаемое к уголовной ответственности в случае жестокого обращения с животными. Считаем необходимым в ч. 2 ст. 245 УК РФ добавить пункт «е) совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно лицом, которому животное было доверено».

Наука уголовного права достаточно единообразно подходит к пониманию субъективной стороны преступления. Для характеристики субъективной стороны преступления, значение имеют не все психические процессы, а только те, что связаны с преступным деянием. Так, применительно к ст. 245 УК РФ это вина, цель, мотив совершения преступления.

Вина подразумевает под собой важнейший элемент субъективной стороны преступного деяния, поскольку она раскрывает психическое отношение лица к совершаемому или совершенному преступлению и выражается в форме умысла или неосторожности [15, с. 98].

Исходя из уголовно-правовой характеристики деяния, предусмотренного ст. 245 УК РФ, следует отметить, что деяние совершается с прямым и конкретизированным умыслом [16, с. 429].

Однако отдельные ученые считают, что исследуемое преступное деяние может совершаться и с косвенным умыслом [17, с. 36].

Характерным примером тому является применение ногозахватывающих капканов при охоте на диких животных или других орудий и способов калечащего характера, поскольку лицо осознает потенциальную опасность того, что применяемые устройства могут сработать и в отношении других животных, не являющихся объектами охоты, но относится к ним безразлично. Данная проблема также требует своего разрешения в целях обеспечения уголовно-правовой защиты охраняемых законом общественных отношений.

Следующим признаком субъективной стороны деяния, предусмотренного ст. 245 УК РФ, является мотив, т. е. побуждение, сыгравшее основополагающую роль в выборе образа действий, касающихся совершения преступления [18, с. 89]. Альтернативно-обязательными мотивами жестокого обращения с животными являются корыстные или хулиганские.

Так, С. И. Никулин, Н. И. Пикуров едины во мнении, что хулиганские побуждения бывают тогда, когда в действиях лица проявляется беспричинное, открытое пренебрежение, жестокость по отношению к животному, и оно не реагирует на замечания окружающих людей о недопустимости такого рода поступков в отношении животных [19, с. 128].

Противоположного мнения придерживаются А. Н. Игнатов, Т. А. Костарева, которые считают, что хулиганскими побуждения являются и в тех случаях, когда лицо в результате своих общественно-опасных действий изувечивает либо убивает животное для получения удовольствия видеть его страдания, либо из желания продемонстрировать окружающим свое пренебрежение нормами морали [20, с. 142].

Таким образом, ученое сообщество в целом едино в понимании мотивов исследуемого деяния, а именно жестокость по отношению к животным проявляется в явном неуважении к обществу, к сло-

жившимся нормам, в пренебрежении нормами морали и нравственности со стороны виновного.

Однако субъективная сторона исследуемого нами состава преступления предполагает выделение не только из хулиганских, но и корыстных мотивов деяния. Под корыстными мотивами следует понимать стремление лица к материальному обогащению или приобретению выгоды для себя или иных лиц, а также стремление избежать материальных расходов [21, с. 110]. Проиллюстрировать этот мотив возможно с помощью анализа публикаций СМИ, например, приобретение прибыли от организации собачьих боев [22, с. 1]. Умерщвление животных в целях избегания материальных затрат также находит свое отражение в современной российской действительности [23, с. 1].

Установление мотивов лица необходимо в целях точной квалификации деяния, предусмотренного ст. 245 УК РФ, поскольку законодателем этот признак предусмотрен как обязательный.

Важным элементом субъективной стороны преступного деяния является его цель, под которой понимается конечный результат, к которому стремится субъект преступления. Следовательно, наличие данной цели необходимо доказать в ходе расследования преступления, что находит свое подтверждение в жестокости и безнравственном отношении к животным при совершении деяния, содержащего признаки деяния, предусмотренного ст. 245 УК РФ [24, с. 97].

Так, цель совершения жестокого обращения с животными находится в зависимости от мотива. Например, при хулиганских побуждениях на совершение исследуемого деяния цель направлена на пренебрежение нормами морали и нравственности в сфере гуманного обращения человека с животными, тогда как при корыстных побуждениях – извлечение материальной выгоды от осуществленного деяния.

По общему правилу субъектом преступления может быть только то лицо, которое на момент совершения деяния отдавало отчет своим действиям и было способно руководить ими. Признаки невменяемого лица указаны в ст. 21 УК РФ. При условии предоставления достоверных доказательств о состоянии невменяемости лица, оно не понесет наказание, к нему будут применены принудительные меры медицинского характера.

Анализ юридической литературы свидетельствует о наличии ряда проблем в части квалификации деяния, предусмотренного ст. 245 УК РФ, совершенного в состоянии аффекта.

В теории уголовного права под аффектом понимается состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения. Аффект может быть физиологическим и патологическим [25, с. 227].

Так, в среде ученого сообщества возникают дискуссии о квалификации действий лица в случае, если его психотравмирующее состояние будет детерминировано агрессивным поведением животного, в результате которого лицо выполняет объективную сторону деяния, предусмотренного ст. 245 УК РФ.

Преступления, совершенные в состоянии аффекта, обусловлены, прежде всего, индивидуальными психофизиологическими особенностями виновного, поскольку никакие индивидуально-психологические свойства человека при определенных внешних обстоятельствах и ситуациях не исключают возможности возникновения аффекта. Есть много факторов, которые определяют реакцию на внешние раздражители; с одной стороны, это генетически заложенные индивидуальные психофизиологические особенности вообще и определенное психическое и физическое состояние в момент совершения преступления (болезнь, усталость, переутомление), а с другой стороны, это особенности воспитания. Воспитание как регулятор поведения закладывает, помимо всего прочего,

и эмоционально-волевую устойчивость [26, с. 124].

Таким образом, проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы.

1. Считаю необходимым дополнить ч. 2 ст. 20 УК РФ пунктами а, в, г, д ч. 2 ст. 245 УК РФ, в целях обеспечения уголовно-правовой охраны комплекса общественных отношений в сфере здоровья населения и общественной безопасности, а также в целях обеспечения возможности принятия эффективных мер воспитательного характера к лицам, достигшим возраста 14 лет.

2. Совершение деяния, содержащего признаки состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, в результате агрессивного или опасного поведения животного, угрожающего жизни и здоровью лица или иным лицам, не должна быть уголовно наказуемой в силу того, что обуславливается психотравмирующими обстоятельствами и свидетельствует о состоянии аффекта.

3. Считаю необходимым дополнить ч. 2 ст. 245 УК РФ пунктом «е» следующего содержания: «совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в отношении вверенного животного».

4. С точки зрения уголовно-правовой характеристики субъективной стороны состава деяния, предусмотренного ст. 245 УК РФ, мы считаем недостаточно изученной проблему косвенного умысла в действиях субъекта преступления, что требует объединения усилий ученого сообщества для обеспечения сохранности охраняемых законом общественных отношений.

Таким образом, мы считаем, что предложенные нами инициативы положительно скажутся на состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации, а также позволят оптимизировать следственно-судебную практику в исследуемой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мирошниченко В. С. Криминологическая характеристика лиц, совершающих жестокое обращение с животными // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2012. № 5. С. 102 – 122.
2. Богатова Е. В. Ответственность за жестокое обращение с животными // *Вестник Московского Университета МВД России*. 2008. № 11. С. 71 – 73.
3. Свиридов Р. В. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ // *Евразийская адвокатура*. 2019. № 2. С. 83 – 86.
4. Лобов И. И. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 167 с.
5. Бочаров Е. В. Криминологическая характеристика жестокого обращения с животными // *Социально-экономические явления и процессы*. 2013. №10 (056). С. 41 – 45.
6. Авдеева Л. В. Уголовно-правовая характеристика жестокого обращения с животными // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. 2013. № 3. С. 232 – 240.
7. Козаченко И. Я. Проблема вины в уголовно-правовой теории и законодательстве // *Актуальные вопросы правоповедения*. 1992. С. 55 – 60.
8. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж : Воронежский университет, 1974. 243 с.
9. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М. : Профобразование, 2001. 134 с.
10. Осокин Р. Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности : дис. д-ра юрид. наук. М., 2014. 330 с.
11. Кавтарадзе Д. Н., Зубакин В. А. Основные результаты работы по изучению жестокого обращения с животными. Студенчество и охрана природы. М. : МГУ, 1982. 380 с.
12. Хабаровские живодерки раскаялись в своих поступках. URL: <https://lenta.ru/news/2017/02/17/khabarovsk> (дата обращения: 02.10.2020)
13. Holoyda BJ, Newman WJ. Childhood animal cruelty, bestiality, and the link to adult interpersonal violence. *NCBI. Int J Law Psychiatry* (2016 Jul-Aug). 224 p.
14. В «Сокольниках» закрыли контактный зоопарк после жалоб на жестокое обращение с животными. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/news-city/371497-kontaktnyy-zoopark> (дата обращения: 02.10.2020).
15. Уголовное право. Общая часть / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М. : НОРМА-ИНФРАМ, 1999. 310 с.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / С. В. Бородин, О. Л. Дубовик, С. Г. Келина, Г. Л. Кригер, В. Н. Кудрявцев, С. В. Кудрявцев, В. В. Лунев, А. В. Наумов, А. С. Никифоров, С. В. Полубинская, А. М. Яковлев ; под ред. А. В. Наумова. М. 1996. 824 с.
17. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / М. П. Журавлев, А. В. Наумов, С. И. Никулин, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог, Б. В. Янеленко : под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д. ю. н., проф. А. И. Рарога. Изд. 10-е, перераб. и доп. М. : Проспект, 2018. 882 с.
18. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Л. Л. Кругликова. М. 2018. 270 с.
19. Никулин С. И., Пикуров Н. И. Понятие и виды преступлений против здоровья населения и общественной нравственности // *Уголовное право. Общая и особенная части : учебник* / под общ. ред. М. П. Журавлева и С. И. Никулина. М. : Норма, 2008. 329 с.
20. Игнатов А. Н., Костарева Т. А. Уголовное право : учебник / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова М. : Юриспруденция, 2007. 248 с.
21. Миненок М. Г., Миненок Д. М. Корысть: криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 111 с.
22. Кто зарабатывает на подпольных собачьих боях в России. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/10/06/dogs> (дата обращения: 02.10.2020).
23. В Крыму владелец зоопарка решил убить 30 медведей, если их не заберут. URL: <https://rg.ru/2019/11/14/reg-ufu/v-krymu-vladelec-zooparka-reshil-ubit-30-medvedej-esli-ih-ne-zaberut.html> (дата обращения: 02.10.2020).

24. Шалагин А. Е. Преступления против общественной нравственности и их предупреждение : монография. Казань : Казанский юрид. ин-т МВД России, 2010. 190 с.

25. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. 439 с.

26. Мухачева И. М. Уголовно-правовая и психологическая характеристика аффекта // Актуальные проблемы российского права. 2016. №7 (68). С. 118 – 126.

© **Отбоева Р. Р.**

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.122:347.19(470+597)

ВО КИМ ЗУНГ, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва)

VO KIM DUNG, Adjunct Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. YA. Kikotya (Moscow)

**К ВОПРОСУ УВЕДОМЛЕНИЯ ОБ ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА, ПОТЕРПЕВШЕГО
ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
УПК РОССИИ И УПК ВЬЕТНАМА)**

**ON THE ISSUE OF NOTIFICATION OF THE COMPLETION
OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION OF A LEGAL ENTITY
THAT HAS SUFFERED FROM A CRIME: (COMPARATIVE LEGAL
ANALYSIS OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF RUSSIA
AND THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF VIETNAM)**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос, связанный с уведомлением юридического лица, потерпевшего от преступления, об окончании предварительного расследования. Отмечается, что реализация данного права у потерпевшего (в том числе юридического лица) в соответствии с действующими уголовно-процессуальными законодательствами России и Вьетнама нуждается в совершенствовании. По мнению автора, следует внести дополнения в действующее положения Уголовно-процессуального кодекса Вьетнама, которые позволят представителю юридического лица, потерпевшего от преступления, получить своевременно уведомление о результатах предварительного расследования. Предлагается в целях надлежащего обеспечения прав и законных интересов юридического лица, потерпевшего от преступления, изложение в новой редакции ч. 4 ст. 232 УПК Вьетнама.

Ключевые слова и словосочетания: стадия предварительного расследования, потерпевший, юридическое лицо, уведомление, прекращение уголовного дела, окончание предварительного расследования.

Annotation. The article deals with the issue of notifying a legal entity, a victim of a crime, of the end of the preliminary investigation. It is noted that the implementation of this right by the victim (including

a legal entity) in accordance with the current criminal procedure laws of Russia and Vietnam needs to be improved. According to the author, it is necessary to make additions to the current provisions of the Criminal Procedure Code of the Socialist Republic of Vietnam, which will allow the representative of the legal entity, the victim of the crime, to receive timely notification of the results of the preliminary investigation. In order to properly ensure the rights and legitimate interests of a legal entity that has suffered from a crime, it is proposed to present a new version of Part 4 of Article 232 of the Code of Criminal Procedure of Vietnam.

Keywords and phrases: *the stage of preliminary investigation, the victim, a legal entity, a notification of the termination of the criminal case, the end of the preliminary investigation.*

Несмотря на отсутствие самого определения окончания предварительного расследования в действующих Уголовно-процессуальном кодексе Вьетнама (далее – УПК Вьетнама) и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), в юридической науке полярно развиваются различные точки зрения к данному понятию. Однако большинство ученых в своих собственных работах поддерживают мнение о том, что окончание предварительного расследования – это не одномоментное действие, а системный комплекс процессуальных действий участников уголовного процесса, направленный на создание необходимых условий как для дальнейшего разрешения уголовного дела, так и на обеспечение прав и законных интересов [1, 2] (в том числе и потерпевшего – юридического лица). Отмечается, что юридическое лицо, потерпевшее от преступления, естественно, также заинтересовано в законности принимаемых при окончании предварительного расследования процессуальных действий и решений, которые в той или иной мере затрагивают его права и законные интересы.

Следует отметить, что важнейшей процессуальной гарантией прав и свобод потерпевшего на стадии предварительного расследования является его право быть уведомленным об окончании данной стадии. Относительно юридического лица, участвующего в качестве потерпевшего, указанная гарантия также имеет концептуальное и судьбоносное значение. Однако, как мы уже говорили, юридическое лицо, потерпевшее от пре-

ступления, осуществляет свои права не лично, а через своего представителя. В связи с этим представляется необходимым сначала рассмотреть вопрос, касающийся права представителя юридического лица, потерпевшего от преступления, на получение уведомления об окончании предварительного расследования в соответствии с действующими уголовно-процессуальными законодательствами России и Вьетнама.

Рассматривая озвученную нами проблему в России, хочется отметить, что право быть уведомленным об окончании предварительного расследования, хотя прямо не регламентировано в ч. 2 ст. 42 УПК РФ, но имеет место в других нормах, где определяется процессуальный порядок окончания данной стадии (ст. ст. 213 – 216 УПК РФ). Однако, на наш взгляд, обеспечение реализации потерпевшим подобного права в УПК РФ регламентировано не в достаточной степени, и во много зависит от формы предварительного расследования и вида его окончания.

В частности, согласно ч. 4 ст. 213 УПК РФ при уведомлении участников уголовного процесса о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) следователь обязан вручать или направлять потерпевшему вынесенное постановление об этом. Логично, что уведомление потерпевшего в данном случае осуществляется в письменной форме. Однако, несмотря на это, механизм осуществления такого действия, по нашему убеждению, имеет определенные пробелы.

Во-первых, российский законодатель не определяет, в какой конкретный промежуток времени с момента принятия решения о прекращении уголовного дела следователь должен выполнять вышеотмеченную обязанность.

Во-вторых, отсутствует обязанность следователя по разъяснению потерпевшему его права на обжалование принятого решения, а также права знакомиться с материалами прекращенного уголовного дела.

В-третьих, в данной статье в качестве адресата упоминается только потерпевший, без указания о его представителе, что может препятствовать данному лицу осуществлять защиту прав и законных интересов потерпевшего. В случае, когда потерпевшим признается юридическое лицо, то согласно ч. 9 ст. 42 УПК РФ его права осуществляет представитель. Соответственно, ему должно также вручаться (направляться) постановление о прекращении уголовного дела.

Продолжая рассматривать порядок уведомления потерпевшего об окончании предварительного следствия с обвинительным заключением, следует отметить, что озвученная проблема не нашла своего разрешения. В данном случае установлено, что подобное уведомление составляется в письменной форме только в отношении обвиняемого, так как в соответствии с ч. 1 ст. 215 УПК РФ для подтверждения данного факта следователь должен составить соответствующий протокол. Однако в отношении потерпевшего – юридического лица и его представителя – такое требование не предусмотрено. Следователь в силу ч. 2 ст. 215 УПК РФ только обязан уведомлять об этом потерпевшего и его представителя, а в какой форме и в каком процессуальном порядке, законодатель, к сожалению, не определяет.

Интересно, что при окончании дознания вообще отсутствует предусмотренный УПК РФ порядок подобного уведомления потерпевшего и его пред-

ставителя. Ознакомление потерпевшего и его представителя с обвинительным актом (обвинительным постановлением) в соответствии с ч. 3 ст. 225 УПК РФ и ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ осуществляется только при наличии соответствующего ходатайства. В таком случае возникает закономерный вопрос: как потерпевший и его представитель без своевременного уведомления со стороны дознавателя могут подать такое ходатайство?

Отмечаем, что существующая в данной ситуации проблема нуждается в разрешении путем необходимости определения формы и процессуального порядка, согласно которым следователь (дознаватель) должен уведомлять потерпевшего – юридическое лицо и его представителя об окончании предварительного расследования. При рассмотрении вопроса о форме подобного уведомления большинство ученых-процессуалистов положительно относятся к варианту письменного уведомления [3, с. 108; 4, с. 51 – 52].

Интересно по данному вопросу мнение С. С. Алексеева, который утверждает, что «уголовно-процессуальное право – это саморегулирующаяся система, способная с помощью своих внутренних механизмов преодолеть пробелы в праве и эффективно разрешить уголовное дело» [5, с. 331]. Если мы правильно понимаем позицию указанного автора, то следователь (дознаватель), для того чтобы избежать необоснованного нарушения прав и законных интересов потерпевших (в нашем случае именно юридического лица), может аналогично применить в отношении потерпевшего и его представителя положения ч. 1 ст. 215 УПК РФ. Согласиться с мнением С. С. Алексеева мы можем только частично, поскольку такая обязанность следователя (дознавателя) не предусмотрена уголовно-процессуальным законодательством, а зависит от их усмотрения.

Иная точка зрения имеется у Ю. Е. Кайгородовой, которая полагает,

что «уведомление потерпевшего об окончании предварительного расследования в письменном виде обеспечит соблюдение его прав и законных интересов» [6, с. 27].

При этом результат проведенного Э. Н. Алимamedовым социального опроса также свидетельствует о том, что большинство следователей (66,5 %) подтвердили необходимость письменного уведомления об окончании расследования [7, с. 20]. В целях эффективного обеспечения прав и законных интересов юридического лица, потерпевшего от преступления, полагаем, что при уведомлении его представителя об окончании предварительного расследования требуется составлять протокол.

Говоря об уведомлении потерпевшего и его представителя об окончании предварительного расследования в УПК Вьетнама, можно сказать, что его формулировка имеет определенные особенности. Установлено, что потерпевший имеет право быть уведомленным о результатах расследования (п. «д» ч. 2 ст. 62 УПК Вьетнама). Кроме этого, в УПК Вьетнама также предусмотрен определенный срок, в течение которого уполномоченные должностные лица обязаны осуществлять подобное уведомление. В случае, когда предварительное следствие проводится в общем порядке, данный срок составляет двое суток (ч. 4 ст. 232 УПК Вьетнама) и начинается со дня вынесения заключения об окончании расследования, а в сокращенной форме – 24 часа (ч. 3 ст. 460 УПК Вьетнама). Таким образом, в настоящее время потерпевшему (в том числе и юридическому лицу) и его представителю, в силу положений УПК Вьетнама, предоставлено право знать результат расследования без каких-либо дополнительных условий, что следует считать несомненным шагом вперед по обеспечению прав и

законных интересов последнего. Однако возникает вопрос, насколько совершенно обеспечены права юридического лица, потерпевшего от преступления, при окончании предварительного расследования во Вьетнаме? Результат сравнительно-правового анализа прав потерпевшего – юридического лица с правами обвиняемого анализа позволяет сделать вывод о том, что существует значительный дисбаланс в УПК Вьетнама в пользу обвиняемого. Так, при уведомлении о результатах расследования следователь в соответствии с ч. 4 ст. 232 УПК Вьетнама должен вручить или направить обвиняемому, защитнику и его представителю копию заключения об окончании расследования¹. В случае же уведомления других участников уголовного процесса (в том числе потерпевшего – юридического лица) такая форма уведомления не предусматривается. Во вьетнамской следственной практике наиболее распространенным способом является уведомление по телефону или с использованием СМС-сообщений.

Однако, несмотря на удобство указанной формы уведомления, мы к ней относимся негативно. В частности, в своей работе Д. Т. Май отмечает, что «уведомление потерпевшего по телефону или с использованием СМС-сообщений может создать препятствия в реализации его процессуальных прав, так как трудно зафиксировать данный момент» [8, с. 123].

На наш взгляд, чтобы не допускать нарушения прав и законных интересов потерпевшего в досудебном производстве, факт уведомления потерпевшего и его представителя о результатах предварительного расследования должен быть зафиксирован в протоколе, составленном уполномоченным должностным лицом.

Таким образом, в целях надлежащего обеспечения прав и законных ин-

1 В данном документе должны фиксироваться ход и результаты, полученные в ходе производства предварительного расследования, а также принимаемое на их основе процессуальное решение (прекращение уголовного дела, направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору).

тересов юридического лица, потерпевшего от преступления, представляется необходимым изложить ч. 4 ст. 232 УПК Вьетнама в следующей редакции: «4. В течение двух суток со дня вынесения заключения расследования, должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу, обязано <...> вручить копии заключения расследования обвиняемому, его законному представителю (представителю), его защитнику, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителю, также разъяснить им право на

ознакомление с материалами уголовного дела, о чем составляется протокол в соответствии с требованиями настоящего Кодекса».

Данные изменения позволят своевременно получить юридическому лицу – потерпевшему от преступления, уведомление о результатах предварительного расследования, а составленный должностным лицом соответствующий процессуальный документ подтвердит факт разъяснения участникам досудебного производства права знакомиться с материалами уголовного дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макеева И. В., Бутова И. Л. Некоторые вопросы, возникающие при окончании предварительного расследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации // Вестник научных конференций. 2016. № 6 – 3 (10). С. 59 – 62.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Гранкин К. Б. Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору // Новое в процессуальном законодательстве Российской Федерации (досудебное производство) : учебно-практическое пособие для преподавателей, курсантов и слушателей вузов МВД РФ. – Тюмень, 2004. 200 с.
4. Лящев Д. В. Окончание предварительного следствия составлением обвинительного заключения : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. 203 с.
5. Алексеев С. С. Общая теория права: Курс. В двух томах. – М. : «Юридическая литература», 1981. Т. 1. 361 с.
6. Кайгородова Ю. Е. Уведомление в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 28 с.
7. Алимamedов Э. Н. Деятельность следователя на этапе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 32 с.
8. Đinh Thị Mai. Quyền của người bị hại trong tố tụng hình sự Việt Nam. Luận án tiến sĩ luật học. Hà Nội. Năm 2015. 150 trang. // Дин Тхй Май. Права потерпевшего в уголовном судопроизводстве Вьетнама : дис. ... докт. юрид. наук. г. Ханой. 2015. 150 с.

© Во Ким Зунг

УДК 343.232(470)

Б. Я. ГАВРИЛОВ¹, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (г. Москва)

B. Ya. GAVRILOV, Professor of the Chair of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, (Moscow)

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

THE RETURN OF CRIMINAL OFFENSE TO THE RUSSIAN LEGISLATION AS ONE OF THE DIRECTIONS OF THE STATE POLICY TO ENSURE THE RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN

Аннотация. В статье рассматривается возможность введения в российское уголовное законодательство категории уголовного проступка и его влияние на развитие криминогенной ситуации. Отмечается теоретическое значение для дифференциации уголовной ответственности и определяется роль в формировании уголовно-правовой политики государства. Высказаны предложения, направленные на повышение обеспеченности прав и свобод человека и гражданина, соответствующие положениям Конституции РФ и Всеобщей декларации прав человека.

Ключевые слова и словосочетания: уголовный проступок, преступление, уголовно-правовая политика, дифференциация уголовной ответственности, криминогенная ситуация, уголовная репрессия.

Annotation. The article considers the possibility of introducing the category of criminal misdemeanor into the Russian criminal legislation and its impact on the development of the criminal situation. The author notes the theoretical significance for the differentiation of criminal responsibility and defines the role in the formation of the state's criminal law policy. Proposals aimed at improving the security of human and civil rights and freedoms, in accordance with the provisions of the Constitution of the Russian Federation and the Universal Declaration of Human Rights, were made.

Keywords and phrases: criminal offense, crime, criminal law policy, differentiation of criminal responsibility, criminogenic situation, criminal repression.

В интервью Российской газете Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев отметил, что важным направлением совершенствования правосудия является гуманизация

уголовного судопроизводства, основанием для чего является закрепление в ст. 2 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой признание, соблюдение и защита прав и свобод чело-

1. До 2007 г. заместитель начальника Следственного комитета при МВД России.

века и гражданина – обязанность государства¹.

Реализуя принцип гуманизма постановлением от 17 октября 2020 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации внес в Государственную Думу Российской Федерации проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», где предлагается в категорию уголовного проступка перевести 112 составов преступлений, по которым в 2019 г. осуждено 68,1 тыс. граждан, в том числе 29 составов преступлений в сфере экономической деятельности.

Актуальность данной проблемы обусловила активное обсуждение как в научной среде, так и среди практикующих юристов ряда вопросов, конечной целью которых является:

1. Сокращение уровня уголовной репрессии, который к концу 90-х гг. XX века превысил 1 млн российских граждан, отбывающих наказание в местах лишения свободы, условия содержания в которых экспертами Совета Европы приравниваются к пыткам [1].

2. Рассмотрение предложений представителей научной общественности [2; 3, с. 2 – 5] и правоприменителей [4] об исключении из административного законодательства (*Кодекса об административных правонарушениях РФ*) деяний, являющихся по степени общественной опасности на «границе» административного правонарушения, например, ст. 7.27 КоАП РФ, диспозиция которой к мелким хищениям относит кражу на сумму 2,5 тыс. руб., и ч. 1 ст. 158 УК РФ при сумме похищенного, на 1 руб. ее превышающую, доводя данную ситуацию до абсурдной. Аналогичной сегодня является и проблема разграничения админи-

стративной и уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, где граница между преступным и непроступным нередко является условной [5, с. 387 – 400; 6, с. 270].

3. Необходимость исключения из ч. 2 ст. 14 УК РФ такого мифического, по мнению автора, понятия как малозначительность деяния, не представляющего общественной опасности. Его наличие допускает возможность ежегодного принятия по заявлениям и сообщениям граждан и организаций о преступлениях от 6 до 7 млн решений об отказе в возбуждении уголовного дела, чем нарушается конституционное право значительного числа граждан на их доступ к правосудию и возмещение причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ) [5, с. 387 – 400].

4. Значительный рост (с 1,2 млн в 1991 г. до 6 – 7 млн в 2016 – 2017 гг.) «отказных» материалов обусловил снижение статистических показателей преступности (с 3,85 млн преступлений в 2006 г. до 2,024 млн в 2019 г.), уровень которой в 2019 г. составил 1400 преступлений на 100 тыс. населения, что в 4 – 5 раз ниже, чем в Германии, Франции, Италии и 8 раз ниже аналогичного показателя преступности в Скандинавских странах [7, с. 29 – 30].

Особое место в решении указанных проблем занимает, как отмечено выше, возвращение в УК РФ уголовного проступка.

Однако научная дискуссия по данному вопросу свидетельствует о неоднозначном отношении к понятию уголовного проступка. Например, профессор Л. В. Головкин [8, с. 127 – 136] указывает на отсутствие должных правовых оснований для введения в российское законодательство уголовного проступка. Интерес представляет и мнение А. А. Толкаченко [9, с. 137 – 150] (заместитель Председа-

1. Российская газета. Глава Верховного суда России Вячеслав Лебедев: Предлагаем внести в закон понятие «уголовный проступок». URL: <https://rg.ru/2020/10/13/glava-verhovnogo-suda-predlagaem-vnesti-v-zakon-poniatiye-ugolovnyj-prostupok.html> (дата обращения: 17.11.2020).

теля Верховного Суда РФ (в почетной отставке), который отмечает, что «в современных условиях введение уголовного проступка <...> и судопроизводство по нему сами по себе не способны оказать принципиального влияния на уголовную политику и практику применения уголовного законодательства». С данным тезисом возможно было бы согласиться, если институт уголовного проступка рассматривать в отрыве от видения перспективы совершенствования в целом законодательства, включая уголовное, административное, уголовно-процессуальное. Однако возвращение уголовного проступка нами рассматривается только как первый шаг к разрешению реально существующих проблем современного законодательства уголовно-правового комплекса [10, с. 20 – 31].

При исследовании проблемы уголовного проступка, считаем необходимым сформулировать его социально-правовое обоснование, обратившись к трудам таких видных российских ученых, как С. Г. Келина [11, с. 51], Г. А. Кригер [12, с. 3 – 9], Н. Ф. Кузнецова [13], М. Д. Шаргородский [14] и др., в которых отражена идея о выделении в уголовном законодательстве таких общественно опасных деяний, как уголовные проступки. Сегодня активное участие в научной полемике об уголовном проступке принимают С. В. Максимов [15, с. 130], Е. В. Рогова [3, с. 2 – 5], В. Ф. Цепелев [16, с. 632], Н.С. Щедрин [17], сам автор [18] и др.

Высказанные указанными и рядом других ученых точки зрения о возможности и необходимости введения уголовного проступка вполне вписываются в проводимую государством, начиная с 2003 года¹, политику либерализации уголовного наказания, что российскими

учеными-криминологами отражено в работах А. И. Алексеева, В. С. Овчинского и Э. Ф. Побегайло [19], автора настоящей публикации [7] и др., отмечающих необходимость дифференциации уголовной ответственности за преступления, не представляющие значительной общественной опасности, отмечая одновременно недопустимость радикализма, который может породить утрату гражданами чувства ответственности за совершенное деяние, а в итоге – вседозволенность [5, с. 387 – 400].

Введение в УК РФ уголовного проступка сегодня должно быть заложено и в разработку концепции современной уголовной политики, активное обсуждение которой имело место в ходе парламентских слушаний в Совете Федерации РФ 18 ноября 2013 г. [20] и 5 апреля 2017 г., где А. Л. Кудриным была предложена концепция совершенствования уголовного законодательства до 2025 г. [21].

Исследуя социальные факторы, обуславливающие необходимость категории уголовного проступка, автор выделяет принятый государством в начале 2000-х гг. ряд законодательных мер, включающих в себя:

- исключение из уголовно-процессуального законодательства еще в рамках действия УПК РСФСР ч. 2 ст. 96, допускающей заключение под стражу граждан в силу одной опасности совершенного преступления, к категории которых относилось более 1 млн краж чужого имущества;

- принятие Федерального закона от 31.10.2002 г. № 133-ФЗ², которым предусматривалось наказание до 6 лет лишения свободы по ч. 2 ст. 158 УК РФ, включая хищение «банки соленых огурцов из сарая», которым абсолютное число краж

1. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

2. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 31.10.2002 № 133-ФЗ // Российская газета. № 211. 05.11.2002.

было отнесено к преступлениям средней тяжести [7, с. 46 – 48];

– передачу в связи с принятием УПК РФ полномочий по заключению подозреваемых, обвиняемых под стражу от прокурора к суду, что обеспечило сокращение в 2015 – 2019 гг. содержащихся в местах лишения свободы граждан до 493,3 тыс. на 1 сентября 2020 г., а заключаемых в процессе предварительного расследования под стражу лиц – в 3,5 раза (с 450 тыс. в 1998 г. до 120 – 130 тыс. в указанные годы) и ряд других мер.

Сегодня уголовно-правовые запреты наличествуют явно в переизбыточном количестве. Следствием этому является то, что в России к уголовной ответственности ежегодно привлекалось в 1992 – 2001 гг. более 1,5 млн взрослого населения, а в 2012 – 2017 гг. – около 900 тыс., в 2018 г. – 831 тыс. и в 2019 г. – 789 тыс. граждан, что влечет дальнейшую криминализацию общества [18, с. 131 – 136].

С учетом изложенного следует констатировать, что подход государства к решению данной проблемы должен заключаться в том, чтобы исключить по возможности попадание в места лишения свободы лиц, осужденных за преступления, не представляющие большой общественной опасности, чье исправление возможно и без применения наказания в виде лишения свободы.

Исследуя криминологическое обоснование введения уголовного проступка, считаем возможным указать, что его познание требует изучения состояния преступности и основных тенденций, понимания того, что эта категория противоправных деяний далеко неоднородна. Однако такой анализ отсутствует у большинства оппонентов введения уголовного проступка, в том числе и в ука-

занных выше публикациях Л. В. Головки, А. А. Толкаченко, что вероятно и не позволяет им поддержать данное предложение. Следует также учитывать, что несмотря на то, что современная преступность становится более общественно опасной, ее формы приобрели организованный и профессиональный характер, однако сегодня не менее велика, как отмечено выше, потребность со стороны государства и общества в гуманном отношении к тем, кто совершает менее опасные преступления и может исправиться без применения наказаний, связанных с изоляцией от общества, либо в целом с помощью мер, их заменяющих. Обозначенный выход из проблемной ситуации приобрел особую актуальность, в частности, по причине, связанной с неспособностью уголовно-исполнительной системы решать должным образом задачи по реализации охранительной и предупредительной функции уголовного права [5, с. 387 – 400].

Совместно с Е. В. Роговой автором проведен анализ преступлений, за которые максимальный срок лишения свободы составляет три года. Его результаты позволили сделать несколько основных выводов о состоянии в России преступности, не относящейся к тяжкой [22, с. 7 – 45].

В 2005 – 2009 гг. в России ежегодно регистрировалось порядка 1 млн преступлений небольшой тяжести, что составляло 35 – 36 % в структуре зарегистрированной преступности, а, начиная с 2012 г., отмечалась тенденция роста их удельного веса (до 46,2 %). И хотя в 2016 – 2019 гг. количественный показатель преступлений небольшой тяжести сокращался, что было обусловлено декриминализацией их отдельных видов, однако удельный вес в структуре общей преступности сохраняется.

Динамика зарегистрированных преступлений небольшой тяжести*

Годы	Количество зарегистрированных преступлений небольшой тяжести	Прирост к предыдущему году (%)	Удельный вес в общем количестве зарегистрированных преступлений (%)
2005	1 084 029	28,8	30,5
2006	1 265 271	16,7	32,8
2007	1 230 791	-2,7	34,4
2008	1 130 691	-8,1	35,0
2009	1 068 912	-5,5	36,0
2012	947 376	8,0	41,0
2018	920 153	+0,6	46,2
2019	875332	-0,9	43,2

С учетом приведенных выше показателей увеличения доли зарегистрированных преступлений небольшой тяжести возросла и доля осужденных в Россий-

ской Федерации за преступления небольшой тяжести, которая на сегодня превышает уровень 50 % от общего количества осужденных.

Число осужденных, в том числе за преступления небольшой тяжести

Годы	Всего осуждено	В т. ч. за преступления небольшой тяжести	То же в %
2005	878 893	254 062	30,0
2006	909 853	280 445	30,8
2007	927 074	296 698	32,0
2008	925 166	323 470	35,0
2009	892 361	326 076	36,5
2012	739 278	273 346	37,0
2017	697 054	363208	52,1
2018	658 291	347066	52,7
2019	620 054	317 390	51,2

Таким образом данные криминологического анализа преступлений, отнесенных к категории небольшой тяжести и лиц, их совершивших, позволяют сделать вывод о том, что значительную часть данного вида уголовно-наказуемых деяний возможно выделить в группу уголовных проступков [10, с. 20 – 31].

В свою очередь, профессор В. Ф. Цепелев предлагает внести изменения в действующий УК РФ, согласно которым в целях дифференциации ответственности было бы целесообразно преступления с максимальным наказанием до одного года лишения свободы декриминализировать и перевести в категорию

административных правонарушений. Деяния с максимальным сроком лишения свободы до двух лет сохранить в УК РФ в прежнем виде – в качестве преступлений небольшой тяжести – и одновременно отнести их к категории уголовных проступков, указав на ст. 15 УК РФ [16, с. 632]. Однако с идеей декриминализации, предложенной данным автором, согласиться не представляется возможным, аргументы чему будут приведены по тексту публикации [5, с. 387 – 400].

Другая точка зрения заключается в том, что уголовный проступок является непроступным правонарушением, за совершение которого возможно применение

*Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2005 – 2019 гг. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 14.01.2021).

ние мер административного или общественного воздействия, но не уголовного наказания [22, с. 7 – 45].

Одновременно следует указать на то обстоятельство, что у идеи закрепления уголовных проступков есть не только сторонники. Так, И. М. Гальперин считал, что включение уголовных проступков означало бы по существу лишь изменения терминологического характера [23, с. 66]. В связи с подобными утверждениями автор вынужден обратить внимание, что возвращение в российское законодательство категории уголовных проступков призвано обеспечить принципиальные изменения не только в терминологии, но и в уголовно-правовых последствиях для лиц, совершивших данные деяния.

Таким образом, реальная картина сегодня такова, что проблема уголовного проступка нуждается в дальней научной полемике в части, затрагивающей определение его места в системе категоризации преступлений и правонарушений. Признавая уголовный проступок самостоятельным видом противоправных деяний, но с меньшей относительно преступлений степенью общественной опасности, следует указать, что основными наказаниями за их совершения должны стать такие, которые не связаны с лишением свободы, а именно: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, арест [5, с. 387 – 400].

В случае принятия законодателем решения о введении в УК РФ категории уголовных проступков принципиальным становится вопрос определения тех противоправных деяний, которые возможно к ним отнести.

Во-первых, как уже отмечалось, в категорию уголовных проступков необходимо перевести часть административных деликтов (мелкое хищение,

правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков и ряд других), ныне относящихся к административным правонарушениям. При этом нами учитывается позиция не только представителей науки уголовного права, но и ученых – административистов [24].

Во-вторых, к уголовным проступкам следует отнести большинство преступлений небольшой тяжести, по которым критерием может стать наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. Таким образом, критериями выделения категории уголовного проступка, по нашему мнению, могут стать: 1) характер и степень общественной опасности деяния; 2) распространенность деяния; 3) общественное восприятие деяния как уголовного проступка. Одновременно следует учитывать, что к группе преступлений небольшой тяжести законодатель сегодня относит и составы значительного количества преступлений в сфере экономической деятельности, часть экологических преступлений, деяния против конституционных прав и свобод человека и гражданина, которые вряд ли могут быть отнесены к категории уголовных проступков [5, с. 387 – 400].

Для реализации указанного предложения предлагается в Особенную часть УК РФ включить Раздел XIII «Уголовные проступки», что представляется более рациональным, нежели издание отдельного закона, поскольку: *во-первых*, это позволит избежать дублирования большинства правовых институтов Общей части УК РФ, которые должны выступать едиными как для преступлений, так и для уголовных проступков (формы вины, обстоятельства, исключаяющие преступность деяния, и т. д.); *во-вторых*, позволит подчеркнуть их непосредственная связь, близость социальной природы и весьма незначительную разницу в степени общественной опасности; *в-третьих*, такое решение вопроса будет способствовать строгому ведению статистического учета уголовных проступков и иных пре-

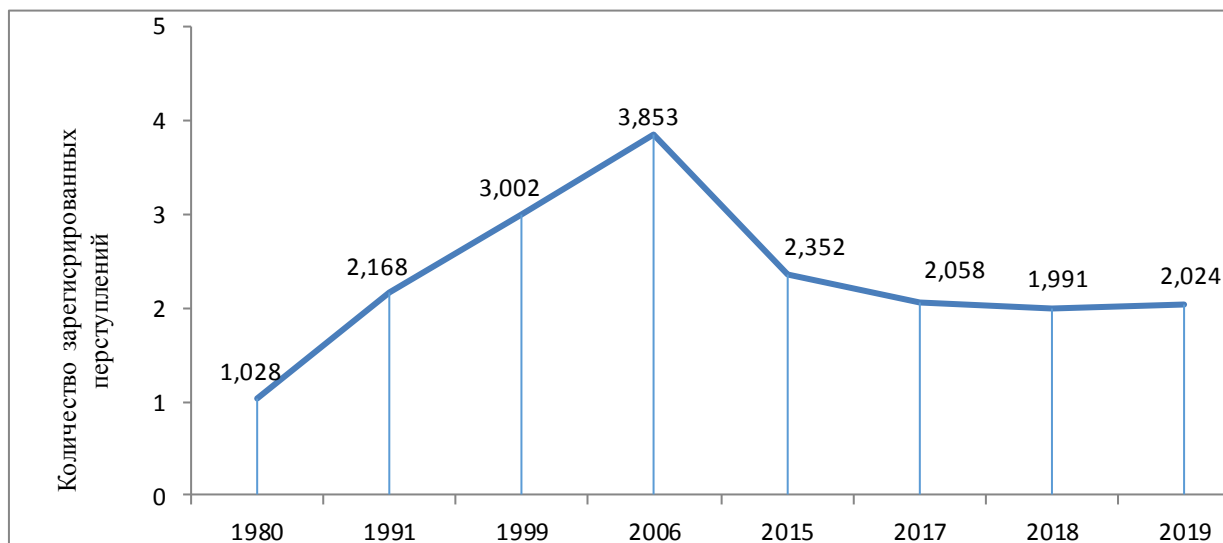
ступлений [10, с. 20 – 31]. Возвращение в УК РФ категории уголовных проступков позволит разрешить и проблему правоприменения ч. 2 ст. 14 УК РФ о противоправных деяниях, в силу малозначительности не являющихся преступлениями, которая, являясь оценочной, порождает неоднозначное ее восприятие среди ученых и практиков [5, с. 387 – 400].

Сущность данной проблемы заключается в том, что согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ деяние, формально содержащее признаки преступления, требует реакции со стороны государства (признак противоправности), но в силу своей малозначительности оно не представляет общественной опасности. С учетом данного обстоятельства должностным лицам органов предварительного расследования, прокурорам и судьям (судам) дано право по своему усмотрению решать вопрос о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о его прекращении как стадии предварительного расследования, так и процессе судебного разбирательства, в т. ч. в апелляционной инстанции, примеры чего приведены ниже.

Тем не менее, с определенной долей условности следует говорить об отсутствии общественной опасности в рассматриваемом виде противоправного деяния, которая безусловно есть, но весьма незначительна и погранична с другими видами правонарушений и, в первую очередь, с административными. Однако общественная опасность присутствует и при малозначительности, так как она заложена законодателем. Её интенсивность не достигает нужной для уголовной ответственности границы, в связи с чем и появляется неоднозначность в толковании рассматриваемой нормы [10, с. 20 – 31]. По этому поводу А. Э. Жалинский отмечал, что формальная характеристика деяния и есть противоправность, которая противопоставляется общественной опасности [25, с. 248 – 249]. Изложенное выше обусловило ряд актуальных про-

блем: во-первых, та грань, когда можно принять процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела или прекратить его на основании признания деяния малозначительным (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), оказалась сегодня расплывчатой, зависящей от субъективного мнения следователя, дознавателя, а в ряде случаев прокурора и судьи (суда). Так, из зарегистрированных в 2015 – 2019 гг. 6 – 6,9 млн процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, значительная часть в силу малозначительности, по оценке правоприменителя, не представляла общественной опасности. Однако ежегодно от 20 % до 37 % таких решений прокурорами признаются незаконными и необоснованными и отменяются [5, с. 387 – 400].

Определяющим во введении уголовного проступка является, по мнению автора, и существенное искажение показателей уголовно-правовой статистики. По мнению профессора В. В. Лунеева, «общество не знает реального объема преступности, ее полных социальных последствий, действительной эффективности борьбы с преступностью, во что она фактически в целом обходится нашему обществу и т. д.». На вопрос «как Вы полагаете, ухудшилась или нет криминогенная обстановка в стране в связи с кризисом?» более 75 % россиян ответили, что ухудшилась [26, с. 48 – 49]. Большинство отечественных ученых вполне обоснованно полагают о том, что российская статистика о преступности недостоверна и латентна [27], об этом объективно свидетельствует и сформировавшийся на протяжении трех последних десятилетий тренд показателя преступности. Из его анализа прослеживается прирост на 1 млн за каждое десятилетие и сокращение показателя преступности (на 1,8 млн) за последнее (2007 – 2019 гг.) десятилетие, что по мнению большинства специалистов в области криминологии, является необоснованным [5, с. 387 – 400].

Число осужденных, в том числе за преступления небольшой тяжести

Таким образом, отнесение к уголовным проступкам части преступлений небольшой тяжести, перевод из КоАП РФ отдельных правонарушений с одновременным исключением ч. 2 ст. 14 УК РФ позволит адекватно действительному характеру и степени общественной опасности статистически представить преступность как зарегистрированную, так и по судимости на две основные группы – уголовные проступки и иные

преступления. Реализация законодателем данных предложений призвана повысить обеспеченность прав и свобод человека и гражданина, что соответствует положениям Конституции РФ и Всеобщей декларации прав человека. Их решение требует принятия комплексного законодательного акта по внесению изменений в УК, УПК, КоАП Российской Федерации [6, с. 20 – 31].

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинин Ю. И. Лесоповал с человеческим лицом / Ю. И. Калинин // Российская газета. 2002. № 186. 2 октября.
2. Воскобитова Л. А. Судопроизводство по делам об административных правонарушениях и его место в системе реализации судебной власти / Л. А. Воскобитова // Мировой судья. 2017. № 2. С. 28 – 34.
3. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России / Б. Я. Гаврилов, Е. В. Рогова // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 2 – 5.
4. Гордиенко В. В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью / В. В. Гордиенко // Российский следователь. 2011. № 16. С. 3 – 5.
5. Гаврилов Б. Я. Уголовный проступок в структуре уголовного закона: прошлое, настоящее, будущее / Б. Я. Гаврилов // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 387 – 400.
6. Федоров А. В. Соотношение наркопреступлений и административных наркоправонарушений / А. В. Федоров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2. С. 262 – 270.
7. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты : монография / Б. Я. Гаврилов. М. : Проспект, 2008. 208 с.

8. Головкин Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые замыслы и реальная подоплека / Л. В. Головкин // Закон. 2018. № 1. С. 127 – 136.
9. Толкаченко А. А. К обсуждению проекта федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или чем может помочь Постановление Пленума ВС РФ от 31.10.17 № 42 / А. А. Толкаченко // Закон. 2018. № 1. С. 137 – 150.
10. Гаврилов Б. Я., Рогова, Е. В. Мировая юстиция и уголовный проступок: мнение ученого и практика (обоснование проблемы, современное состояние и меры по совершенствованию) / Б. Я. Гаврилов, Е. В. Рогова // Мировой судья. 2016. № 12. С. 20 – 31.
11. Келина С. Г. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. М. Кудрявцев, С. Г. Келина. М. : Наука, 1987. 278 с.
12. Кригер Г. А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства / Г. А. Кригер // Вестник Московского университета. Серия Право. 1979. № 2. С. 3 – 9.
13. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность / Н. Ф. Кузнецова. М. : изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.
14. Шаргородский М. Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества / М. Д. Шаргородский // Межвузовская научная конференция «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма». Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1961. 76 с.
15. Максимов С. В. и др. Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации : монография / под общ. ред. С. В. Максимова. М. : Институт государства и права РАН, 2014. 482 с.
16. Цепелев В. Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект / В. Ф. Цепелев // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы : материалы IV Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова и состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. 27 – 28 мая 2004 г. М., 2005. с. 632.
17. Щедрин Н. С. Основные направления реформирования системы мер уголовного воздействия: опыт законодательного проектирования / Н. С. Щедрин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2. С. 5 – 13.
18. Гаврилов Б. Я. Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества / Б. Я. Гаврилов // Человек: преступление и наказание. 2018. № 2. С. 131 – 136.
19. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса : монография / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – М. : Норма, 2006. 143 с.
20. Парламентские слушания в Совете Федерации 18 ноября 2013 г. URL: <http://legislation.council.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2021).
21. Парламентские слушания в Совете Федерации 5 апреля 2017 г. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2021).
22. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) / Б. Я. Гаврилов, Е. В. Рогова // Публичное и частное право. 2016. № 4 (32). С. 7 – 45.
23. Гальперин И. М. Социальные и иные основы депенализации / И. М. Гальперин // Советское государство и право. 1980. № 33. С. 60 – 69.
24. Старостин С. А. Уголовный проступок: взгляд административиста / С. А. Старостин // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14. № 4. С. 33 – 39.
25. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. 2 изд., пер. и доп. М. : Проспект, 2016. 400 с.
26. Лунеев В. В. Роль мониторинга криминальных реалий в механизме совершенствования уголовного законодательства / В. В. Лунеев // Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации. Общие проблемы : монография / отв. ред. С. В. Максимов. М., 2009. 485 с.
27. Ведерникова О. Н. Криминальная ситуация в России в свете мировых тенденций / О. Н. Ведерникова // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 347 – 354.

В. Н. ГРИГОРЬЕВ, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

V. N. GRIGORYEV, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. YA. Kikotya, Doctor of Law, Professor (Moscow)

ОБ «УСЕЧЕННОЙ» МЕТОДИКЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ УСЛОВИЯХ

ON THE «TRUNNED» METHOD OF INSPECTION OF THE ACCIDENT SITUATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN EMERGENCY CONDITIONS

Аннотация. Осмотр места происшествия по «усеченной» методике представляет собой тактический криминалистический прием организации и производства следственного действия, предназначенный для применения при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях. Суть данного тактического приема состоит в отказе от поиска и описания в протоколе таких деталей обстановки, которые несущественны с точки зрения доказывания состава совершенного преступления. Основания применения данного тактического приема – чрезмерное количество подлежащих одновременному осмотру мест, хроническая нехватка следователей и невозможность отложить работу из-за угрозы утраты доказательств. Перспективы дальнейшего развития – определение содержания и степени возможного усекновения фиксируемых сведений применительно к конкретным ситуациям и составам преступлений с прогнозированием путей воспроизведения и пополнения таких сведений в ходе последующего судопроизводства. В текущей ситуации, когда чрезвычайный характер условий расследования диктуется уже иными обстоятельствами, среди которых пандемия COVID-19, нет видимой причины отказываться от возможности применения на практике тактического приема в виде осмотра места происшествия по «усеченной» методике. С одной стороны, основания для его применения в виде несоизмеримо большого объема работы в соответствующих ситуациях по-прежнему актуальны, с другой – этот прием вполне вписывается в систему общих положений криминалистики о фиксации результатов осмотра места происшествия, отражает следование версиям при осмотре в ситуации максимального ограничения их числа при очевидности события преступления.

Ключевые слова и словосочетания: расследование преступлений, чрезвычайные условия, расследование в чрезвычайных условиях, следственные действия, осмотр места происшествия, тактика осмотра, фиксация доказательств.

Annotation. Inspection of the scene according to the «truncated» method is a tactical forensic method of organizing and conducting an investigative action, intended for use in the investigation of crimes in emergency conditions. The essence of this tactical technique consists in refusing to search for and describe in the protocol such details of the situation that are insignificant from the point of view of proving the corpus delicti. The grounds for using this tactic are an excessive number of places subject to simultaneous inspection, a chronic shortage of investigators and the inability to postpone work due to the threat of loss of evidence. Prospects for further development - determining the content and degree of possible truncation of recorded information in relation to specific situations and corpus delicti with predicting ways of reproducing and replenishing such information in the course of subsequent legal proceedings. In the current situation, when the extraordinary nature of the investigation is dictated by other circumstances, including the COVID-19 Pandemic, there is no apparent reason to abandon the

possibility of using a tactical technique in practice in the form of an inspection of the scene using a «truncated» method. On the one hand, the reasons for its use in the form of a disproportionately large amount of work in relevant situations are still relevant. On the other hand, this technique fits well into the system of general provisions of forensic science on fixing the results of the inspection of the scene of the incident, reflects the adherence to versions when examining in a situation of maximum limitation of their number when the crime event is obvious.

Keywords and phrases: investigation of crimes, emergency conditions, emergency investigation, investigative actions, inspection of the scene, inspection tactics, fixation of evidence.

Суть «усеченной» методики осмотра места происшествия при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях. В существующем в научной литературе виде тактический прием осмотра места происшествия по «усеченной» методике сформировался во время расследования массовых беспорядков при следующих обстоятельствах. Сначала специально выделенные следователи или оперативные работники в местах нахождения беженцев формировали группы потерпевших и под охраной на автотранспорте направляли их к зданию, где располагается следственная группа. По мере прибытия потерпевших руководитель следственной группы делил их на несколько подгрупп – по числу следователей, готовых проводить осмотр. В каждую группу включаются лица, близко живущие друг от друга. После того как группы потерпевших сформированы, каждая из них прикрепляется к конкретному следователю. Далее каждый следователь выясняет у потерпевших адреса, характер происшествий, определяет наиболее рациональную последовательность осмотров и выезжает на место.

На каждое место происшествия должна выезжать группа, имеющая в своем распоряжении транспорт (автобус) и состоящая из следователя, оперативного работника, специалиста, двух понятых, военнослужащих для охраны. Однако в условиях чрезвычайного положения даже такой минимальный состав не всегда удается обеспечить. Оперативные работники обычно перегружены подготовкой и проведением мероприятий по своей линии и при всем желании не всегда могут выехать на место происшествия. Не хватает

экспертов (специалистов), транспорта. Это существенно увеличивает и без того немалую здесь нагрузку на следователей.

Во время расследования массовых беспорядков в Степанакерте осенью 1988 года, например, ежедневно осмотры мест происшествий – погромов и поджогов проводили 5 следователей, за 7 дней они осмотрели 137 мест. В среднем на следователя приходилось по 4 осмотра мест происшествий в день [1, с. 71]. Если учесть, что следователь проводил осмотры практически один и что это весьма трудоемкие осмотры, то нагрузка на следователей представится еще большей. Однажды возникла необходимость осмотреть в течение дня 50 мест происшествий силами 9 следователей. Эту работу предстояло выполнить в течение одного дня, так как потерпевших, специально доставленных из разных мест в организованном порядке для участия в осмотрах, на следующий день не удалось бы вновь собрать, к тому же на следующий день ожидалась примерно такая же по количеству очередная партия потерпевших [2, с. 166 – 167]. В подобной ситуации возникала дилемма: либо работа будет выполнена с определенными отступлениями от установленных правил и тактических рекомендаций без критического ущерба для полноты фиксации доказательств, либо она вовсе не будет выполнена. Выбор был сделан в пользу первого варианта. Чтобы решить проблему быстроты и качества осмотра мест происшествий, на практике применялись различные тактические приемы. Один из них заключается в проведении осмотра по «усеченной» методике. Суть ее состоит в отказе от поиска и описания в протоколе таких деталей места

происшествия, которые несущественны с точки зрения доказывания состава совершенного преступления.

Это было достигнуто, в частности, за счет отказа от описания в протоколе таких деталей обстановки разгромленной или сожженной квартиры, которые несущественны с точки зрения доказывания состава массовых беспорядков. С учетом такой установки опускались сведения о количестве окон в квартире, о том, из какого материала изготовлена входная дверь и в какую сторону она открывается, не предпринималась привязка поломанных предметов обстановки, не указывались расстояния между ними.

В протоколе описывалось лишь расположение разгромленной квартиры, давалась общая характеристика обстановки и отражалась необходимая информация об обнаруженных и изъятых доказательствах, поиску которых с участием потерпевших уделялось самое тщательное внимание. Прочие детали обстановки фиксировались путем фотосъемки, которая восполняла информацию, не нашедшую отражения в протоколе.

При таком порядке значительно экономилось время проведения осмотра без критического ущерба его качеству. При этом достигалась наглядность в отображении погрома или поджога, сохранялась возможность восстановления деталей обстановки по имеющимся снимкам, обеспечивалась допустимость изъятых с места происшествия объектов в качестве доказательств по уголовному делу. Последующая работа по уголовным делам подтвердила допустимость такой тактики проведения осмотра места происшествия, так как вся требовавшаяся информация (которую реально можно было получить во время осмотра) оказывалась отраженной в материалах уголовного дела [3, с. 29 – 32].

Становление научного описания тактического приема осмотра места происшествия по «усеченной» методи-

ке при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях. Было это осенью 1988 года, в городе Степанакерте, областном центре Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР, в здании городской прокуратуры, где располагалась одна из подгрупп следственной группы Прокуратуры Союза ССР по расследованию массовых беспорядков, произошедших в этой области в начале сентября. Когда работа следственной группы была уже организована и налажена и появилось профессиональное понимание ситуации, видение особенностей и перспектив расследования, как-то поздно вечером в кабинете ее руководителя состоялся разговор. Участвовали двое – руководитель следственной группы подполковник юстиции Юрий Данилович Рогов, прикомандированный из Главного следственного управления ГУВД Московской области, где служил в должности заместителя начальника отдела, и автор этих строк, командир взвода курсантов Ташкентской высшей школы МВД СССР, приданного для обеспечения работы указанной следственной группы, командированный в составе сводного батальона ТВШ МВД СССР, – доцент кафедры уголовного права и процесса, капитан милиции.

Разговор начал Юрий Данилович, человек сколь профессиональный, столь же и творческий¹: «А не написать ли нам статью про все это?» Нам обоим без детализации было понятно, про что «ЭТО» – про организацию работы, бытовые и тыловые сложности, необычные препоны, необходимость приспособивать привычные приемы методики и тактики расследования к особым условиям их применения. Разговор оказался немногословным. Юрий Данилович высказал идею и увидел, что она пала на благодатную почву. У меня же была потребность по столь серьезному вопросу сформулировать обоснованный ответ, чтобы он оказался окончательным и не требовал суетливых комментариев. Поэ-

¹ Достаточно точная характеристика его личности представлена в очерке Ю.В. Феофанова [36, с. 61 – 71].

тому сиюминутно я ответил ему что-то в стиле «Угу, да уж!», давая тем самым себе время для осмысления. Проницательный Юрий Данилович увидел, что ему удалось завести мой интеллектуальный механизм на решение поставленной задачи, и надо просто подождать результата.

Здесь я должен оговориться, что в моей «подкорке» уже сидела неудовлетворенная потребность разобраться с организацией и методикой следственной работы в чрезвычайных условиях. Возникла такая потребность в связи с трагедией, произошедшей на моей, как принято говорить, малой родине – в Ульяновской области, которая до сих пор не получила достаточного научного освещения. Речь идет о расследовании катастрофы теплохода «Александр Суворов», который 5 июня 1983 года в 22 часа 45 минут врезался в несудоходный пролёт моста через Волгу под Ульяновском. В результате погибло много людей – по разным оценкам от 176 до 600 человек.

На основе доходивших, как и до всех, по средствам массовой информации весьма скудных сведений о случившейся под Ульяновском трагедии, я задался самыми очевидными в моей ситуации вопросами, на которые почему-то мало кто обратил внимание: а как все это расследовать, учитывая колоссальные масштабы трагедии и динамичность складывающейся ситуации, тотальную неподготовленность к подобного рода деятельности и конкретное горе конкретных людей, оказавшихся в беспомощном положении. Где взять специалистов, как организовать их работу, какие ресурсы задействовать?

В то время-то и не нашлось ответа на эти вопросы. В те годы было просто нереально получить доступ к материалам расследования обстоятельств крушения теплохода на Волге. Но я крепко запомнил, что расследование было, и что работа эта была успешной [4, с. 72 – 77].

Время прошло, прошли те события, профессиональная жизнь занесла меня

в Ташкент, где было поручено преподавать в Ташкентской высшей школе МВД СССР на кафедре уголовного права и процесса. Но неудовлетворенность от отсутствия ответов на возникшие вопросы засела в «подкорку» сознания и ждала своего часа. Естественно, в те дни 1988 года в Степанакерте, как и много позже, я не вспоминал об ульяновской трагедии и меньше всего думал об упомянутой неудовлетворенной потребности. Надо было «крутиться», безотлагательно решать конкретные проблемы профессиональной деятельности и жизнеобеспечения в конкретной непростой ситуации.

Ровно через сутки упомянутый разговор был продолжен, будто и не прерывался.

– Юрий Данилович, со статьей не получится, в размышлениях произнес я.

– Что так? – спросил несколько обескураженный оказавшимся для него полной неожиданностью неположительным ответом Ю. Д. Рогов.

– В статью мы не уместимся... Книгу писать надо, продолжил я.

– А что нам в этом мешает? – Еще не вполне переключившись на оказываемся совершенно положительный мой ответ, спросил Юрий Данилович. – Давайте книгу напишем.

Так невзначай мы взвалили на себя колоссальную интеллектуальную ношу, которая растянулась на всю жизнь, принеся немало как радостей, так и утрат.

Тем временем в результате в нашей повседневной работе появился новый, высокий смысл, которые придавал дополнительные силы. Юрий Данилович, имевший к тому немалый писательский послужной список в публицистике и профессиональной лирике, в научном творчестве оказался новичком. Он к моему изумлению с радостью ребенка хватался за всякие профессиональные находки, с большим или меньшим успехом пытался словесно оформить особенности нашей работы, формулируя различные категории и определения. Так и появилась категория «усеченной» методики при-

менительно к осмотру места массовых беспорядков в условиях особого положения¹. Прекрасно понимая, о чем идет речь, я с некоторой настороженностью воспринял эту категорию: в самом ее названии усматривался некоторый потенциал для критики. И я вскоре услышал неодобрительное ворчание в этом плане от коллег Ю. Д. Рогова, однако по существу каких-то серьезных возражений не прозвучало. В силу этого категория «усеченной» методики стала использоваться нами, вскоре закрепились в учебной и научной литературе с пониманием ее конкретного содержания применительно к всякий раз оговариваемой определенной ситуации.

Впервые тезис об «усеченной» методике был сформулирован в Методическом пособии о первоначальных действиях следственной группы в условиях особого положения, изданном Следственным управлением УВД Ташгорисполкома под редакцией заместителя начальника УВД в 1989 году [1, с. 72 – 73].

В последующих изданиях приведенная формулировка «усеченной» методики несколько корректировалась без изменения ее сути. В некоторых она по мере накопления дополнительного материала детализировалась [5, с. 106 – 109; 2, с. 166 – 169], в других в связи с ограниченностью объема издания – сокращалась [6, с. 44] либо вовсе исключалась [7, с. 17 – 18], в диссертации и изданной на ее основе монографии к элементу этой методики в виде фиксации путем фотосъемки была добавлена еще видеозапись [8, с. 341; 9, с. 144]. Рассматриваемая тактическая рекомендация в первоначальной своей формулировке (1989 г.) никак специально не называлась. С 1991 г. она фигурирует в текстах под названием «Тактический прием проведения осмотра места происшествия в особых

(чрезвычайных) условиях по «усеченной» методике» или «Тактический прием проведения осмотра места происшествия в особых (чрезвычайных) условиях по усеченному варианту».

Критические замечания оппонентов «усеченной» методики осмотра места происшествия с ответами на них. Рекомендация об осмотре места происшествия при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях по «усеченной» методике не осталась незамеченной в юридической литературе. Некоторые исследователи прямо высказались в ее поддержку [10, с. 330; 11, с. 170; 12, с. 83]. Отдельные положения об осмотре места происшествия при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях по «усеченной» методике, представленные недавно на ряде конференций в современных условиях [13 – 15], также не вызвали возражений.

Однако были опубликованы и критические оценки. Так, профессор из Военного университета Министерства обороны Российской Федерации С. В. Маликов, воспроизведя краткую формулировку сути осмотра по «усеченной» методике из докторской диссертации² (сославшись при этом почему-то на статью, в которой об этой методике как раз ничего не говорится [16, с. 52 – 60]), отвергает ее путем приведения цитаты из статьи известного профессора М. С. Строговича:

«Однако более правильна точка зрения М. С. Строговича: «...ни в каком случае нельзя признать допустимым сокращение, сжатие протоколов допросов и осмотров. Наоборот, они должны в боевой обстановке составляться еще более полно и подробно, чем в мирных условиях, исходя из соображения, что допущенную неполноту допроса или осмотра восполнить не удастся, а свидетеля, может быть, не придется допросить в суде» [17,

1 В Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в тот период было введено именно «особое положение» [37], впоследствии его сменил правовой режим чрезвычайного положения.

2 «...Суть которой состоит в отказе от поиска и описания в протоколе таких деталей места происшествия, которые несущественны с точки зрения доказывания состава совершенного преступления» [8, с. 340].

с. 20 – 21; 18, с. 342]. Первое, на что следует обратить внимание в представленной критике, – это предмет высказывания М. С. Строговича: идет ли в приведенной цитате речь об уголовно-процессуальной норме или о тактической криминалистической рекомендации. С. В. Маликов однозначно связывает высказывание М. С. Строговича с последней – с тактическим приемом, отдавая предпочтение позиции М. С. Строговича о недопустимости такого тактического приема в боевой обстановке¹. В таком случае возникает вопрос, на каком основании тактическая криминалистическая рекомендация М. С. Строговича предпочтительнее? Профессор С. В. Маликов, сопоставляя две приведенные им позиции, не приводит анализа их содержания и аргументов своего предпочтения. Спор по сути сводится к аргументации «слово против слова». В такой ситуации, отдавая предпочтение позиции какого-то из авторов, надо также иметь для этого какие-то основания. Для нас, например, основания для предпочтения позиции М. С. Строговича не очевидны, особенно с учетом конкретной обстановки, в которой она была сформулирована.

Это сегодня профессор М. С. Строгович позиционируется как опередивший время [19; 20, с. 118], известный ученый и во многом непререкаемый авторитет в науке уголовного процесса. Однако в рассматриваемой ситуации – это призванный в июле 1941 г. на военную службу как военный юрист I ранга запаса и направленный для прохождения службы в Военно-юридическую академию, которая с ноября 1941 по сентябрь 1943 гг., как раз в период написания процитированной статьи о гарантиях установления материальной истины по уголовным делам в боевой обстановке, находилась в эвакуации в Ашхабаде [21]. Можно предположить, что из глубокого туркменского тыла многие вещи виднее, однако вряд ли это относится к тому, как проводить

осмотр места происшествия в боевой обстановке. В основе же формулирования другой позиции – о том, как проводить осмотр места массовых беспорядков по «усеченной» методике – непосредственное участие в течении трех лет в работе ряда следственных групп, расследовавших преступления в чрезвычайных условиях, выявление, формулирование и проверка («апробация») многих рекомендаций и тактических приемов буквально в полевых условиях. Конкретно тактический прием производства осмотра места происшествия по «усеченной» методике был сформулирован, как уже отмечено выше, совместно с руководителем следственной группы в период несения службы в составе взвода особого назначения сводного батальона ТВШ МВД СССР, прикомандированного к следственной группе Прокуратуры Союза ССР по Нагорно-Карабахской автономной области АзССР в 1989 году, по результатам работы вместе с подчиненными курсантами по оказанию содействия и помощи следователям в проведении осмотров мест погромов и поджогов [1].

Однако ошибочность позиции профессора С. В. Маликова заключается, на наш взгляд, не в том, что он без достаточных оснований отдал предпочтение рекомендации М. С. Строговича, а в том, что он ошибся с определением ее предмета: М. С. Строгович в своей статье не формулировал криминалистические тактические рекомендации, он писал о применении процессуальных законов в боевой обстановке. В основе такого нашего утверждения – и традиционная уголовно-процессуальная специализация М. С. Строговича, и очевидное отсутствие в его рассуждениях криминалистического материала о тактике производства следственных действий в боевой обстановке, и, наконец, свидетельства исследователей истории военной юстиции.

В фундаментальном исследовании

1 Боевая обстановка является разновидностью чрезвычайных условий, классификация которых лежит в основе структуры теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях [38, с. 330 – 334; 39, с. 57 – 63].

военной юстиции в России, опубликованном под редакцией В. В. Ершова и В. В. Хомчика, однозначно говорится о том, что в описываемый период (1941 – 1943 гг.) в военно-юридической среде активно обсуждалась практика закрепления нормативными актами военного времени требования о сокращении установленных уголовно-процессуальными кодексами сроков расследования и рассмотрения уголовных дел с целью максимального приближения уголовного воздействия к моменту совершения преступления. Отмечалось существенное осложнение работы военного трибунала по организации и проведению судебного разбирательства, по установлению истины по уголовному делу в боевой обстановке. И вместе с тем со ссылкой на цитируемую статью М. С. Строговича подчеркивалось, что не следует и преувеличивать значение особенностей, обусловленных исключительными обстоятельствами военного времени, которые не могут оказать решающего влияния, и «задача состоит, прежде всего, в том, чтобы с учетом изменений законодательства, обусловленных обстоятельствами военного времени, не нарушая, а правильно применяя процессуальные законы в боевой обстановке, обеспечивать во всех случаях правильное и справедливое решение уголовных дел» [22, с. 78]. Сказанное однозначно свидетельствует о нормативно-правовом, а не о тактико-криминалистическом характере утверждения в цитате из статьи М. С. Строговича.

Уважаемый профессор С. В. Маликов, не формулируя собственных критических замечаний в адрес «усеченной» методики осмотра, ограничивает свою аргументацию лишь приведением слов М. С. Строговича. Поэтому обратимся к этим представленным выше словам. В цитате указывается на недопустимость двух следующих приемов при производстве осмотра в боевой обстановке: сокращение протоколов осмотров и сжатие

протоколов осмотров. Из контекста [17] можно понять, что речь идет по сути об одном и том же – чтобы протоколы были информативны, чтобы при описании обстановки на месте происшествия следователи не пренебрегали ее деталями и не «ужимали» тем самым объема текста протокола. Если такое понимание цитаты сопоставить с другой приведенной профессором цитатой – формулировки «усеченной» методики [8, с. 340], то без труда можно увидеть, что в последней отсутствуют рекомендации к сокращению протоколов осмотров, в ней рекомендуется другое – отказываться от поиска и описания в протоколе таких деталей места происшествия, которые несущественны с точки зрения доказывания состава совершенного преступления, что не одно и то же. Юристам хорошо известно, что для одних составов преступлений важны одни свойства и признаки обстановки и предметов, обнаруженных на месте происшествия, для других – другие и т. д. Отказ от поиска и описания в протоколе именно таких деталей места происшествия, которые несущественны с точки зрения доказывания состава совершенного преступления, имелся в виду, что подтверждается последующим изложением конкретизирующих этот тезис примеров: на детализации каких свойств и предметов не обязательно концентрироваться при расследовании массовых беспорядков, сопровождавшихся погромами и поджогами, а какие подлежат тщательному осмотру с применением технических средств [8, с. 340 – 344; 2, с. 167 – 169]. При этом специально подчеркивается, что «различные тактические приемы организации и проведения осмотра не имеют ничего общего с тем примитивизмом, случаи которого иногда встречаются на практике» [8, с. 343], с приведением системы рекомендаций, как целесообразно действовать и как нельзя, и конкретных примеров из практики расследования массовых беспорядков в разных регионах страны.

И еще одно обстоятельство, свидетельствующее о необоснованности навешенной на «усеченную методику» критики. М. С. Строгович объясняет заботу о необходимости полноты и подробности протоколов осмотров в боевой обстановке тем, что допущенную неполноту осмотра восполнить не удастся. Оставленная без комментариев, эта часть цитаты, приведенной в противовес «усеченной» методике осмотра, вполне может быть воспринята как еще одно доказательство ее неприемлемости. Между тем, в авторской характеристике «усеченной» методики без труда обнаруживается положение, снимающее указанную проблему: «...Последующая работа по уголовным делам подтвердила допустимость такой тактики проведения осмотра места происшествия, так как вся требовавшаяся информация (которую реально можно было получить во время осмотра) оказалась отраженной в материалах дела» [1, с. 72 – 73].

Так было написано тогда, когда дела о массовых беспорядках направлялись в суды. Допустимо сказать, конечно, что написать можно всякое, бумага все стерпит. Однако те, кто реально работал в чрезвычайных условиях, подтвердят, как быстро там обнажается истинная суть вещей. Потом, имея возможность изучать эти дела в архивах судов с уже вынесенными приговорами, я еще раз смог убедиться в правоте написанного. Получается, с одной стороны – глубоко эшелонированная, прошедшая проверку практикой и временем рекомендация, с другой – ничего кроме голой цитаты из ашхабадского тылового издания. Я не обнаружил в трудах своих оппонентов сведений об апробации результатов исследования, их внедрении в практику военных следственных подразделений и военных судов. Не сопровождается такими сведениями и цитата из М. С. Строговича. Так складывается, что истина в

данном случае не на стороне оппонентов «усеченной» методики осмотра места происшествия.

Отвергнув «усеченную» методику путем приведения цитаты из статьи М. С. Строговича, профессор С. В. Маликов тут же вслед формулирует «свою» тактическую рекомендацию:

«Для того чтобы быстро и в то же время качественно осмотреть место происшествия в боевой обстановке, необходимо все детали обстановки в обязательном порядке фиксировать путем фотосъемки и видеозаписи, которые восполняют информацию, не нашедшую отражения в протоколе осмотра, и значительно сокращают время проведения следственного действия» [18, с. 342].

Весьма деловая и правильная рекомендация. Мне лично она тоже нравится, в том числе и потому, что буквально в этом виде была сформулирована еще в 1987 году в качестве одного из элементов тактического приема осмотра места происшествия в условиях чрезвычайного положения по «усеченной» методике [1, с. 72], за много лет до подготовки уважаемым профессором его кандидатской диссертации (1998) [23], докторской диссертации, посвященной правовым и организационным проблемам расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта (2004)¹, а также указанного источника 2008 года, и с тех пор фигурирует в качестве такового во многих изданиях:

«Прочие детали обстановки фиксируются путем фотосъемки и видеозаписи, которые восполняют информацию, не нашедшую отражения в протоколе. При такой методике значительно экономится время проведения осмотра без ущерба его качеству» [5, с. 106; 9, с. 144].

С учетом представленного анализа остается вопрос, что же делать с цитатой из статьи М. С. Строговича? На наш

1 В связи с ограниченным доступом к тексту диссертации основное представление о ее содержании можно получить по открытому изданию «Маликов С. В. Военно-полевая криминалистика» [18].

взгляд, если убрать из текста эту удачно подвернувшуюся под руку, но весьма не к месту приведенную цитату, сразу все встает на свои места, в том числе исчезает основа для предположения о заимствовании без ссылки.

Помимо авторитетного ученого, активно критикует «усеченную» методику и творческая молодежь из Военного университета. Так, адъюнкт К. З. Шагапсоев в кандидатской диссертации, посвященной производству следственных действий по проверке доказательственной информации в районах вооруженного конфликта (М., 2017)¹, и адъюнкт А. А. Агешин в кандидатской диссертации о расследовании добровольной сдачи в плен военнослужащих (М., 2019) воспроизвели критическое высказывание из диссертации С. В. Маликова с использованием той же цитаты М. С. Строговича (по всей очевидности даже не обращаясь к первоисточнику объекта критики, о чем свидетельствует тот факт, что ни один, ни другой даже не заметили отмеченную выше допущенную путаницу с источниками). В этой части их позиция оригинальностью не отличается и отдельного анализа не требует.

Вместе с тем в упомянутых кандидатских диссертациях имеется и дополнительная аргументация, направленная на дискредитацию применения рекомендации о производстве осмотра места происшествия в чрезвычайных условиях по «усеченной» методике. Их авторы, в частности, произвольно расширили предмет критики: К. З. Шагапсоев в своих рассуждениях необоснованно распространил «усеченную» методику осмотра на все следственные действия [24, с. 171], А. А. Агешин включил в сферу ее применения допрос. Между тем в авторском варианте об «усеченной» методике говорится применительно только к осмотру места происшествия. А. А. Агешин, отвергая якобы предложенный мной такой тактический прием,

как допрос «по усеченной методике», видимо приписывает мне рекомендацию производить допросы «бегло, фрагментарно, касаясь лишь ограниченного круга вопросов, получение ответов на которые играет ключевую роль в разрешении ситуации». Здесь уважаемый явно перепутал меня с кем-то. В моей работе утверждается ровно противоположное: «Особое внимание следует уделить детализации полученных показаний. С помощью этого приема выявляются и фиксируются такие обстоятельства, сведения о которых не позволяют потерпевшим в последующем безосновательно отказываться от своих слов» [8, с. 349].

Современная оценка и перспективы развития тактического приема осмотра места происшествия в чрезвычайных условиях по «усеченной» методике. Оценивая тактический прием осмотра места происшествия в чрезвычайных условиях по «усеченной» методике с точки зрения сегодняшнего дня, когда чрезвычайный характер условий диктуется уже иными обстоятельствами, среди которых пандемия COVID-19, я не вижу причины отказываться от него. С одной стороны, основания для его применения в виде несоизмеримо большого объема работы в соответствующих ситуациях по-прежнему актуальны. В научной литературе убедительно доказана тесная связь между следственной ситуацией как аналитическим тактико-криминалистическим средством и выбором тактических приемов, представляющих собой элемент операциональных тактико-криминалистических средств [25, с. 80 – 82].

С другой стороны, этот прием вполне вписывается в систему общих положений криминалистики о фиксации результатов осмотра места происшествия, отражает следование версиям при осмотре в ситуации максимального ограничения их числа при очевидности события преступления. Прав профессор Р. Л. Ахмедшин, утверждающий, что «равномерное

1 Фрагмент этой диссертации опубликован в открытом издании [2, с. 170 – 173].

распределение поисковых усилий в условиях разнонасыщенной местности нецелесообразно» [26, с. 82].

Рекомендации, вытекающие из «усеченной» методики осмотра места происшествия, находятся, в частности, в одном створе с высказанными в литературе суждениями о том, что осмотр места происшествия проводится в соответствии с выдвинутыми версиями и что в протоколе осмотра места происшествия описывается целенаправленно на основе выдвинутых версий только то, что существенно с точки зрения доказывания состава совершенного преступления:

1. «Объектами “мозгового штурма” [при анализе исходной информации в процессе подготовки к проведению осмотра места происшествия] являются два момента, решаемые именно в заявленной последовательности. Первый момент – что произошло на осматриваемой территории, второй – как оптимально производить осмотр <...> На первом этапе “мозгового штурма” генерируются идеи, которые оптимизируют процесс поиска и направлены на уяснение исходной информации и моделирование преступного события... На втором этапе происходит анализ выдвинутых версий» [27, с. 6].

2. «Перед следователем, осуществляющим осмотр, стоит задача: из всей совокупности следов и объектов обстановки выделить и точно отобразить в протоколе те, которые будут востребованы в процессе расследования и рассмотрения дела в суде. Он ищет и фиксирует их целенаправленно, базируясь на версиях о произошедшем событии» [28, с. 35].

3. «Протокол должен быть целеустремленным: в нем должно быть только то, что непосредственно относится к осмотру» [29, с. 563].

4. «Хотя криминалисты часто называют протокол словесной фотографией места происшествия, это не значит, что в нем описывается все, что оказалось на месте происшествия» [30, с. 322].

5. «Протокол осмотра нельзя превра-

щать в инвентаризационную ведомость» [31, с. 122].

Использованное в названии тактического приема слово «методика» имеет в криминалистике несколько иное употребление, чаще всего речь идет о методике расследования отдельных видов преступлений. Можно, конечно, говорить не об усеченной методике, а об усеченном варианте осмотра. Однако категория «методика» в смысле совокупности приемов практического выполнения чего-либо [32] более точно отражает существо предмета обсуждения.

Категория «усеченный» употребляется в значении «укороченный путем усечения, отсечения» [33]. На быденном уровне в таком определении может усматриваться негативный подтекст неполноценности, недостаточной полноты. Именно такое восприятие данной категории усматривается в упомянутой диссертации А. А. Агешина. Противопоставить такому пониманию можно только профессиональный подход, предполагающий извлечение необходимых характеристик из научного описания методики в первоисточнике и исключающий произвольные придумки. В качестве возможной альтернативы можно заменить название «усеченной методики» на производство осмотра «по избирательному варианту». Однако на мой взгляд с лексической точки зрения это будет беднее, а для практики «усеченная методика осмотра» – более прикладной вариант словообразования.

Усеченная методика осмотра не равнозначна сокращенной, как можно подумать без конкретного ознакомления с описанием деталей применения такого тактического приема. И уж тем более она не имеет ничего общего с установленными в УПК РФ особыми порядками производства в сокращенной форме (гл. 40, 40-1, 32-1, 51-1 УПК РФ). Это своеобразные антиподы: первая нацелена на то, чтобы как можно полнее выяснить и зафиксировать обстоятельства в условиях

ограниченного времени и сил и точнее разобраться с происшедшим; другие – чтобы завершить производство по уголовному делу и вынести приговор, ничего по возможности не выясняя и ни в чем не разбираясь [34, с. 4, 7 – 8].

По содержанию усеченная методика на поверку порой оказывается по своим рекомендациям гораздо более детальной, чем полная. Дело тут не столько в конкретной методике, сколько в том, кто ее представляет и как применяет. В этом автор настоящей статьи убедился в результате непосредственного сравнения текстов с рекомендациями из «усеченной» методики и из «полной» методики проведения осмотра в диссертации одного из оппонентов «усеченной» методики адъюнкта А. А. Агешина. Один из приемов «усеченной» методики звучит так: «...Прочие детали обстановки фиксировались путем фотосъемки, которая восполняла информацию, не нашедшую отражения в протоколе. При таком порядке значительно экономилось время проведения осмотра без ущерба его качеству. При этом достигалась наглядность в отображении погрома или поджога, сохранялась возможность восстановления деталей обстановки по имеющимся снимкам, обеспечивалась допустимость изъятых с места происшествия объектов в качестве доказательств по уголовному делу» [1, с. 72]. Рядом с этим высказыванием хочется привести другое, из «неусеченной» методики, предложенной в диссертации А. А. Агешина: «Необходимо также помнить, что постоянно меняющаяся боевая обстановка не позволить проведение дополнительного или повторного следственного действия, в связи с чем в ходе их производства следует применять технические средства фиксации, в том числе БПЛА, оснащенные средствами

объемно-сферической фото- и видеофиксации, 3D-сканером для создания компьютерной виртуальной модели места происшествия, а также активно использовать системы глобального позиционирования и возможности космической съемки, в том числе ресурсов хранения данных дистанционного зондирования Земли». Очевидно, что речь идет об одном и том же, разница же этих двух рекомендаций (одна из которых – из «полной» методики соискателя, другая – из уничижительно представленной им в своей диссертации «усеченной» методики его официального оппонента), – только в датах формулирования (1989 и 2019 гг. – ровно в тридцать лет) и соответствующей этим датам использованной технике, развитие которой безусловно открывает неведомые ранее возможности [35, с. 201 – 212], в связи с чем не вполне корректно, на наш взгляд, критиковать сегодня труды тридцатилетней давности за умалчивание в них о таких возможностях.

Перспективы развития тактического приема осмотра места происшествия в чрезвычайных условиях по «усеченной» методике состоят в том, чтобы определить возможное содержание и степень усекновения отыскиваемых и фиксируемых в ходе осмотра сведений применительно к конкретным ситуациям и составам преступлений с непременным прогнозированием путей воспроизведения и пополнения таких сведений в ходе последующего производства по уголовному делу, как своеобразной компенсации усеченности. На первый план при этом выдвигается учет конфигурации чрезвычайности условий и, естественно, структуры и содержания состава преступлений, вызвавших чрезвычайные условия либо ими обусловленных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев В. Н. Первоначальные действия следственной группы в условиях особого положения : методическое пособие. – Ташкент : Следственное управление УВД Ташгорисполкома, 1989. – 137 с.

2. Григорьев В. Н., Рогов Ю. Д. Феномены перестройки: Чрезвычайное положение : монография. – М. : Вердикт, 1994. – 224 с.
3. Григорьев В. Н. Организация и тактика проведения осмотра места происшествия в чрезвычайных условиях (варианты на примере массовых беспорядков) // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы международной научно-практической конференции. – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2015. С. 27 – 32.
4. Григорьев В. Н. О роли Гейдара Алиева в формировании современной теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Материалы Международной конференции «Современные проблемы правовой науки и образования и пути их разрешения». I часть. – Баку : Институт философии, социологии и права НАНА, 2011. С. 72 – 77.
5. Григорьев В. Н. Организация следственной работы в условиях чрезвычайного положения: Допущено Министерством внутренних дел СССР в качестве учебного пособия для слушателей высших учебных заведений МВД СССР. Ташкент : Ташкентская высшая школа МВД СССР, 1991. 181 с.
6. Григорьев В. Н. Расследование массовых беспорядков в условиях чрезвычайного положения: Лекция. М. : Академия МВД РФ, 1992. 56 с.
7. Григорьев В. Н. Организация и методика расследования преступлений в чрезвычайных условиях: Лекция. М. : Московский институт МВД России, 1994. 24 с.
8. Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика) : дис. ... докт. юрид. наук. М. : Академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1993. 565 с.
9. Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (Правовое обеспечение, организация, методика) : монография. М. : Академия МВД России, 1994. 196 с.
10. Енгибарян В. Г. Общая характеристика следственных действий при расследовании массовых беспорядков // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. № 6. 2007. С. 329 – 333.
11. Енгибарян В. Г. Криминалистическая теория расследования массовых беспорядков (по материалам Республики Армения и Российской Федерации) : монография / под. науч. ред. А. М. Кустова. М. : Юрлитинформ, 2014. 328 с.
12. Петрусеви́ч М. Г. Порядок проведения тактической операции «осмотр места происшествия» при расследовании массовых беспорядков // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2015. № 1 (37). С. 81 – 86.
13. Григорьев В. Н. О перспективах тактического приема осмотра места происшествия при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях по «усеченной» методике // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы VIII Международной научно-практической конференции, 23-24 апреля 2020 года, г. Симферополь-Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко. Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2020. С. 20 – 22.
14. Григорьев В. Н. М. С. Строгович против «усеченной» методики осмотра места происшествия? // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты противодействия современной преступности: сборник научных статей по материалам Регионального круглого стола 24 апреля 2020 года / под ред. А. Д. Аветисяна, Н. В. Бушной, И. Л. Мармута, Л. В. Медведицковой, А. А. Отарова, А. А. Рясова, И. А. Уварова. – Ставрополь : Московский педагогический государственный университет, Ставропольский филиал, 2020. С. 64 – 68.
15. Григорьев В. Н. О критике тактического приёма осмотра места массовых беспорядков по «усечённой» методике // Актуальные проблемы транспортного права и транспортной безопасности в контексте современных вызовов и угроз : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. М. : Российский университет транспорта, 2020. С. 69 – 75.
16. Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях // Известия вузов. Серия «Правоведение». 1992. № 3. С. 52 – 60.
17. Строгович М. С. Гарантии установления материальной истины по уголовным делам в боевой обстановке // Труды Военно-юридической академии Красной Армии. Выпуск 3. 1943 год / ред. А. Г. Рахлин. – Ашхабад : Изд. Акад., 1943. – 142 с. С. 1 – 32.
18. Маликов С. В. Военно-полевая криминалистика. – М. : За права военнослужащих, 2008. – 512 с.

19. Опередивший время. К столетию со дня рождения М. С. Строговича / под ред. Ларина А. М., Савицкого В. М. М. : Серил, 1994. – 256 с.
20. Ветрова Г. Н. «Опередивший время» – Михаил Соломонович Строгович // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 118 – 137.
21. Военно-юридическая академия РККА // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Военно-юридическая_академия_РККА (дата обращения: 25.11.2020).
22. Военная юстиция в России: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика. М. : РГУП, 2017. 564 с.
23. Маликов С. В. Расследование преступлений в боевой обстановке: Правовое обеспечение, организация, методика : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Военный университет, 1998. 209 с.
24. Маликов С. В., Шагапсоев К. З. Особенности организации производства допроса в районах вооруженного конфликта // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 170 – 173.
25. Князьков А. С. Следственная ситуация и выбор тактических приемов // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 80 – 83.
26. Ахмедшин Р. Л. Тактика осмотра «аномальных» участков в ходе осмотра места происшествия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-1. С. 82 – 83.
27. Ахмедшин Р. Л. О тактике анализа исходной информации в процессе подготовки к проведению осмотра места происшествия // Gaudeamus Igitur. 2015. № 2. С. 5 – 7.
28. Бирюков В. В., Бирюкова Т. П. Осмотр места происшествия: организационно-тактические основы оптимизации его производства и фиксации результатов // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5 (101). С. 33 – 40.
29. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник для вузов. / под ред. Р. С. Белкина. М. : НОРМА-ИНФРА. М, 1999. 990 с.
30. Криминалистика : учебник / под ред. И. Ф. Крылова. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. 592 с.
31. Крылов И. Ф. Несколько замечаний по поводу протокола осмотра места происшествия // Криминалистика на службе следствия / под общ. ред. Ф. П. Архипова. Вильнюс : Прокуратура Литов. ССР. М-во охраны обществ. порядка Литов. ССР. Науч.-исслед. ин-т судебной экспертизы. Юрид. комис. при Совете Министров Литов. ССР, 1967. С. 121 – 126.
32. Методика. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/методика> (дата обращения: 25.11.2020 год).
33. Усеченный. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/усечённый> (дата обращения: 25.11.2020).
34. Стенограмма парламентских слушаний на тему «Вопросы совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации: тенденции и перспективы», 24 июня 2014 года. М. : СФ ФС РФ, 2014. 44 с. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d4ecb1640d5bea55f6.pdf> (дата обращения: 25.11.2020).
35. Андреева О. И., Иванов В. В., Нестеров А. Ю., Трубникова Т. В. Технологии распознавания лиц в уголовном судопроизводстве: проблема оснований правового регулирования использования искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 201 – 212.
36. Феофанов Ю. Версии и судьбы // Люди долга и отваги. Книга вторая. – М. : ДОСААФ, 1986. С. 67 – 71. URL: <https://document.wikireading.ru/2125> (дата обращения: 25.11.2020).
37. К сведению граждан // Советский Карабах. № 223 (2053) 1988-09-25.
38. Григорьев В. Н. Структура теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 330 – 334.
39. Григорьев В. Н. К вопросу о структуре теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник трудов участников Международной научно-практической конференции, 25 мая 2017 года. Ростов н/Д : ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2017. С. 57 – 63

© Григорьев В. Н.

УДК 343.13(470)

А. А. ЕМЕЛЬЯНОВА, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва)

A. A. EMEL'YANOVA, adjunct faculty of training of scientific-pedagogical and scientific personnel Moscow University of the Russian Interior Ministry named after V. Y. Kikot (Moscow)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ И НОРМ МОРАЛИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

INTERACTION OF CRIMINAL PROCEDURE AND MORALITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS AGAINST MINORS

Аннотация. В уголовном процессе действия должностных лиц органов, осуществляющих предварительное расследование, в наибольшей степени вторгаются в сферу законных интересов человека и гражданина, в частности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, затрагивают их права и свободы. В данной деятельности немаловажную роль играет нравственная составляющая деятельности должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. В научной литературе можно проследить наметившуюся в настоящее время тенденцию к синонимизации таких понятий, как «мораль» и «нравственность», что следует признать вполне верным. Мораль выступает как набор норм, ценностей, представлений о добре и зле и т. д., сконцентрированный в сознании людей. Нравственность же выступает как воплощение этого самого набора уже в практической деятельности людей, а именно в поступках, совершаемых ими в той или иной жизненной ситуации.

Ключевые слова и словосочетания: несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, мораль и право, этические и нравственные требования, задержание несовершеннолетнего подозреваемого, заключение под стражу, меры принуждения, гарантии, двойное представительство, допрос.

Annotation. In criminal proceedings, the actions of officials of the bodies conducting preliminary investigations most interfere with the legitimate interests of man and citizen, in particular minor suspects and accused persons, and affect their rights and freedoms. In this activity, the moral component of the activities of officials carrying out criminal proceedings plays an important role. In the scientific literature, one can trace the current trend towards the synonymization of such concepts as «morality» and «morality,» but this cannot be considered quite true. Morality acts as a set of norms, values, notions of good and evil, etc., concentrated in the minds of people, morality acts as an embodiment of this very set already in the practical activities of people, namely, in actions committed by them in a particular life situation.

Keywords and phrases: minor suspect, accused, morality and law, ethical and moral requirements, detention of a minor suspect, detention, coercive measures, guarantees, dual representation, interrogation.

Нельзя не согласиться с мнением А. И. Клименко, который считает, что мораль, а также право формируют

нравственную сферу жизни общества [1, с. 21]. В самой природе морали и права уже заложены условия их взаимоко-

ординации. Данной позиции придерживаются К. С. Жуков и А. Д. Карнышев: «В истинно правовом государстве с укоренившимися нравственными традициями нормы права и нормы морали органически взаимодействуют друг с другом» [2, с. 113].

Лишь нравственная наполняемость правовой системы в целом, а также отдельных нормативных правовых актов позволяет им становиться оптимальными в конкретных социально-исторических условиях. «Ситуация, при которой право лишь декларируется и не обеспечивается реально, безнравственна» [3, с. 44]. В свою очередь, и общественная нравственность перестает болезненно-критически восприниматься в социальной действительности, если она адекватно подкреплена в правовой практике, обслуживающей сферы социальной жизни [4, с. 35 – 36].

Общественная мораль и право в социальной практике взаимоопределены, то есть правоотношениям и правовой деятельности сопутствуют моральные оценки и ценностные корректировки, а нравственные отношения и нравственная деятельность непременно имеют правовую форму.

Как справедливо отмечают М. А. Бучаков и О. А. Дизер, нравственные устои человека как проявления его духовной, то есть внутренней жизни, одновременно могут поддаваться внешнему воздействию органов публичной власти, а именно государственному регулированию [5, с. 456].

Такое правовое воздействие мы можем наблюдать на конституционном уровне, где нравственные ценности напрямую находят свое отражение. Так, в ст. 2 Конституции РФ высшей ценностью признаются человек, его права и свободы, а одним из оснований ограничения прав и свобод личности является защита нравственности (ст. 55).

Там, где правоотношения носят формализованный характер, не подкреплены

традициями и стихийным укладом жизни, – там принудительность права будет восприниматься болезненно.

Повышение авторитета процессуально-правовых предписаний, нами видится, в наполняемости их глубоким нравственным содержанием, что последовательно влечет усиление регулирующего воздействия. Однако в этой связи необходимо отметить позицию А. В. Победкина, который подчеркивает, что наполняемость моральными ценностями нормативной базы зависит от самого нравственного общества [6, с. 103].

Немаловажным будет сделать акцент на том, что уголовно-процессуальные нормы неотделимы от моральных предписаний и правил, а точнее сказать, основываются на них, к тому же уголовно-процессуальная деятельность, как справедливо отмечает А. В. Агутин, как и любая деятельность в культурной системе зависима от духовно-нравственных абсолютов [7, с. 18]. Вместе с тем Л. Д. Кокорев утверждал, что нравственные начала пронизывают все уголовно-процессуальные отношения [8, с. 118, 124, 136].

Так, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) четко закреплён запрет на осуществление каких-либо процессуальных действий, принятие каких-либо процессуальных решений, которые прямо могут привести к унижению чести, достоинства личности, как участника уголовно-процессуальных отношений; или лицо, заключенное под стражу, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью и т. д. Все это четко определено на уровне основополагающих начал (принципов), характеризующих уголовное судопроизводство в целом (ст. ст. 9 – 13).

В данных принципах наравне с правовыми содержатся также и этические, и нравственные требования, которые обязательны для соблюдения на всех этапах уголовного судопроизводства [9,

с. 48]. Отметим, что принципы выступают неотъемлемым атрибутом процессуальной формы, задают тон производству по конкретному уголовному делу, являются ориентиром для совершенствования законодательства.

Мораль и право, имея различающиеся между собой нравственные и правовые критерии, в то же время содержат единые ориентиры в поведении людей: мораль не может одобрять образцы противоправного поведения, а право не поддерживает аморальных поступков. Что еще раз подчеркивает их природную взаимосоординацию.

Сквозь призму критериев добра и зла, сформированных в нашем нравственном сознании под влиянием социальной действительности и воспитания, можно оценивать и требования, предъявляемые к поведению людей, выраженные в любых социальных нормах, в частности, правовых [3, с. 43].

Исторически сложилось, что большинство правовых предписаний возникли на основе соответствующих моральных представлений и правил, выступая качественным регулятором особенно процессуальных отношений между участниками в рамках уголовно-процессуальной деятельности.

Так, например, ввиду особенностей психофизического развития, продолжительность допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых составляет не более 2 часов без перерыва, а в общей сложности не более 4 часов в день (ч. 1 ст. 425 УПК РФ). А также обязательно участие педагога или психолога при допросе не достигшего 16-летнего возраста подозреваемого, обвиняемого, либо достигшего, но страдающего при этом психическим расстройством или отстающего в психическом развитии (ч. 3 ст. 425 УПК РФ).

Нравственный выбор для дознавателя, следователя, прокурора, судьи определяет линию поведения, манеру общения, возможность принятия кон-

кретного процессуального решения в отношении такой особой категории участников уголовного судопроизводства, как несовершеннолетние подозреваемые, обвиняемые.

Нужно учитывать, что подобные действия указанных должностных лиц осуществляются при относительной их свободе: зависит это от личности самого несовершеннолетнего, характеристики той среды, в которой развивается подросток (круг общения – родители, сверстники; образовательные организации), обстоятельств уголовного дела, степени общественной опасности совершенного им преступления и другие факторы. Ведь именно личностный подход законодателя был использован при дифференциации уголовно-процессуальной формы производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, что также определил в качестве одного из его уголовно-процессуальных статусов – индивидуальный.

Моральный, нравственный выбор, проявляемый по отношению к несовершеннолетним, будет зависеть, что немаловажно, именно от качеств личности самого следователя (дознавателя) (например, патриотичность, самоотверженность), его жизненного и профессионального опыта.

Отметим, что нравственные требования предъявляются к государственным служащим на основе положений Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. В качестве примера можно привести следующее требование: высшую нравственную цель служебной деятельности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации составляет защита жизни, здоровья, прав, свобод, чести, личного достоинства и законных интересов граждан [10].

Так, следователь (дознаватель) при осуществлении уголовного преследования в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых призван ис-

ходить из признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, что фактически соответствует принципу уголовного судопроизводства, закрепленному в ст. 11 УПК РФ; соблюдать установленные УПК РФ ограничения и запреты (ограничение в применении к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу).

Неслучайно также Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 1 от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» установил, что рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних должно осуществляться наиболее опытными судьями, а их профессиональную квалификацию следует постоянно совершенствовать. Все это будет повышать личную ответственность судей за выполнение законности, обоснованности, справедливости, а также мотивированности при вынесении судебных решений.

Мораль выступает в качестве дополнительной гарантии (гарантирующая роль, иначе, функция моральной гарантии, дополняющей правовые гарантии) точного, четкого и неукоснительного выполнения нормативных предписаний уголовно-процессуального законодательства [11, с. 58].

Однако нельзя считать высоко моральным и нравственным с точки зрения обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, отсутствие законодательно закрепленного дифференцированного подхода в вопросах избрания и применения в отношении таких несовершеннолетних мер уголовно-процессуального принуждения.

В этой связи нужно отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве обнаруживается отражение еще одного понятия, заимствованного из обла-

сти морали, а именно – справедливость. Она имеет место в случае принятия частного процессуального решения.

Так, например, нет четко установленного процессуального порядка задержания несовершеннолетнего подозреваемого. Оно проводится в соответствии со ст. ст. 91, 92 УПК РФ, то есть по правилам, регулирующим порядок производства задержания в отношении любого лица, без особенностей, применительно к указанному контингенту. Но ведь нужно учитывать, что задержание (как принудительное физическое ограничение подвижности несовершеннолетнего лица) может происходить на глазах у знакомых сверстников, педагогов, это может негативно отразиться на психологическом состоянии несовершеннолетнего. Также нет нравственно-правовой определенности в норме, связанной с заключением под стражу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, как наиболее строгой в перечне меры пресечения.

В ч. 2 ст. 108 УПК РФ предусмотрены некоторые особенности избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, однако вопрос с «исключительностью случаев» требует, на наш взгляд, скорейшего разрешения – необходимо закрепление примерного перечня исключительных случаев, что будет выступать морально и нравственно определенной гарантией обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых.

Как ранее нами было отмечено, дознаватель, следователь в каждом конкретном случае производства по уголовному делу предварительного расследования, составной частью которого является избрание и применение той или иной меры уголовно-процессуального принуждения, должен исходить из характеристики личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, обстоятельств уголовного дела, степени общественной

опасности совершенного им деяния. Выступая выражением сознания членов общества, проявляющегося в конкретных установках о добре и зле, о правильном и неправильном, о справедливом и несправедливом, мораль проявляется и тогда, когда по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними имеет место двойное представительство, как гарантия прав и законных интересов, когда в ходе разбирательства по конкретному уголовному делу обязательно участие как законных представителей, так и защитника несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Такая гарантия наполнена глубоким нравственным содержанием, так как призвана обеспечить непредвзятое отношение должностных лиц органов внутренних дел при производстве по уголовному делу и решение вопросов, связанных с производством предварительного расследования по закону и совести.

Данный подход не случаен, ведь в силу социальных, психофизических, психоэмоциональных особенностей подростков, отсутствия у них полной дееспособности, правовой осведомленности они не могут в должной мере реализовывать свои права, отстаивать закон-

ные интересы, испытывают страх перед служителями правопорядка (особенно несовершеннолетние потерпевшие, свидетели). С этой точки зрения, необходимо присутствие родителей или опекунов (попечителей) и других лиц, например, при проведении следственных действий, что в определенной степени облегчает их состояние, вызванное дискомфортом происходящего, непривычной обстановкой; а также защитника, который с точки зрения юридической профессиональной направленности способствует осуществлению и защите прав, свобод и законных интересов, которыми обладают подростки.

Следование (соблюдение) составлющим(их) единое целое требованиям(ий) уголовно-процессуальных норм и моральных предписаний, выступает гарантом добросовестного высоко профессионального поведения должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, беспристрастности, этичности, корректности, внимательности по отношению к несовершеннолетним, уважения их достоинства. Именно к этому нужно стремиться при поддержании должного уровня обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клименко А. И. Моральная природа и обусловленные ею функции правовой идеологии // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 21 – 27.
2. Жуков К. С., Карнышев А. Д. Особенности взаимодействия морали и права в политической жизни современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. №1. С. 112 – 117.
3. Бойков А. Д. Взаимодействие права и морали в уголовном судопроизводстве // Вопросы борьбы с преступностью. М. : Юрид. лит., 1984. № 40. С. 41 – 53.
4. Грядовой Д. И., Малахов В. П., Пылев С. С. Нравственность как форма социальной практики : учебное пособие. М. 1996. 50 с.
5. Бучакова М. А., Дизер О. А. Совершенствование правового регулирования в сфере общественной нравственности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. № 4 (83). С. 452 – 458.
6. Победкин А. В. Вернуть уголовному судопроизводству России воспитательные задачи // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 100 – 104.

7. Агутин А. В. К вопросу о нравственных основаниях уголовно–процессуальной деятельности // Вестник ННГУ. 2013. №3 (2). С. 100 – 104.
8. Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж : Изд-во Воронежского университета. 1971. 160 с.
9. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 2019. 799 с.
10. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России № 460 от 26.06.2020 г. Доступ из-справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М. : Юристъ, 2004. 800 с.

© Емельянова А. А.

УДК 343.12(470)

В. С. ЛАТЫПОВ, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

V. S. LATYPOV, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Ufa)

И. Н. ГИМАЗЕТДИНОВА, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

I. N. GIMAZETDINOVA, senior Researcher, Research Department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

**К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМАХ
ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ
В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ
ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ**

**TO THE ISSUE OF CERTAIN TACTICAL METHODS OF INTERROGATION
OF SUSPECTS AND THOSE ACCUSED OF COMMITTING CRIMES RELATED
TO THE ILLEGAL CIRCULATION OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC
SUBSTANCES AND THEIR ANALOGUES**

Аннотация. Расследование уголовных дел, есть процесс мыслительный, требующий от должностного лица учитывать не только вопросы соблюдения законности и процессуального порядка его производства, но и применение различных тактических приемов в зависимости от

категории преступления, лица его совершившего и других особенностей. Особую роль в расследовании преступления занимает допрос участников уголовного судопроизводства как одного из основных следственных действий, направленных на получение сведений, имеющих значение для уголовного дела. В рамках настоящей работы авторским коллективом предпринята попытка осуществления анализа производства допроса подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а так же применяемых тактических приемов, используемых следователем для достижения целей допроса и назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова и словосочетания: подозреваемый, обвиняемый, допрос, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, следователь, уголовное судопроизводство, доказательства, показания.

Annotation. Investigation of criminal cases is a mental process that requires an official to take into account not only the issues of compliance with the law and the procedural order of its production, but also the use of various tactics depending on the category of the crime, the person who committed it and other features. A special role in the investigation of a crime is played by the interrogation of participants in criminal proceedings as one of the main investigative actions aimed at obtaining information relevant to a criminal case. Within the framework of this work, the team of authors made an attempt to analyze the production of interrogation of suspects and accused of committing crimes related to the illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues, as well as the tactical techniques used by the investigator to achieve the goals of interrogation and the appointment of criminal proceedings.

Keywords and phrases: suspect accused, interrogation illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues, investigator criminal proceedings, evidence indications.

Пандемия, объявленная в 2020 году, в связи со скоростью и масштабами распространения COVID-19, а также его влияния на привычные условия жизни населения стран мира, оказала колоссальный ущерб на все сферы общественных отношений, но больше всего пострадала экономика. Вместе с тем следует отметить, что сложившаяся ситуация позволила наркоторговцам в разы увеличить объемы реализуемых наркотических средств. Полагаем, что отчасти этому могло способствовать введение дистанционного обучения, сказавшегося на неорганизованности подростков и молодежи, предоставленных большую часть времени самим себе, сокращение рабочих мест трудоспособного населения и предпринимаемые попытки получения доходов путем создания и распространения наркотических веществ. Указанные факты не могли не привести к резкому увеличению оборота наркотических средств как в России, так и во всём мире. Так, к примеру, за последние «8 лет (с 2012 г.) объем изъятых из оборота

наркотиков в России вырос более чем на 3 тонны. В 2020 году он составил 35 600 кг. Для сравнения, это составляет примерно 20 % от общемировых данных по изъятию психоактивных веществ» [1].

Следует отметить, что действующее уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает целую группу преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: ст. ст. 228, 228.1 – 228.4, 229, 229.1, 230 – 233 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Несмотря на положительные моменты, результаты противодействия наркопреступности нельзя признать удовлетворительными. Правоприменительная практика изобилует случаями привлечения к уголовной ответственности лишь мелких сбытчиков, курьеров и других лиц, которые являются представителями низшего звена в иерархии преступных сообществ. К примеру, за 2020 год количество вынесенных судебных решений по делам о преступлениях, предусмо-

тренных ч. 1 ст. 228 УК РФ, составило 212 875, по преступлениям же, предусмотренным п. 3 ст. 228 УК РФ, – 840. Аналогичная ситуация сложилась по количеству вынесенных судебных решений по делам о преступлениях, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 228.1 УК РФ, что составило 32310 и 37589 соответственно, при этом количество решений по ч. 4 ст. 228.1 УК РФ составило 1793 [2].

Важное процессуальное и криминалистическое значение имеет производство допроса подозреваемых и обвиняемых по делам данной категории. Следует отметить, что их показания являются самостоятельными видами доказательств (ч. п. 1 ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), которые могут позволить правоохранительным органам получить интересующую информацию. Вместе с тем не следует забывать о провозглашенном в Конституции Российской Федерации праве граждан не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников (ст. 51 Конституции РФ). Указанное обстоятельство требует от должностного лица, осуществляющего допрос, наличие четкого плана, включающего в себя перечень вопросов, которые необходимо выяснить в ходе его проведения, и тактики проведения данного следственного действия, в противном случае получение необходимой информации от допрашиваемых не представится возможным.

Допрос подозреваемого (обвиняемого) в незаконном обороте наркотических средств проводится, как правило, с участием защитника (ст. 53 УПК РФ). Поэтому недопустимыми являются показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде (ч. 1 ст. 72 УПК РФ). Не допустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть по-

ложены в основу обвинения, а также для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Процессуальный порядок производства допроса подозреваемого (обвиняемого) регламентирован ст. ст. 187–190 УПК РФ. Допрашиваемые лица по делам данной категории задерживаются, как правило, с поличным. Поэтому представляется целесообразным предварительный сбор сведений о личности допрашиваемого, источника поступления наркотических средств, проведение оперативно-разыскных мероприятий, направленных на установление лиц, приобретавших наркотические вещества, проведение осмотра изъятого у задержанного подозреваемого сотового телефона, который может содержать информацию об имеющихся тайниках – «закладках», переписку с «покупателями» – лицами, приобретающими наркотические вещества и т. д. Кроме того, при допросе допустимо предъявление собранных по делу доказательств: изъятых наркотических средств; орудий и инструментов, предназначенных для изготовления, переработки, взвешивания (измерения) и т. п. Этот прием оказывается эффективным, если совокупность собранных доказательств достаточна для привлечения к уголовной ответственности конкретного лица и без его признательных показаний. Чаще всего это характерно в случае допроса лиц, занимающихся незаконным приобретением либо хранением – без цели сбыта наркотических средств.

С целью увеличения эффективности проводимого допроса подозреваемого и обвиняемого следователи (дознаватели) используют различные тактические приемы. В рамках настоящего исследования в 2021 году нами проведен опрос сотрудников следственных подразделений и органа дознания территориальных органов Министерства внутренних дел по Республике Башкортостан, специализирующихся на расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом

наркотических средств и психотропных веществ¹, которые отметили наиболее эффективные тактические приемы. Рассмотрим их подробнее.

Итак, доверительное отношение с допрашиваемым использует в качестве тактического приема 45,45 % опрошенных сотрудников (35 сотрудников).

Его сущность заключается в подведении допрашиваемого к мысли о даче правдивых показаний, как правило, связанном со стимулированием положительных качеств подозреваемого (обвиняемого) лица.

Чаще всего данный прием применяется в отношении лиц, впервые совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств: незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в значительном размере, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в значительном размере (ч. 1 ст. 228 УК РФ). Следует отметить, что данный прием не позволяет достигнуть положительного результата в отношении лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств в целях получения крупных доходов, неоднократно. Как правило, у подобных лиц имеется уже твердая установка на отрицание всех обстоятельств, даже в случае задержания с поличным за сбыт наркотических средств.

Сопоставление показаний рекомендует применять в качестве самостоятельного приема 63,6 % респондентов – 49 сотрудников.

Этот тактический прием часто применяется следователями при допросе в конфликтной ситуации с целью изобли-

чения во лжи допрашиваемого и изменения его позиции. Используется лишь в том случае тогда, когда у следователя имеются показания иных лиц: свидетелей, соучастников незаконного оборота наркотических средств. Основным условием является наличие противоречий в показаниях подозреваемого (обвиняемого) и показаниями других участников уголовного судопроизводства.

Выявление и использование внутренних противоречий в показаниях допрашиваемого лица для уличения его во лжи чаще всего применяется при выдвижении подозреваемым (обвиняемым) алиби о своей непричастности к незаконному обороту наркотических средств, например, к хранению, пересылке. При совершении указанных криминальных деяний, как правило, не удастся задержать лицо с поличным, поэтому у подозреваемого появляется соблазн отвести от себя вину, переложить ее на других лиц. В этом случае допрашиваются иные лица, которых обвиняет подозреваемый. Проводится повторный допрос лица, очные ставки, доказывающие существующие противоречия в показаниях последнего с целью получения от него достоверной информации.

В научной литературе отмечается, что «Эффективности использования таких противоречий с целью получения правдивых показаний способствуют следующие условия: противоречия следует фиксировать в протоколе сразу по ходу получения показаний (допрос целесообразно на этом этапе строить в форме «вопрос-ответ»); выявленные противоречия необходимо использовать незамедлительно, если не требуется их дополнительной проверки; иные доказательства вины подозреваемого следует использовать лишь после изложения им своей позиции (что может обострить ее противоречивость). Однако, даже будучи уличенным во лжи, допрашиваемый

1 В опросе приняли 36 сотрудников следственных подразделений и 41 сотрудник органа дознания.

испытывает большие психологические трудности, сопряженные с переходом от ложных к правдивым показаниям. В этот момент необходимо убедить подозреваемого дать правдивые показания, в связи с чем рекомендуется: выяснить причины и мотивы ложных показаний и нейтрализовать их; использовать выявленные положительные качества допрашиваемого; разъяснить смысл положений закона, содержащих перечень обстоятельств, смягчающих ответственность.

Если подозреваемый почувствует действительную заинтересованность в его судьбе, то это будет самым надежным фундаментом его доверительной позиции и установления прочного психологического контакта на весь период расследования. Поэтому, стремясь раскрыть преступление, нельзя проявлять излишнюю поспешность в ходе допроса» [3, с. 32].

К наименее популярным, а значит и эффективным примам опрошенные сотрудники отнесли производство допроса в форме свободного рассказа подозреваемого (обвиняемого) – лишь 24,67 % респондентов (19 сотрудников). Объяснить данный факт можно лишь предположением, что большинству лиц, занятых в сфере наркобизнеса, присуща склонность ко лжи, отрицание очевидных фактов, в том числе и при задержании их с поличным. Не отрицая возможности начала допроса этих лиц в форме свободного рассказа, следователи, тем не менее, отмечают, что не склонны доверять показаниям большинству этих лиц и вынуждены перепроверять их, используя для этого вышеперечисленные и иные тактические приемы допроса, а также путем производства других следственных действий. Некоторые опрошенные (11,7 % или 9 сотрудников) отметили, что допрашивая подозреваемых (обвиняемых), вовсе не прибегают к форме свободного рассказа, применяя иные формы (например, «вопросно-ответную»).

В случае отрицания допрашиваемым лицом своей причастности к незаконному обороту наркотических средств, даже при наличии иных уличающих его доказательств, некоторые следователи прибегают к такому приему, как объяснение значения чистосердечного раскаяния – 55,84 % опрошенных (43 сотрудника). Данный прием заключается в разъяснении значения обстоятельств, смягчающих ответственность за совершенное преступление и являющихся активной формой его защиты (ч. 1 ст. 61 УК РФ) и объяснении негативных последствий отрицания своего участия в совершенном преступлении, поскольку при назначении наказания судом учитывается личность виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ), характер его поведения на стадии предварительного расследования.

Перед допросом необходимо убедиться, не находится ли допрашиваемое лицо под воздействием наркотического средства, целесообразно весь ход допроса фиксировать на аудионоситель, а еще лучше – применять видеофиксирующие устройства.

Если задержанное лицо не находится в состоянии наркотического опьянения, то его допрос целесообразно осуществить в первые же часы после водворения в изолятор временного содержания, не дожидаясь окончания положенных 24 часов (ч. 2 ст. 46 УПК РФ). Этот прием не позволит подозреваемому подготовиться к противодействию допрашивающего лица (следователя, дознавателя), кроме того, в ходе проведения таких допросов нередко подробно сообщаются детали преступной деятельности, ее участники, объемы оборота наркотиков [4, с. 44].

Отметим, что показания данные в ходе допроса, как правило, следует подтверждать другими доказательствами, полученными в ходе производства иных процессуальных мероприятий, в частности: проверки показаний на месте

(ст. 194 УПК РФ), очной ставки (ст. 192 УПК РФ), проведенными экспертами (ст. 195 УПК РФ). Иногда следователь может попытаться пробудить раскаяние и внутренний протест, данный прием применен 37,66 % опрошенных (29 сотрудников). В таких случаях задержанному приводится известный ему пример ранней смерти его знакомого от передозировки или длительного потребления наркотиков, напоминает, каким он был до наркотиков, что он в шаге от смерти, однако шанс еще есть. Говорить об этом следователь должен заинтересованно и убежденно. Присутствие в беседе родных и близких, скорее всего, обострит его чувства. Нужный психологический эффект может быть достигнут путем приведения фактов об образе жизни, огромных доходах, которые получают организаторы незаконного оборота наркотиков, наживаясь за счет их здоровья. Можно еще раз напомнить допрашиваемому, на что ему приходится идти ради очередной дозы.

Необходимо также указать, что особенности допроса должны учитываться в зависимости от конкретных обстоятельств дел, а также личности и возраста подозреваемого (обвиняемого) по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Таким образом, следует отразить, что проведение допроса подозреваемых (обвиняемых) имеет важное уголовно-процессуальное криминалистическое значение. Нарушения процессуального законодательства, допущенные следователем (дознавателем) в ходе проводимого следственного действия приведут к признанию таких показаний недопустимыми доказательствами, но даже при соблюдении всех установленных процессуальных требований, отсутствие четко выверенной тактики не позволит должностным лицам заполучить необходимую информацию.

В качестве самостоятельного вывода следует отметить несколько правил, которым следует придерживаться при подготовке и проведении допроса подозреваемого и обвиняемого по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов:

1. Необходима заблаговременная подготовка к проведению допроса (постановка целей допроса; формулировка вопросов, отражающих предмет доказывания; изучение личности допрашиваемого; анализ имеющихся доказательств, уличающих лицо в совершенном преступлении; определение «слабых сторон» обвинения и т. д.).

2. Четкая последовательность действий, соответствующих действующему уголовно-процессуальному законодательству.

3. Отработка «внештатных» ситуаций (отказ подозреваемого, обвиняемого от дачи показаний, от подписи в протоколе допроса, от защитника и т. д.).

4. Заблаговременное уведомление защитника и приглашение на производство следственного действия в порядке ст. 50 УПК РФ, а также иных лиц, участие которых необходимо в силу, например, возраста подозреваемого, обвиняемого.

5. Привлечение к производству следственного действия лиц, обладающих специальными знаниями с целью оказания консультативной помощи допрашиваемому, а также для применения технических средств (аудио-видео-фиксирующих устройств).

6. Подготовка и отработка нескольких тактических приемов с целью получения необходимых и правдивых показаний.

Указанные правила не несут исчерпывающий характер и могут быть дополнены исходя из обстоятельств конкретного уголовного дела или личности допрашиваемого, но их соблюдение и умелое применение с учетом специфики

преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и особенностей поведения лиц, их совершивших, дают возможность в немалой степени повлиять на достижения в ходе допроса постав-

ленных целей, а так же на окончательный результат расследования, назначение виновным справедливого наказания и достижения назначения уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистические данные наркомании в России 2020-2021 года. Центр профессионального лечения и реабилитации «Здравница» URL:<https://narcorehab.com/articles/statistika-narkomanii-v-rossii-2020-2021/> (дата обращения: 01.03.2021).
2. Наркопреступления в России: анализ судебной и криминальной статистики // Научно-популярная библиотека. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/434725/Narkoprestupleniya_v_Rossii_analiz_sudebnoy_i_kriminalnoy_statistiki (дата обращения: 01.03.2021).
3. Расследование организации и содержания притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ и склонения к их потреблению : метод. пособие / Л. М. Исаева [и др.]. Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД России, 2004. 78 с.
4. Безруких Е. С. Расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: Научно-практическое пособие. / Е. С. Безруких, В. М. Мешков. Калининград, 2003. 62 с.

© Латыпов В. С.

© Гимазетдинова И. Н.

УДК 343.123:343.13(470)

В. В. ПУШКАРЕВ, доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)

V. V. PUSHKAREV, Assistant Professor of the Chair of Preliminary Investigation, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Candidate of Law, Associate Professor (Moscow)

РОЛЬ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: КОНЦЕПТ И МЕТОДОЛОГИЯ МОДАЛЬНОСТИ

THE ROLE OF CRIMINAL PROSECUTION IN THE APPOINTMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS: THE CONCEPT AND METHODOLOGY OF MODALITY

Аннотация. В статье раскрывается сущность назначения уголовного судопроизводства через призму феномена уголовного преследования. Доказана эффективность модальной методологии для философско-правового познания функционально-смысловой категории «назначение уголовного судопроизводства» и выявления роли уголовного преследования в её формировании. Обосновано, что для реализации принципа состязательности сторон, назначению уголовного

судопроизводства отводится парадигмальная роль универсальной мировоззренческой доминанты, подводящей онтологические основания под уголовно-процессуальные нормы и порядок их применения в соответствующей социально-правовой системе.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное преследование, назначение уголовного судопроизводства, следователь, методология, модальность, модус.

Annotation. The article reveals the essence of the purpose of criminal proceedings through the prism of the phenomenon of criminal prosecution. It proves the effectiveness of the modal methodology for the philosophical and legal knowledge of the functional-semantic category “the purpose of criminal proceedings” and the identification of the role of criminal prosecution in its formation. It is substantiated that in order to implement the principle of the adversarial process of the parties and the appointment of criminal proceedings, the paradigmatic role of a universal ideological dominant is assigned, which brings ontological foundations to criminal procedural norms and the procedure for their application in the corresponding socio-legal system.

Keywords and phrases: criminal prosecution, appointment of criminal proceedings, investigator, methodology, modality, modus.

Анализ юридической литературы убедительно показывает, что научный интерес к проблеме назначения уголовного судопроизводства носит характер постоянной величины (только в научной электронной библиотеке «eLIBRARY.RU» размещено 227 научных статей, опубликованных за период с 2010 по 2020 годы и содержащих в своем названии словосочетание «назначение уголовного судопроизводства»), однако он до настоящего времени не смог обеспечить теоретического разрешения вопросов, положенных в её основание. В причинах такого состояния надлежит разобраться, применив обоснованные методологические положения, что позволит научно обеспечить решение значимой уголовно-процессуальной проблемы, сформулировать правовоположения, подкрепленные сравнительно-правовым и практическим материалом, а также иными аналитическими данными.

Сложность проблемы, подлежащей разрешению, связанной с анализом понятия назначения уголовного судопроизводства, обусловлена не только произошедшей сменой мировоззренческих позиций, но трудностью выражения противоречий, социально-правового характера и общей миссии уголовно-процессуальной деятельности, как сложного многомерного системного объекта,

в конкретной правовой норме общего действия (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) с учетом возможных противоречивых последствий её применения, при необходимости выражения единства формы и содержания уголовного процесса в соотношении с его целями, задачами и состязательным характером, задающим их полярность.

В таких условиях следует признать, что назначение уголовного судопроизводства предполагает такую нормативную формулировку, которая бы учитывала специфику его влияния на сложную и многофункциональную социальную систему досудебного производства, его субъектов и образующих процедур, порожденных конфликтной сущностью воплощаемых интересов. В качестве надлежащих характеристик следует назвать способность назначения уголовного судопроизводства обладать парадигмальным значением, служить ориентиром всей социально-правовой системы; установить определенную направленность данного вида деятельности; обеспечить качество её реального воплощения.

Сложность понимания продуцируемого смысла и последующего его нормативного выражения в категории «назначение уголовного судопроизводства» послужила основанием для отказа от неё

в уголовно-процессуальном законодательстве стран постсоветского правового пространства, несмотря на безусловное принятие состязательной модели уголовного процесса. Ложный выход был найден посредством замены термина «назначение» на «задачи». Подобные призывы раздаются и в отечественной уголовно-процессуальной науке. Однако замена в действующем законе названия и смысла ст. 6 УПК РФ на задачи уголовного судопроизводства означала бы регрессивный шаг в поступательном развитии отечественного правотворчества и основанного на нем правоприменения.

Для обоснования выдвинутых положений и решения поставленных научно-практических задач были применены приемы и способы модальной методологии, обосновывающие её концептуальную основу. Это обусловлено не только авторитетом Аристотеля, который ввел понятие «модальность» [1, с. 550], но и многовековой практикой его использования и изучения, которая приобрела довольно широкую традицию в философии, лингвистике, логике, праве и ряде социальных наук. Как правильно замечают современные исследователи модальности: «Рассмотрение приложений модальной установки к методологиям конкретных наук значительно обогащает представления и о логике модальности, и о ее научном потенциале. Результатом применения описанной модальной установки являются научные дескрипции специфических объектов» [2, с. 216]. Добавим, что использование элементов модальной методологии в обширном спектре наук обусловлено запросом на исследование сложных многомерных объектов в их универсальном единстве для создания моделей, фиксирующих цельное знание и неделимое системное описание феномена многозначности, позволяющее решить проблему передачи и получения знаний. Для целей настоящего исследования методология модальности используется прежде всего при изучении

взаимовлияния категорий «уголовное преследование» и «назначение уголовного судопроизводства», для толкования ст. 6 УПК РФ как деонтической модальности, а также объяснения сущности назначения уголовного судопроизводства в качестве парадигмальной универсалии и способа существования уголовного процесса, обусловленных необходимостью уголовного преследования или отказа от него.

Анализ текста нормы ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства прямо свидетельствует о модальном характере предложенного в законодательстве аргумента, имеющего «доминанту повелительной модальности» [3].

Такой способ изложения правовой нормы позволяет указать на доказанность того, что отражено в суждении, необходимость связи между предметами, отношение к предмету суждения с точки зрения морали, нравственности и т. д. Помещение суждения в модальные рамки восприятия информации, которые устанавливает закон, расширяет или сужает границы мышления, в которых рассматривается единый смысл выражения. Практическое значение видится в том, что модальные значения фраз и их замена влияет на переосмысление информации [4] субъектом правоприменения. Модальное суждение предполагает возможность объективной фиксации объекта модальности – назначения уголовного судопроизводства – для каждого из участников уголовного судопроизводства, наделенных различными интересами, в уголовно-процессуальных отношениях в любой момент производства по уголовному делу или вне связи с конкретным делом.

Таким образом, «дискурс модальности демонстрирует важнейший момент модальной онтологии: не существует модального объекта как такового в его «чистом» или архетипическом виде. Модальный объект (назначение уголовного судопроизводства) – это ряд его моду-

сов-реализаций [2, с. 222], отраженных в необходимости уголовного преследования лица или в отказе от осуществления такового.

Назначение уголовного судопроизводства является особым юридическим способом фиксации потенциальных противоречий процессуальных интересов, порождаемых юридической реальностью, модальным волеизъявлением, служащим источником способов оценки достоверности и допустимости сложившейся юридической реальности, посредством проекции системы принципов уголовного судопроизводства и процессуальных статусов участников на процедуры уголовного преследования или отказа от него, как неиерархические параллельные порядки, проницаемые друг для друга.

В назначении уголовного судопроизводства, заложен модус возможного действия – уголовное преследование или отказ от него и модус волеизъявления – защита прав и свобод участников уголовно-процессуальных отношений, должного к безоговорочному соблюдению, обеспечению и охране.

Модальная интерпретация назначения уголовного судопроизводства как текста нормы, закрепленной в ст. 6 УПК РФ и, как отношения к реальности, позволяют говорить о нем, как о юридической, логической и этической универсалии, закрепленной в качестве деонтического модального суждения, определяющей качественные параметры уголовно-процессуальной реальности, оцениваемой в рамках конкретного правоприменения по уголовному делу, когда процесс или результат правоприменения может быть фактически возможным, но не оправдывается с точки зрения социальной ценности права.

Следует признать такой прием эффективным и единственно верным способом отражения функционально-семантической категории «назначение уголовного судопроизводства», поскольку

ку модальность выражает разные виды отношения нормативного высказывания к правовой действительности и к его содержанию, однако, как это было сказано ранее, вызывает сложности восприятия ввиду зафиксированного противоречия целей.

Понимая сущность социальных (уголовно-правовых и уголовно-процессуальных) конфликтов и предполагая их разрешение в определенном порядке и условиях, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве были учтены алетическая и акциональная, объективная и субъективные функции модальности, позволяющие противопоставлять нормативные предложения по характеру их целевой установки.

Так, в ч. 2 ст. 6 УПК РФ уголовное преследование и отказ от уголовного преследования понимается видом аргументированной деятельности прокурора, следователя или дознавателя, направленной на доказательство подозрения или выдвинутого обвинения, или на прекращение уголовного преследования и уголовного дела (алетическая модальность), а ч. 1 данной статьи содержит акциональную модальность, как необходимую обусловленность осуществляемого стороной обвинения уголовного преследования защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Объективная модальность ч. 1 ст. 6 УПК РФ выражает отношение содержания нормы к действительности в плане реальности, в котором нет элементов ирреальности: недостижимости, недостоверности и других, то есть сообщается и констатируется факт, что служит критерием для осуществления правоприменительной, в том числе судебной аргументации.

В категории субъективной модальности текст нормы права, отраженной в ч. 2

ст. 6 УПК фиксирует одно из ключевых свойств человеческой психики – способность противопоставлять [4] возможные волеизъявления о необходимости уголовного преследования или отказу от него при оценке достоверности принятого решения.

Поскольку объектом модальности в ст. 6 УПК РФ выступает назначение уголовного судопроизводства, для его изучения необходимо введение понятия «оценка» в качестве ключевого термина. Оно позволяет определять юридическую истину, как соотношенность некоторого события с точки зрения его достоверности, а после и допустимости. Именно так, через соответствие объекту модальности, объясняется сложившаяся юридическая реальность уголовного преследования. Его результаты, в свою очередь, оцениваются с точки зрения достижимости парадигмальной установки уголовного судопроизводства.

Изучение правоприменительной практики показало, что прескриптивный, модальный характер назначения уголовного судопроизводства определяет его конкретно-практическое инструментальное значение. Положения ст. 6 УПК РФ выступают в качестве модусов социальной ценности уголовного судопроизводства, когда во взаимосвязи с оспариваемыми нормами она выступает процессуальным средством оценки и проверки качества уголовного преследования, исследования обстоятельств уголовного дела или позиций сторон, в судебных актах.

Это подтверждается конкретными данными, имеющимися в распоряжении автора, которые свидетельствуют о том, что только в период с января 2018 года по декабрь 2019 года суды общей юрисдикции непосредственно использовали формулировки ст. 6 УПК РФ в качестве судебной аргументации более, чем в 1100 своих решений по уголовным делам, касающимся оценки различных аспектов досудебного уголовного преследования.

Конституционный Суд Российской Федерации, Европейский суд по правам человека, также неоднократно обращались к положениям ст. 6 УПК РФ, разъясняя свои правовые позиции, связанные с обращениями граждан Российской Федерации [5 – 7].

Роль уголовного преследования в достижении назначения уголовного судопроизводства раскрывается в качестве модуса уголовного судопроизводства. Догматическое толкование ст. 6 УПК РФ обращает внимание не только на частоту употребления словосочетания «уголовное преследование». Так, в ч. 2 ст. 6 УПК РФ авторы закона оперируют им трижды, но и вообще использование различных атрибутивных признаков уголовного преследования, что приводит к выводу о том, что назначение уголовного судопроизводства актуализируется и может быть раскрыто только через феномен уголовного преследования, которое предопределено назначением уголовного судопроизводства. Без инклюзивности уголовного преследования в назначение уголовного судопроизводства последнее теряет своё значение, социальную ценность и работоспособность в правовом и правоприменительном понимании. Именно поэтому достижение назначения уголовного судопроизводства возможно только при осуществлении уголовного преследования или отказе от него. В первом случае лицу вменяется обвинение, соответствующее фактическим обстоятельствам дела.

Отказ от уголовного преследования невиновных и реабилитация каждого, незаконно или необоснованно подвергнувшегося уголовному преследованию, также служит правильному применению как материального, так и уголовно-процессуального закона, содержащего процессуальные основания для прекращения уголовного дела, к спорным уголовно-процессуальным отношениям и реализации назначения уголовного судопроизводства.

Уголовное преследование является смыслообразующим понятием для определения назначения уголовного судопроизводства. Функция назначения уголовного судопроизводства видится в задании границ нормативного конструирования порядка и правил осуществления уголовного преследования и оценки его результатов.

Таким образом, предпринятый методологический подход к правовым, практическим, социологическим и на-

учным данным не только обуславливает предпринятую в настоящем исследовании конструкцию изложения материала, но и приводит к тезису эпилога о роли уголовного преследования в назначении уголовного судопроизводства, которое, в свою очередь, обладает парадигмальным значением универсума для уголовно-процессуального законодательства, а также научно-практического сообщества, что предполагает успешность данного термина и его юридическую долговечность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия / гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов, 1983. 840 с.
2. Медова А. А. Онтология модальности : дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2016. 303 с.
3. Толковый словарь русского языка : [В 4 т.] / под ред. Д. Н. Ушакова. / сост. В. В. Виноградов и др. ; гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. М., 1996. 1500 стб., [2] с. URL: <https://ushakov.slovaronline.com/30288-MODALNOST> (дата обращения: 22.01.2021).
4. Ляпон М. В. Модальность // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2221549> (дата обращения: 04.01.2021).
5. Определение Конституционного Суда РФ от 21.02.2008 № 92-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ф.И.О. на нарушение его конституционных прав статьёй 359 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьёй 330 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части первой статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=52986#044681000047776775> (дата обращения: 25.01.2021).
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кехмана Бориса Абрамовича и Кехман Аллы Иосифовны на нарушение их конституционных прав положениями статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18.04.2006 № 114-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Дело «Евдокимов и другие (Yevdokimov and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 27236/05, 44223/05, 53304/07, 40232/11, 60052/11, 76438/11, 14919/12, 19929/12, 42389/12, 57043/12 и 67481/12) (Третья секция) : постановление Европейского Суда по правам человека от 16 февраля 2016 г. URL: <http://www.ivo.garant.ru> (дата обращения: 25.01.2021).

© Пушкарев В. В.

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ПРАВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.16.037:[343.985.7:343.611](470)

А. В. КУДРЯВЦЕВ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Владимирского филиала РАНХиГС, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)

A. V. KUDRYAVTSEV, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor of the Department of Operative Investigation Activities of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of Vladimir State University, Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)

Р. Р. НАСЫРОВ, старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

R. R. NASYROV, Senior Instructor of the Department of Operational and Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

**ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОМ
СОПРОВОЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ
ОБ УБИЙСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ ПО НАЙМУ**

**CERTAIN FEATURES OF PROSECUTOR SUPERVISION OVER THE
IMPLEMENTATION OF LAWS IN THE OPERATIONAL-SEARCH SUPPORT
OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN CASES OF HOMICIDE COMMITTED
FOR HIRE**

Аннотация. В статье анализируются отдельные особенности прокурорского надзора за исполнением законов при оперативно-розыскном сопровождении уголовного судопроизводства по делам об убийствах, совершенных по найму, и делаются предложения, направленные на повышение эффективности прокурорского надзора данного вида. Исходя из анализа содержания оперативно-розыскного сопровождения делается вывод о значимости осуществления проку-

прокурорского надзора за данным видом деятельности. Также приводится вывод о целесообразности усиления прокурорского надзора за процессом документирования результатов оперативно-розыскного сопровождения уголовного судопроизводства по делам об убийствах по найму, осуществляемому в рамках дел оперативного учёта. Обосновывается целесообразность разработки методических рекомендаций по осуществлению прокурорского надзора за деятельностью оперативных сотрудников в рамках оперативно-розыскного сопровождения уголовного судопроизводства по уголовным делам об убийствах по найму. Делается вывод о необходимости интенсификации прокурорского надзора за законностью проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств с учётом их значительного количества в рамках осуществления рассматриваемой деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: убийства, совершённые по найму; оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскное сопровождение; прокурорский надзор.

Annotation. The article analyzes certain features of the prosecutor's supervision over the execution of laws in the operational-search support of criminal proceedings in cases of murders committed for hire and makes proposals aimed at improving the effectiveness of this type of prosecutor's supervision. Based on the analysis of the content of operational-search support, the conclusion is made about the importance of the implementation of prosecutor's supervision over this type of activity. It is also concluded that it is advisable to strengthen the prosecutor's supervision over the process of documenting the results of operational investigative support of criminal proceedings in cases of murder for hire, carried out within the framework of operational accounting cases. The expediency of developing methodological recommendations for the implementation of prosecutor's supervision over the activities of operational officers in the framework of operational-search support of criminal proceedings in criminal cases of murder for hire is justified. It is concluded that it is necessary to intensify the prosecutor's supervision over the legality of conducting operational search activities using technical means, taking into account their significant number in the framework of the activities under consideration.

Keywords and phrases: homicides committed for hire, operational-search activity, operational-search support, prosecutor supervision.

Анализ современного состояния преступности свидетельствует о некотором сокращении количества убийств. Так, в течение 2019 года зарегистрировано 7948 убийств и покушений на них, что на 7,3 % меньше аналогичного периода предыдущего года. В то же время из общего числа указанных преступлений в 2019 году было раскрыто 6773 убийства и покушений, что на 11,3 % меньше аналогичного периода прошлого года [1]. Особенную сложность с точки зрения раскрытия представляют убийства, совершаемые по найму.

Данные преступления составляют не столь существенную долю от общего числа совершённых убийств. Так, по итогам 2019 года доля убийств по найму в общей структуре совершённых убийств составила 0,13 % [2, с. 545]. Вместе с тем следует учитывать определённую степень латентности преступлений данно-

го вида, которая в значительной степени связана со сложностью установления в ряде случаев факта найма, мотивов совершения преступления, обусловленности убийства вознаграждением.

Современные состояние и структура преступности в России характеризуются наличием фактов совершения убийств по найму, в том числе носящих резонансный характер. Некоторые из них остаются нераскрытыми, а преступники, их совершившие, не привлекаются к уголовной ответственности.

В этой связи перед государством в лице правоохранительных органов стоит задача по принятию адекватных мер противодействия преступности данного вида. Одним из элементов механизма указанного противодействия следует признать оперативно-розыскное сопровождение уголовного судопроизводства по уголовным делам о данных преступлениях.

Процесс выявления и раскрытия данных преступлений представляет существенную сложность. Это связано, прежде всего, с противодействием со стороны подозреваемых и обвиняемых процессу расследования данных преступлений. При этом используются различные формы указанного противодействия, как легальные, так и противоправные.

Следует отметить, что вопросам сущности оперативно-розыскного сопровождения уголовного судопроизводства посвящено определённое количество научных работ [3; 4, с. 2 – 6; 5, с. 66 – 70; 6, с. 92 – 99; 7]. Основываясь на анализе указанных работ можно отметить, что под оперативно-розыскным сопровождением уголовного судопроизводства по уголовным делам об убийствах, совершенных по найму, следует понимать систему предусмотренных нормативными правовыми актами мер, осуществляемых субъектами оперативно-розыскной деятельности при сопровождении всех этапов расследования и судебного разбирательства в целях обеспечения процессуальной деятельности по уголовным делам указанной категории.

Учитывая содержание деятельности по оперативно-розыскному сопровождению уголовного судопроизводства, в том числе по уголовным делам об убийствах, совершенных по найму, и возможность неправомерного ограничения принципа соблюдения прав и свобод человека и гражданина, следует признать весьма значимым осуществление прокурорского надзора за данным видом деятельности. Такой вывод подтверждают результаты опросов оперативных работников ОВД, участвующих в оперативно-розыскном сопровождении уголовного судопроизводства по данным преступлениям. 73 % респондентов указали на существенную вероятность неправомерного ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в процессе осуществления указанной деятельности.

В то же время, как показывают науч-

ные исследования и практика осуществления прокурорского надзора в сфере оперативно-розыскного сопровождения уголовного судопроизводства по делам об убийствах, совершенных по найму, в данном направлении деятельности имеются проблемные аспекты и возможности для повышения её эффективности.

Существенное теоретическое и прикладное значение, как при осуществлении прокурорского надзора в целом, так и по рассматриваемым преступлениям, имеет определение и правовое регулирование содержания предмета прокурорского надзора.

Не вдаваясь в дискуссию относительно содержания понятия предмета прокурорского надзора в сфере оперативно-розыскной деятельности, следует согласиться с позицией относительно необходимости конкретизации правовой регламентации предмета прокурорского надзора данного вида [8, с. 6].

В аспекте повышения эффективности оперативно-розыскного сопровождения уголовного судопроизводства по делам об убийствах, совершенных по найму, существенное значение приобретает решение такой задачи, как надзор за своевременной передачей информации оперативного характера от оперативного сотрудника субъекту расследования [9, с. 70 – 71].

Проведённое нами исследование позволяет констатировать, что в практике оперативных подразделений встречаются ситуации, при которых оперативный работник субъективно оценивает незначительность имеющейся у него информации для использования в процессе расследования. В итоге это влияет на качество последнего. Процесс раскрытия и расследования убийств по найму отличается существенной сложностью, необходимостью проведения существенного объёма как оперативно-розыскных мероприятий, так и следственных действий. И в этой ситуации оценка оперативной информации, имеющейся у оперативных

работников, с точки зрения возможности её использования в уголовном судопроизводстве со стороны прокурора, осуществляющего надзор, позволит в рамках мер прокурорского реагирования на данные ситуации влиять на своевременность передачи информации субъекту расследования и тем самым повысить эффективность её использования.

В этой связи имеется целесообразность усиления прокурорского надзора за процессом документирования результатов оперативно-розыскного сопровождения уголовного судопроизводства по делам об убийствах по найму, осуществляемому в рамках дел оперативного учёта по выявлению результатов ОРД, которые могут быть использованы в рамках доказывания. Также целесообразным, на наш взгляд, является разработка методических рекомендаций по осуществлению прокурорского надзора за деятельностью оперативных сотрудников в рамках оперативно-розыскного сопровождения уголовного судопроизводства по уголовным делам об убийствах по найму, в которых будут обозначены практические материалы по организации и тактике проведения прокурорских проверок данной направленности.

Как уже отмечалось выше, одной из целей оперативно-розыскного сопровождения по уголовным делам рассматриваемого вида является выявление и пресечение противодействия процессу расследования. При этом наиболее опасными формами криминального противодействия со стороны преступников и их связей являются оказание давления на участников процесса путём запугивания, а в ряде случаев насильственных действий в их отношении вплоть до причинения смерти. Оперативные сотрудники, проводя негласные оперативно-розыскные мероприятия, обладают возможностью получения упреждающей информации о планировании указанных действий. При этом эффективность пресечения попыток реализации форм криминального противодействия со стороны

преступников зависит от своевременности реагирования на поступающую оперативную информацию. В этой связи в предложенных к разработке методических рекомендациях по осуществлению прокурорского надзора за деятельностью оперативных сотрудников в рамках оперативно-розыскного сопровождения уголовного судопроизводства по уголовным делам об убийствах по найму было бы целесообразно, на наш взгляд, в качестве одной из задач закрепить выявление фактов несвоевременной реализации оперативной информации о планируемых со стороны подозреваемых и обвиняемых, а также лиц из числа их связей, действиях по противодействию процессу расследования.

Следует отметить, что наряду с информацией, получаемой из других источников, большую значимость для раскрытия и расследования убийств по найму имеют данные, получаемые в рамках оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств. Так, при раскрытии данных преступлений в отношении лиц, попадающих в поле зрения оперативных подразделений (сотрудников, охраняющих предприятие потерпевшего, ранее судимых из ближайшего окружения, должников, членов организованных преступных формирований, занимающихся тем же бизнесом, что и жертва), целесообразно незамедлительно проводить указанные мероприятия (например, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и др.). На это при проведении нами опросов оперативных сотрудников органов внутренних дел обратили внимание 78 % респондентов.

При этом одними из существенных ошибок, допускаемых оперативными работниками и связанными с получением и фиксацией результатов оперативно-розыскной деятельности, является несоблюдение предусмотренных законом

оснований и условий для проведения указанных выше оперативно-розыскных мероприятий. Примером подобного рода ошибки может быть проведение оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан, без санкции суда либо с нарушением сроков её действия.

В этой связи можно сделать вывод о необходимости интенсификации прокурорского надзора за законностью проведения указанных оперативно-розыскных мероприятий (с учётом высокой интенсивности их проведения) в процессе оперативно-розыскного сопровождения уголовного судопроизводства по делам об убийствах, совершённых по найму.

Одной из форм, достаточно часто применяемых в рамках оперативно-розыскного сопровождения уголовного судопроизводства по уголовным делам об убийствах по найму, является исполнение оперативными сотрудниками поручений следователей. При ответе на вопрос в рамках анкетирования «Как часто Вам приходится исполнять поручения следователя в рамках осуществления оперативно-розыскного сопровождения уголовного судопроизводства по делам об убийствах, совершённых по найму?» 63 % респондентов из числа оперативных сотрудников органов внутренних дел ответили «часто».

Вместе с тем практика осуществления прокурорского надзора при проверке дел оперативного учёта, заведённых по фактам убийств, совершённых по найму, свидетельствует об установлении в ряде случаев некачественного исполнения оперативными сотрудниками поручений следователей. Как отметили прокуроры в процессе проведённого нами интервьюирования (59 % респондентов), недостаточное качество исполнения поручений

следователей выражается в основном в направлении оперативными сотрудниками формальных ответов, отсутствии реального проведения оперативно-розыскных мероприятий по указанным поручениям, необоснованном затягивании исполнения поручения и т. п. В этой связи, на наш взгляд, было бы целесообразно закрепить в предлагаемых выше методических рекомендациях по осуществлению прокурорского надзора за деятельностью оперативных сотрудников в рамках оперативно-розыскного сопровождения уголовного судопроизводства по уголовным делам об убийствах по найму определённую частоту проведения анализа качества исполнения оперативными сотрудниками поручений следователей (например, один раз в два месяца). Кроме того, целесообразно ориентировать в данных методических рекомендациях надзирающих прокуроров на выявление нарушений законности при исполнении указанных поручений, а также применение наиболее эффективных форм прокурорского реагирования на выявленные нарушения.

Таким образом сказанное подтверждает значимость и необходимость осуществления прокурорского надзора за оперативно-розыскным сопровождением уголовного судопроизводства по делам об убийствах, совершённых по найму. Следует подчеркнуть, что нами рассмотрены лишь отдельные аспекты данного направления прокурорского надзора. Безусловно, круг проблем и направлений повышения эффективности данной деятельности значительно шире. В этой связи следует признать целесообразным проведение научных исследований, направленных на выработку рекомендаций по оптимизации прокурорского надзора указанного вида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450> (дата обращения: 25.10.2020).

2. Репецкая А. Л., Габеев С. В. Убийство по найму: криминологический анализ современного состояния в РФ // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 4. 2020. С. 541 – 552.
3. Александров А. И. Оперативно-розыскное сопровождение уголовного преследования организованных преступных групп: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир. 2006. 208 с.
4. Александрова И. Л. Особенности производства обыска (выемки) при расследовании легализации (отмывания) преступных доходов // Рос. следователь. 2005. № 4. С. 2 – 6.
5. Жданов А. А. Определение понятия оперативно-розыскного сопровождения расследования преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2. С. 66 – 70.
6. Замылин Е. И. «Оперативное сопровождение» или «оперативное обеспечение» (о взаимодействии следственных и оперативных аппаратов в условиях противодействия расследованию) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3. С. 92 – 99.
7. Самоделкин С. М. Оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования и судебного разбирательства тяжких преступлений: (Правовые и организационные вопросы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М. : Академия МВД России, 1994.
8. Литвинова И. В. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2001. 25 с.
9. Колесников А. В. Прокурорский надзор за исполнением законов при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 216 с.

© Кудрявцев А. В.
© Насыров Р. Р.

**КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.985.5:342.721(470)

Ю. В. АНОХИН, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор (г. Барнаул)

Yu. V. ANOKHIN, Deputy Head of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for Scientific Work), Doctor of Law, Professor (Barnaul)

В. Ю. ПОЛЯКОВА, инспектор организационно-методического отдела управления по вопросам миграции Главного управления МВД России по Алтайскому краю (г. Барнаул)

V. Yu. POLYAKOVA, Inspector of the Organizational and Methodological Division of the Migration Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Altai Territory (Barnaul)

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ
ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ
МЕРОПРИЯТИЙ**

**ENSURING OF THE HUMAN RIGHT TO PRIVACY PROTECTION DURING
OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES**

***Аннотация.** Права человека, провозглашенные в международных и внутригосударственных нормативных правовых актах, должны быть обеспечены в полном объеме. Только тогда можно говорить о действенности государственной власти, о реальности институтов гражданского общества и правового государства. Важной проблемой остается обеспечение прав человека при проведении оперативно-розыскных мероприятий, так как зачастую это связано с ограничениями прав и свобод личности, а также вторжением в частную жизнь определенной категории граждан. В этом аспекте проблема пределов ограничения прав человека становится весьма актуальной. Описана проблема права на сбор информации о частной жизни граждан. Предложено внесение изменений в некоторые статьи Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», касающиеся темы статьи.*

***Ключевые слова и словосочетания:** права человека, оперативно-розыскная деятельность, личная и семейная тайна, защита чести, защита доброго имени.*

***Annotation.** The human rights enshrined in the international and domestic regulatory legal acts should be provided in full. Only then we can talk about the effectiveness of state power, the reality of the institutions of civil society and the rule of law. An important problem remains the protection of human rights during operative investigations activities, as this is often associated with restrictions on the rights and freedoms of the individual, as well as the invasion of the privacy of a certain category of citizens.*

In this aspect, the problem of the limits of the restriction of human rights becomes very relevant. The problem of the right to collect information about the private life of citizens is described. It is proposed to amend some articles of the Federal Law «On Operational and Investigative Activities» concerning the topic of the article.

Keywords and phrases: *human rights, operative investigations activities, personal and family secrets, protection of honor, protection of the good name.*

Всестороннее обеспечение прав и свобод личности связано с необходимостью создания в России полноценного общества, основными элементами которого являются гражданское общество и правовое государство. Эти идеи по-прежнему доминируют в общественном сознании и во взглядах российской политической и интеллектуальной элиты. Основные принципы организации гражданского общества и правового государства, зафиксированные в Конституции Российской Федерации, должны стать компонентами общероссийской национальной идеологии, выражающей стремление к признанию прав человека и гражданина высшей ценностью. Однако наполнение этих принципов конкретным содержанием, их практическое воплощение в жизнь сопровождаются рядом трудностей, связанных в значительной степени с недостаточным пониманием того, как эти принципы должны быть адаптированы к условиям современной российской действительности, национальным и социокультурным особенностям народов России, их историческому опыту и традициям [1, с. 8]. По существу, вся сложность процесса преобразований в России как бы фокусируется в многоплановой задаче формирования концептуальных основ обеспечения прав и свобод личности, являющейся и условием, и целью российского реформирования.

Всеобщая декларация прав человека в ст. 12 провозглашает: «Никто не может подвергнуться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет

право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» [2]. В соответствии со ст. 8 Конвенции каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни. Это положение нашло отражение в ст. 23 Конституции РФ, где закреплено право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Статья 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) относит к нематериальным благам неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. В статье 137 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) устанавливается ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни.

Вместе с тем, как справедливо отмечают исследователи, «в современных условиях высокого уровня профессионализма и организованности криминальной среды эффективность борьбы с преступностью во многом зависит от применения, прежде всего, оперативно-разыскных мер негласного характера, которые позволяют своевременно предотвращать и быстро раскрывать заранее планируемые и подготавливаемые противоправные действия» [3, с. 629]. Но именно при этом происходит наиболее существенное вторжение в частную жизнь граждан в процессе проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), осуществляемых специально уполномоченными на то органами.

Оперативно-разыскная деятельность (далее – ОРД) – одна из тех государственно-правовых форм борьбы с преступностью, которая по своему характеру, целям и способам их достижения может на основании закона ограничивать консти-

туционные права граждан на неприкосновенность частной жизни [4, с. 43].

Правовую основу ОРД образуют Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», другие законы, иные источники права. К их числу относятся и нормативные акты, регулирующие организацию и тактику проведения ОРМ, издаваемые органами, осуществляющими ОРД в соответствии с законодательством и в пределах предоставленной им компетенции.

Оперативно-розыскная деятельность, по справедливому утверждению В. А. Гусева, – по существу, единственный вид государственной правоохранительной деятельности, позволяющий на самых ранних этапах развития тщательно замаскированной преступной деятельности выявить ее, предупредить наступление вредных последствий и пресечь преступление. Кроме того, не следует забывать, что ОРД – достаточно эффективный инструмент проверки сообщений о преступлении, так как зачастую даже при наличии повода к возбуждению уголовного дела установить и зафиксировать признаки преступления только уголовно-процессуальными мерами не представляется возможным. Все это предопределяет существенное вторжение оперативно-розыскных органов в частную жизнь граждан [5, с. 40 – 44].

Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [6] (ст. 6, 8, 15) для органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в целях решения задач в этой области предусмотрена возможность ограничивать ряд конституционных прав и свобод граждан. В частности, такие ограничения распространяются на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой

связи, неприкосновенность жилища, неприкосновенность собственности и др.

Поскольку оперативно-розыскная деятельность существенно затрагивает права личности, главным образом при проведении таких оперативно-розыскных мероприятий, как опрос, наведение справок, наблюдение и ряда других, предполагает сбор сведений об образе жизни, поведении, привычках, порочных склонностях, контактах проверяемого лица, большая часть которых относится к сфере частной жизни, использование ее результатов возможно лишь в строго очерченных законом пределах. Назначение обозначенных оперативно-розыскных мероприятий заключается в собирании информации, которая имеет значение для выполнения задач, определенных в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Соответственно, ограничение указанных выше прав граждан осуществляется оперативно-розыскными органами для того, чтобы проверить и задокументировать причастность лица к противоправной деятельности и при необходимости предупредить или пресечь совершение им противоправных действий (бездействия) [7, с. 93].

И. Д. Шатохин и А. Е. Чечетин на основе собранных эмпирических материалов выявили ряд проблем оперативно-розыскной практики, требующих своего разрешения. В числе важных проблем авторы отмечают право на обеспечение равенства всех перед законом, о чем ставился вопрос в каждом третьем из числа изученных ими обращений в Конституционный Суд Российской Федерации. Нарушение этого права связывают, как правило, с неопределенностью норм, регламентирующих проведение ОРМ, прежде всего ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», положения которой оспаривались в 40,6 % обращений [8, с. 63 – 64]. Конечно, такое положение вещей объясняется тем, что оперативно-розыскные мероприятия

составляют основу оперативно-розыскной деятельности, а соответственно, и большая доля нарушений прав и свобод личности связаны с их проведением.

В связи с изложенным возникает необходимость создания надежного механизма от злоупотреблений при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и противоправного ограничения прав личности.

Одним из важных элементов этого механизма должна стать детальная правовая регламентация оснований ограничения неприкосновенности частной жизни при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Этот вопрос требует отдельного рассмотрения в силу определенной несбалансированности российского законодательства. Противоречивы подходы к необходимости судебного санкционирования ограничительных мер в процессе осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

По общему правилу, вытекающему из Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», установлено, что материалы оперативной проверки не являются основанием для ограничения прав и законных интересов физических и юридических лиц (ч. 2 ст. 10). Однако указанный закон допускает применение ограничительных мер в порядке судебного санкционирования. Так, в ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрена необходимость получения судебного решения, но лишь для тех мероприятий, которые ограничивают конституционные права граждан на неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Таким образом, следует полагать, что на проведение иных оперативно-розыскных мероприятий, даже если в ходе их и собираются сведения об отдельных сторонах частной жизни граждан, судебного решения не требуется. Несмотря на кажущуюся оче-

видность этой истины, среди юристов по данному вопросу имеются различающиеся мнения [9, с. 63; 10, с. 10 – 57]. Так, в комментарии к Уголовному кодексу РФ авторы отмечают, что право на неприкосновенность частной жизни граждан «... может быть ограничено только в соответствии с законом на основании судебного решения» [11, с. 82].

Не отрицая важности конституционных принципов обеспечения прав граждан, вместе с тем необходимо отметить, что такой подход далеко не бесспорен. Если следовать логике приведенной позиции, оперативному работнику необходимо получать разрешение судьи на проведение любых оперативно-розыскных мероприятий, даже таких, как опрос и наведение справок, если в ходе их планируется получить сведения об образе жизни, поведении в быту, взаимоотношениях в семье, порочных пристрастиях, круге знакомых и других сведениях о частной жизни проверяемого лица. В подобном случае получается, что на основании судебного решения должна осуществляться не только вся оперативно-розыскная деятельность, но и уголовно-процессуальная, поскольку во время следственных действий также собираются сведения о частной жизни лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления [12, с. 205 – 206].

Кроме того, надо полагать, что такая позиция вступает в противоречие с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором оговорены конкретные обстоятельства, требующие получения судебного решения. Важно обратить внимание на недопустимость необоснованного отождествления общего понятия частной жизни с ее конкретными проявлениями и составными элементами. Хотя нормативно содержание понятия «частная жизнь» не определено, для обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел весьма важно иметь четкое представление о

праве на неприкосновенность частной жизни и его соотношении с другими личными правами граждан, закрепленными в Конституции РФ.

Как отмечает Н. Квитко, российское законодательство ориентировано лишь на защиту тайны личной и семейной жизни и не предусматривает защиту права частной жизни, когда это не связано с нарушением ее тайны. И, как следствие, защита права, предусмотренного ст. 8 Конвенции, для российских граждан оказалась затруднительной. Неудивительно, что в числе жалоб на нарушения прав, которые либо уже рассмотрены Европейским судом, либо находятся в стадии рассмотрения, немалую долю составляют жалобы на нарушения права на уважение частной и семейной жизни. Причем Европейский суд трактует право на уважение личной и семейной жизни очень широко [13].

В общих чертах содержание понятия «частная жизнь» раскрывается в комментарии к ст. 23 и 24 Конституции РФ. Авторы комментария включают сюда сферу личных, интимных, семейных, бытовых и иных отношений человека с окружающим миром, не связанных с выполнением служебных обязанностей. Составными элементами или отдельными сторонами частной жизни при этом рассматриваются неприкосновенность жилища, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, тайна денежных вкладов, состояние здоровья, тайна исповеди, тайна нотариальных действий, а также другие сведения, являющиеся его личной или семейной тайной, которые человек не желает предавать огласке [14, с. 149 – 150; 15, с. 85 – 88; 16, с. 113]. Из изложенного следует, что понятием «частная жизнь» охвачены самые разнообразные стороны жизнедеятельности человека, которые защищаются Конституцией РФ.

Вместе с тем в Определении от 28 июня 2012 г. № 1253-О Конституционный Суд Российской Федерации выска-

зал предельно четкую позицию: «Исходя из предписаний статей 23 (часть 1) и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации, конфиденциальным характером обладает любая информация о частной жизни лица, а потому она во всяком случае относится к сведениям ограниченного доступа. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера; в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит противоправный характер (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2005 года № 248-О, от 26 января 2010 года № 158-О-О и от 27 мая 2010 года № 644-О-О). Соответственно, лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому и сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует Конституция Российской Федерации» [17]. Кроме того, мы разделяем позицию Г. Петровой о том, что «лицо может быть привлечено к ответственности по ст. 137 УК РФ, если оно без согласия потерпевшего незаконно собирало или распространяло сведения о его частной жизни. При этом требуется установить корыстную или иную личную заинтересованность субъекта и реальный вред правам и законным интересам граждан» [18].

Проведенный анализ содержания ст. 23, 24 и 25 Конституции РФ позволяет нам говорить о том, что необходимость получения судебного решения предусмотрена лишь в случаях ограничения двух

конкретных прав граждан: права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23) и права на неприкосновенность жилища (ст. 25). В свою очередь, в соответствии с ч. 1 ст. 23 Конституции РФ не требуется судебного разрешения при необходимости ограничения общего права на неприкосновенность частной жизни. Не предусмотрено вынесения судебного решения и в ст. 24 Конституции РФ, запрещающей сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни граждан без их согласия.

Таким образом, судебные решения требуются при необходимости ограничения лишь отдельных, наиболее защищенных сторон жизнедеятельности личности и не распространяются на право частной жизни в целом. Отсюда можно сделать однозначный вывод о том, что сбор информации о частной жизни граждан в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности не требует судебного разрешения, за исключением таких способов получения сведений, которые ограничивают право на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений, а также на неприкосновенность жилища.

Важной является проблема права на сбор информации о частной жизни граждан. Дело в том, что это право оказалось не закрепленным в Законе об ОРД, в связи с чем может возникнуть сомнение в правомерности сбора такой информации при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Возможность ограничения конституционных прав граждан, в том числе и на неприкосновенность частной жизни, предусмотрена ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в соответствии с которой права и свободы граждан «...могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты <...> прав и законных интересов других лиц». В связи с этим в комментариях к Конституции РФ указы-

вается, что в целях пресечения преступлений допускается сбор персональных данных без согласия лица и соответствующая информация о частной жизни лица может собираться в процессе оперативно-розыскной деятельности [14, с. 156; 15, с. 91]. Это находится в соответствии с международными нормами в области прав человека, которые признают допустимость вынужденного вмешательства в неприкосновенность частной жизни в сфере борьбы с преступностью и рассматривают такие правооградительные меры, какие необходимы в демократическом обществе [19, с. 71].

Следует отметить, что полностью исключить нарушения этих прав и свобод в процессе ОРД практически невозможно, тем более исключить споры о наличии или отсутствии фактов таких нарушений. Так, например, В. Н. Кудрявцев акцентирует внимание на том, что «наряду с несомненными познавательными достоинствами оперативно-розыскные мероприятия в силу своей конспиративности сопряжены с потенциальной опасностью необоснованного ограничения конституционных прав личности» [20, с. 103]. Именно поэтому, отмечает В. А. Гусев, «...в оперативно-розыском законодательстве предусмотрено право человека обжаловать действия органов, осуществляющих ОРД, как средство реализации принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в ОРД. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 5 ФЗ от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих ОРД, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий ОРД, прокурору или в суд» [5, с. 40 – 44].

Обозначенная проблема тесным образом пересекается с другой не менее актуальной проблемой. Речь идет о пределах ограничения прав личности, в частности, права на неприкосновенность частной жизни при осуществлении ОРД.

Их установление позволяет обеспечить необходимый баланс интересов общества и личности, защищает граждан от произвола властей. Необходимость их законодательной регламентации вытекает также из требований Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. относительно законной процедуры получения сведений о личных и семейных тайнах. В то же время нельзя не учитывать, что «...установление границ и пределов действия прав и свобод является одной из наиболее сложных проблем юридической системы» [21, с. 157]. Проблема установления пределов ограничения прав и свобод граждан уже поднималась на страницах научных изданий, где обращалось внимание на необходимость соблюдения принципа соразмерности ограничительных мер целям вводимых ограничений [22, 23, 24].

К сожалению, в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» не установлено каких-либо прямых ограничений для видов и объема собираемой информации о частной жизни граждан. Вместе с тем, как справедливо отмечает В. А. Лукашов, ограничительный характер применения возможностей оперативно-розыскной деятельности является «непременным условием» проведения оперативно-розыскных мероприятий [25, с. 75]. Также о необходимости ограничительных мер при проведении оперативно-розыскных мероприятий указывал авторский коллектив Омской академии МВД России в комментариях к федеральному закону, отмечая, что «ОРМ могут проводиться только тогда, когда иными средствами невозможно обеспечить выполнение задач, предусмотренных ст. 2 Закона об ОРД» [26, с. 23; 27, с. 52]. Однако это не означает полного отсутствия каких-либо ограничений на ее получение, поскольку такие ограничения содержатся в других федеральных зако-

нах. Необходимо учитывать, что в российском законодательстве установлены специальные режимы сбора, хранения и распространения значительного объема информации частной жизни граждан, относимые к коммерческой, банковской, врачебной, нотариальной, журналистской и ряду других видов тайн. Доступ к таким сведениям законодатель значительно ограничил кругом допущенных к ним субъектов и не включил в него сотрудников оперативных аппаратов. Правом получения этой информации обладают лишь органы предварительного следствия по находящимся в их производстве уголовным делам. Между тем законодательно следовало бы предусмотреть возможность доступа к таким сведениям сотрудников оперативных аппаратов в случаях раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений.

Для успешного решения задач обеспечения прав личности и осуществления оперативно-розыскной деятельности, создания необходимых условий для сбора оперативно-розыскной информации представляется целесообразным дополнить ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», регламентирующую права оперативных аппаратов, нормой, позволяющей получение в определенных случаях сведений конфиденциального характера. Одновременно эта норма должна найти отражение и в других затрагивающих эти отношения законодательных актах.

Кроме того, говоря об установлении пределов вмешательства оперативно-розыскных служб в частную жизнь граждан, необходимо внести изменения и в ст. 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», где указать конкретные основания заведения дел оперативного учета, порядок санкционирования, сроки оперативно-розыскного производства, условия прекращения, в том числе в случаях неподтверждения первичной информации. Изложенные предложения приносят заряд гласности

в столь специфичную сферу человеческих отношений, которую призван регу-

лировать Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Черненко А. Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России. СПб., 1999. 273 с.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Обеспечение прав человека : учебник / под общ. ред. Ю. В. Анохина. 2-е изд., испр. и доп. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. 756 с.
4. Анохин Ю. В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. 50 с.
5. Гусев В. А. Обжалование действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Законность. 2012. № 1. С. 40 – 44.
6. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Азаров В. А., Кузнецов Е. В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. 202 с.
8. Шатохин И. Д., Четчин А. Е. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: монография. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. 208 с.
9. Бондарь Т. И. О соблюдении конституционных прав граждан при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий органами внутренних дел // Соблюдение прав и свобод личности в деятельности органов внутренних дел : материалы научно-практического семинара. М., 2001. 281 с.
10. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1998. № 6. С. 10 – 57.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. 592 с.
12. Анохин Ю. В. Государственно-правовое обеспечение прав личности (теоретический аспект) : монография. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2004. 191 с.
13. Квитко Н. Суд – европейский, проблемы – российские // Законность. 2007. № 1. С. 12 – 18.
14. Конституция Российской Федерации : комментарий / под ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. М., 1994. 624 с.
15. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л. А. Окунькова. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1996. 634 с.
16. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. В. Лазарева. М., 1997. 871 с.
17. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации».
18. Петрова Г. Защита неприкосновенности частной жизни // Законность. 2003. № 6. С. 43 – 44.
19. Алексеева Л. Б. Свобода от вмешательства в личную и семейную жизнь (Международные нормы и стандарты) // Комментарий российского законодательства. М., 1997. С. 62 – 74.
20. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. 2-е изд. испр. и доп. М., 2005. 366 с.
21. Общая теория прав человека / под ред. Е. А. Лукашевой. М., 1996. 520 с.
22. Подмарев А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 235 с.
23. Барбин В. В. Конституционно-правовые основания ограничений основных прав и свобод человека и гражданина и их реализация в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 185 с.

24. Должиков А. В. Конституционные критерии допустимости ограничения основных прав человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. 367 с.

25. Проблемы оперативно-розыскной деятельности : сборник избранных работ В. А. Лукашова / сост. К. К. Горяинов, А. П. Исиченко, А. В. Вандышев. М., 2000. 152 с.

26. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. В. В. Николюка, В. В. Кальницкого, А. Е. Чечетина. Омск, 1996. 186 с.

27. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. В. В. Николюка. М., 2003. 200 с.

© Анохин Ю. В.

© Полякова В. Ю.

УДК 343.985.7:[343.72:004]:343.983.25

В. Р. ГАЙНЕЛЬЗЯНОВА, *старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)*

V. R. GAINELZYANOVA, *Senior Instructor of the Department of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)*

ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОЙ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

POSSIBILITIES OF FORENSIC COMPUTER-TECHNICAL EXPERTISE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Аннотация. В статье рассматриваются специфические особенности назначения судебной компьютерно-технической экспертизы при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, поскольку нынешнее состояние общества характеризуется интенсивным совершенствованием и внедрением информационно-телекоммуникационных технологий. Также подробно обозначены методические и практические рекомендации судебно-экспертного процесса при расследовании указанной категории преступлений. Перечисляются объекты, с которыми сталкивается следователь при производстве следственных действий. Определяются тактические особенности постановки вопросов для компьютерно-технического исследования, как современного рода судебных инженерно-технических экспертиз. Кроме того, проанализирован исторический аспект возникновения и развития указанного рода экспертиз, вместе с тем продемонстрированы современные статистические сведения совершения преступлений с использованием высоких технологий. Рассмотрены проблемы оценки и использования результатов судебной компьютерно-технической экспертизы в процессе расследования. Приведены мнения ученых по характеристике специальных знаний. Представлены некоторые примеры из правоприменительной практики преступных деяний, совершаемых с использованием высоких технологий.

Ключевые слова и словосочетания: судебная экспертиза, высокие технологии, компьютерная техника, информационные технологии, электронно-вычислительная техника, электронные носители информации.

Annotation. The article deals with the specific features of sentencing of forensic computer-technical expertise in the investigation of crimes in the field of computer information, since the current state of the community is characterized by intensive development and implementation of information and telecommunication technologies. The methodological and practical recommendations of the forensic expert process in the investigation of this category of crimes are also outlined in detail. The objects that the investigator encounters when performing investigative actions are listed. The article defines the tactical features of setting questions for computer-technical research, as a modern kind of forensic engineering and technical expertise. In addition, the historical aspect of the emergence and development of this type of expertise is analyzed, at the same time, modern statistical data on the commission of crimes using high technologies are demonstrated. The problems of evaluating and using the results of forensic computer-technical expertise in the investigation process are considered. The opinions of scientists on the characteristics of special knowledge are given. Some examples from the law enforcement practice of criminal acts committed with the use of high technologies are presented.

Keywords and phrases: forensic examination, high technology, computer technology, information technology, electronic computing equipment, electronic media.

Современное российское общество характеризуется интенсивным развитием и стремительным внедрением информационных технологий в различные области жизнедеятельности человека. Уже достаточно полно сформировано глобальное информационное сообщество с разветвленной системой информационных телекоммуникаций. Одним из негативных последствий процесса информатизации общества является появление так называемой компьютерной преступности. Борьба с компьютерными преступлениями для современного общества, насыщенного информационными компьютерными технологиями, стала одной из первоочередных задач.

Исходя из анализа правоприменительной практики на сегодняшний день уровень преступности растет в таких сферах деятельности, как несанкционированный доступ к охраняемой законом информации, мошенничества с использованием различных дивайсов, мошенничества с платежными системами и банкоматами, распространение детской порнографии и др. Так, число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной

информации, ежегодно увеличивается. За январь – декабрь 2020 года число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4 %, в том числе с использованием сети Интернет – на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи – на 88,3 % [1]. Для всестороннего и объективного расследования вышеуказанные обстоятельства подтолкнули к необходимости получения доказательственной информации с различных видов устройств и электронных носителей информации.

Мы разделяем мнение Трапезниковой И. И., которая считает, что независимым условием интеграции форм использования специальных знаний в уголовном процессе на процессуальные и непроцессуальные, является устремленность результата, получаемого при применении той или иной формы использования специального знания [2, с. 6].

Все более ориентированными специальными знаниями при расследовании дел данной категории становятся знания в области компьютерной информации [3, с. 3].

Так, основной формой использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных

с применением высоких технологий, является производство судебной компьютерно-технической экспертизы. Рассматривая ретроспективный анализ возникновения и развития указанного рода экспертиз, обозначим, что она получила свое развитие и формирование с 1990-х годов, как производство специфического вида экспертиз.

При расследовании преступлений указанной категории следователю приходится работать с такими специфическими объектами, как: информация, зафиксированная в электронной форме; программное обеспечение, средства компьютерной техники и сетевые технологии. Экспертное исследование данных объектов позволяет предоставить в распоряжение следователя сведения, отражающие механизм совершенного преступления, дает возможность определить параметры средств компьютерной техники, их отношения к обнаруженной информации и друг другу, а также другие не менее важные обстоятельства.

Необходимым условием использования специальных знаний в сфере компьютерных технологий при расследовании преступления является наличие у следователя правильных представлений о целесообразности и реальных возможностях использования знаний привлекаемых специалистов, а также информации о данных специалистах и возможности установления контакта с ними [4, с. 151].

Анализ преступлений, совершенных в сфере телекоммуникации, показывает, что наличие типичных следов преступного пользования ресурсами связи зависит от технологических особенностей их построения. Виртуальный механизм следообразования определяется наличием специальных программ, идентификационных номеров законных пользователей компьютерной информации.

В настоящее время в рамках таких экспертиз выделяются два вида:

– техническая экспертиза компьютеров и их комплектующих, которая прово-

дится в целях изучения конструктивных особенностей и состояния компьютера, его периферийных устройств, магнитных носителей и пр., компьютерных сетей, а также причин возникновения сбоев в работе вышеуказанного оборудования;

– экспертиза данных и программного обеспечения, осуществляемая в целях изучения информации, хранящейся в компьютере и на магнитных носителях.

В целях четкого понимания выделим объекты, направляемые для производства подобного вида экспертизы, к ним относятся: электронно-вычислительная техника, системные блоки, сканеры, клавиатура, модемы, принтеры, жесткие оптические диски, классификаторы, технические задания, телефонные аппараты, электронные носители информации, электронные записные книжки и пр.

При составлении постановления о назначении судебного компьютерно-технического исследования рекомендуем указывать индивидуальные особенности, серийные номер, конфигурацию, имеющиеся надписи компьютера.

Отметим, что вопросы, выносимые на разрешение компьютерно-технической экспертизы, в частности их постановка, зависят от стоящих перед следствием задач и специфики объектов исследования для установления конструктивных особенностей, состояния компьютеров, периферийных устройств, магнитных носителей и пр., компьютерных сетей, причин возникновения сбоев в работе указанного оборудования, а также достоверности информации, хранящейся в компьютере и на магнитных носителях.

Вопросы, выносимые на разрешение компьютерно-технической экспертизы, заключаются в выяснении сведений, связанных с моделью, техническими характеристиками периферийных устройств, датой и местом изготовления и сборки комплектующих элементов, самого компьютера; наличия соответствия устройства технической периферийной

документации (могут быть установлены дополнительные жесткий диск, флеш-карты и др.). Возможности данной экспертизы направлены на установление наличия неисправности устройства и его комплектующих, причины износа, дефектов периферийных устройств и магнитных носителей.

Определяя диагностические задачи, стоящие перед компьютерно-технической экспертизой, необходимо подчеркнуть, что ею решаются вопросы, касающиеся разновидностей операционной системы, содержания сведений, находящихся на электронных носителях информации, программы. Расшифровывая исследуемые программы на устройстве, определяется их назначение, алгоритм работы. Важно добавить, что в процессе диагностирования наличия различных программ, распознается, является ли она лицензионной, не вносились ли какие-либо коррективы, изменяющие алгоритм работы некоторых операций. Вместе с тем ставится вопрос о возможности восстановления удаленных файлов и каково их содержание.

Нередко разновидностью преступных действий по указанной категории преступлений является модификация информации. Модификация информации – это внесение изменений в компьютерную информацию (в том числе изменение ее параметров) без согласия ее законного обладателя. Действующим законодательством разрешены следующие виды легальной модификации программ, баз данных лицами, правомерно владеющими этой информацией: а) модификация в виде исправления явных ошибок; б) модификация в виде внесения изменений в программы, базы данных для их функционирования на технических средствах пользователя; в) модификация в виде частной декомпиляции программы для достижения способности к взаимодействию с другими программами.

Так, Сургутским городским судом рассмотрены материалы уголовного дела

в отношении Х. Д. В. и А. М. М., которые с целью хищения чужих ценностей путем предварительного преступного сговора, применяя специальный код, с помощью извлечения доступа к учетным данным клиентов на сайте и создания повода под предлогом обмена кодов, посредством сети Интернет, в том числе осознавая особенности своих преступных действий Х. Д. В. и А. М. М. совместно, умышленно, из корыстных побуждений продумали действия, направленные на несанкционированный доступ к компьютерной информации и совершение мошеннических действий. Далее Х. Д. В. и А. М. М., работая в группе лиц по предварительному сговору, находясь по месту проживания А. М. М., где был доступ к подключению сети Интернет, при помощи своих знаний и навыков в сфере высоких технологий и своей электронно-вычислительной техники, умышленно, из корыстных заинтересованности, для дальнейшего совершения неправомерного доступа к учетным записям клиентов сайта продолжал совместные преступные действия с целью похищения ценностей граждан, а именно кодов. Посредством сети Интернет заполучили у неизвестного лица логины и пароли для доступа в зашифрованном виде, после чего Х. Д. В. и А. М. М., действуя совместно, находясь в жилище А. М. М., реализуя совместный преступный умысел, который был направлен на совершение мошеннических действий посредством неправомерного доступа к компьютерной информации, расшифровывали пароли для свободного доступа к учетным записям клиентов сайта. При производстве судебной компьютерной технической экспертизы установлено, что своими преступными действиями была осуществлена модификация информации, расположенная в основании данных сайта [5].

В процессе работы с компьютером эксперт имеет возможность установить наличие сбоев при функционировании отдельных программ, в том числе причи-

ны сбоев, и не вызваны ли они влиянием определенного вируса. Вместе с тем проверяется возможность восстановить поврежденную вирусом программу.

Рассматривая идентификационные задачи, компьютерно-технической экспертизой устанавливаются обстоятельства, связанные печатными платами, электронными носителями, то есть комплекующими компьютера.

Кроме приведенного выше списка задач, предусматривающих решение с помощью компьютерно-технической экспертизы, для использования на практике в зависимости от объекта исследования и конкретной обстановки приведем дополнительные примеры, расширяющие перечень вопросов, подлежащих выяснению при исследовании таких объектов, как носители информации, программное обеспечение, базы данных и аппаратное обеспечение ЭВМ.

При исследовании электронных носителей информации разрешаются следующие специфические вопросы:

1. Каков тип носителя, его технические характеристики (на каких типах ЭВМ может быть использован, максимально допустимая емкость записи и пр.)?
2. Имеет ли носитель механические повреждения?
3. Как размечен носитель, в каком формате информация записана на него?
4. Как информация физически размещена на носителе (для лент – последовательность записи, для дисков – сектора, дорожки, цилиндры и пр.)?
5. Имеются ли повреждения информации (плохие сектора, потерянные блоки и пр.)?

Существенным будет отметить спектр вопросов, разрешаемых при исследовании программного обеспечения. Так, под программным обеспечением (программами для ЭВМ) понимается совокупность сведений, данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных

устройств с целью получения определенного результата, хранящиеся на оптических, магнитных или электронных носителях информации. Технические приемы внедрения используются преступниками для скрытной установки в компьютерную систему вредоносного кода. Для этого используются различные уязвимости в системе безопасности операционных систем и программного обеспечения [6, с. 13]

Вместе с тем при производстве экспертизы программного обеспечения разрешаются вопросы, связанные с функциональным назначением, разработчиком программного обеспечения. Также устанавливаются обстоятельства, связанные с процессом распространения, наличием лицензии на использование данной программы, в том числе определяются формы входных, выходных данных, временные файлы, папки их содержание и др.

Так, в соответствии с приговором Калининского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан, где Р. Ф. Р., который при подготовке к совершению преступления изучил правила по использованию вредоносных программ в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, для осуществления незаконного копирования информации, обладая достаточными сведениями в области компьютерной информации, совершил использование компьютерной программы. Так, находясь по месту своего проживания, используя свой ноутбук, занес на него вредоносную компьютерную программу, заведомо созданную для неправомерного копирования компьютерных сведений, реализовал незаконное воздействие. В соответствии с протоколом осмотра места происшествия и заключением эксперта установлено, что на жестком диске ноутбука находилась программа для подготовки сведений и работы, а также обработки компьютерной информации. Кроме того, на компьютере обнаружены признаки запуска програм-

мы. Основным ее предназначением является неправомерное влияние на сетевые ресурсы для перенесения сведений баз данных [7].

Анализ заключений судебных компьютерно-технических экспертиз и непосредственная беседа с ведущими экспертами отдела компьютерно-технических экспертиз Экспертно-криминалистического центра МВД по Республике Башкортостан позволили выделить следующие проблемы:

1. Сроки производства судебных компьютерно-технических экспертиз часто увеличиваются в связи с тем, что инициаторы исследования до назначения экспертиз не консультируются по правильной формулировке вопросов. В связи с этим часто выносятся вопросы, выходящие за пределы компетенции экспертов, или решение которых занимает продолжительное время.

2. В рамках одного вынесенного постановления о назначении судебной компьютерно-технической экспертизы направляются на исследование несколько объектов. Вместе с тем рекомендуется на каждый объект, то есть на системные блоки, накопители на жестких магнитных дисках, ноутбуки выносить отдельное постановление, чтобы в последствии при производстве экспертизы на каждый

объект оформлялось содержательное заключение, поскольку на производство многообъектных экспертиз затрачивается больше времени, выводы перегружаются описанием информации с разных объектов и тяжелы для восприятия.

3. При предоставлении постановления о назначении судебной компьютерной технической экспертизы следователями доставляются либо не соответствующие делу материалы, либо не в должном их количестве, которое необходимо для проведения исследования.

4. Нередко, имеют место факты несвоевременного назначения судебной компьютерно-технической экспертизы. Зачастую проходит значительное время после того, как следователь выносит постановление до момента поступления в экспертно-криминалистический центр, что негативно сказывается на процессуальных сроках расследования.

Для решения указанных проблем и, соответственно, эффективного, всестороннего и объективного расследования уголовных дел указанной категории имеется необходимость усиления взаимодействия между следственными и экспертными подразделениями как в период назначения, так и во время производства судебной компьютерно-технической экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года, Москва 2020. URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/02/december.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).
2. Трапезникова И. И. Специальные знания в уголовном процессе России (понятие, признаки, структура) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 22 с.
3. Бердникова О. П. Особенности первоначального и последующего этапов мошенничества в сфере компьютерной информации: учебное пособие / О. П. Бердникова. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2019 – 56 с.
4. Шаевич А. А. Особенности использования специальных знаний в сфере компьютерных технологий при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 195 с.
5. Приговор Сургутского Городского суда № 1-762/2017 от 13 ноября 2017 года.
6. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации : учебное пособие. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2019. 75 с.
7. Приговор Калининского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан № 1-499 / 2017 от 14 ноября 2017 года.

© Гайнелзянова В. Р.

УДК 343.123.11:[343.59:902.2](470)

С. А. ЯНИН, начальник учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Волгоград)

S. A. YANIN, Head of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs bodies of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Volgograd)

**СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ СВЕДЕНИЙ
О СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ
СТАТЬЯМИ 243² И 243³ УК РФ**

**PECULIARITY OF THE PROCEDURAL VERIFICATION OF INFORMATION
ABOUT THE COMMISSION OF CRIMES STIPULATED BY ARTICLES 243²
AND 243³ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам процессуальной проверки по фактам совершения преступлений в отношении археологических предметов и культурных ценностей. Отмечены сложности выявления преступлений рассматриваемых видов, на основе анализа судебно-следственной практики, научных источников сформулированы типичные поводы для возбуждения уголовных дел по фактам совершения преступлений, предусмотренных ст. 243² УК РФ, с учетом отсутствия возбужденных уголовных дел спрогнозированы типичные поводы для возбуждения уголовных дел по фактам совершения преступлений, предусмотренных ст. 243³ УК РФ. Перечислены обстоятельства, подлежащие установлению в целях решения задач этапа процессуальной (доследственной) проверки. Сформулированы основания для возбуждения уголовных дел о совершении рассматриваемых преступлений. С учетом правоприменительной практики предложены рекомендации по мероприятиям, составляющим содержание доследственной проверки, и их должному оформлению.

Ключевые слова и словосочетания: культурное наследие, археологические предметы, расследование преступлений, процессуальная проверка, уничтожение, повреждение, культурный слой.

Annotation. The article is devoted to some aspects of the procedural verification of crimes committed in relation to archaeological objects and cultural values. Certain difficulties in identifying crimes of this species on the basis of analysis of investigative and judicial practice and scientific sources are pointed out, typical reasons for initiation of criminal cases on the facts of Commission of crimes provided for by article 243² of the Criminal Code of the Russian Federation are noted, lack of criminal cases predicted by typical reasons for initiation of criminal cases on the facts of Commission of crimes under art. 243³ of the Criminal code of the Russian Federation is pointed out. The circumstances to be established in order to solve the tasks of the stage of procedural (pre-investigation) verification are listed. The grounds for initiating criminal cases on the Commission of the considered crimes are formulated. Taking into account the law enforcement practice, recommendations are made on the measures that make up the content of the pre-investigation check and their proper registration.

Keywords and phrases: cultural heritage, archaeological items, crime investigation, procedural verification, destruction, damage, cultural layer.

«Сохранение исторического и культурного наследия, заключенного в объектах (предметах), сокрытых в земле, воде и иной среде, как верно отмечает С. Л. Баграмян, рассматривается в современном мире как одно из важнейших направлений глобальной культурной политики, как неотъемлемая норма при решении любых задач современного развития» [1, с. 29].

Несмотря на то, что в общей структуре преступности в России преступления, посягающие на археологическое наследие, традиционно составляют небольшую долю [2], последствия их совершения крайне отрицательно сказываются на отечественной культуре. Государством утрачиваются предметы, по которым можно реконструировать его историю, доказать или опровергнуть сложившиеся относительно различных исторических событий мнения, установить ранее неизвестные факты.

Расследование преступлений данной категории, а именно незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания, а также уклонения от передачи обнаруженных археологических предметов государству, предусмотренные соответственно статьями 243² и 243³ УК РФ, имеет ряд особенностей, обусловленных, в том числе, и способами их выявления.

Выявить же такие преступления порой достаточно сложно по причинам, отмеченным Х. А. Аккаевой:

- «они совершаются в заброшенных деревнях либо старинных стоянках, курганах, которые, в основном, расположены в удаленной местности (лесах, полях);
- сотрудники правоохранительных органов не могут постоянно наблюдать за такой удаленной местностью, где могут осуществляться незаконный поиск и изъятие археологических предметов;
- значительная часть земель, имеющих места залегания археологических

предметов, находится в частной собственности, в связи с этим невозможно привлечение к уголовной ответственности лиц, осуществляющих поиск на полях, культурный слой которых поврежден сельскохозяйственной техникой» [3, с. 338 – 339].

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, решение о возбуждении уголовного дела по данным фактам предусматривает наличие совокупности двух условий, установленных УПК РФ:

- наличие повода, то есть источника информации, из которого правоохранительным органам становится известным о факте правонарушения;
- наличие оснований, то есть фактических данных, свидетельствующих о наличии признаков преступления в выявленном факте.

Отсутствие хотя бы одного из них повлечет за собой невозможность возбуждения уголовного дела и производства расследования. Установить наличие этих условий возможно в ходе проведения процессуальной (иначе – следственной) проверки в порядке ст. 144 УПК РФ.

Результаты изучения судебно-следственной практики¹ по преступлениям, предусмотренным ст. 243² УК РФ, позволяют прийти к выводу о том, что типичным поводом для возбуждения уголовного дела является сообщение о совершенном преступлении, полученное из иных источников. Представляется, что аналогичный повод для возбуждения уголовного дела может быть характерен и для преступлений, предусмотренных ст. 243³ УК РФ, по которым на сегодняшний день отсутствует судебно-следственная практика (при этом мы исходим из указанного в диспозиции статьи способа совершения преступления и логики возможных действий преступников).

При этом по факту незаконного поиска и (или) изъятия археологических

1 Автором были изучены материалы 48 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 243² УК РФ, по различным регионам Российской Федерации, начиная с 2013 г.

предметов из мест залегания сообщение о преступлении представляет собой рапорт сотрудников органа дознания об обнаружении признаков преступления с приложением материалов оперативно-разыскной деятельности, документов по факту задержания фигурантов с полным при непосредственном выявлении противоправных действий.

Так, например, Горобец совместно с Дегтяревым, Королевым и Нестеренко 18 июня 2014 г. в период времени с 11 часов 00 минут по 13 часов 45 минут, находясь на территории курганно-грунтового могильника в Апшеронском районе Краснодарского края, осознавая, что указанный могильник является древним захоронением и представляет культурно-историческую ценность, с целью изъятия археологических предметов из мест залегания под землей, действуя в составе группы лиц по предварительному сговору, умышленно, без специального разрешения (открытого листа), в нарушение ст. ст. 45.1 и 45.2 ФЗ от 25.06.2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», используя для облегчения поиска металлическую лопату, действуя поочередно, приступили к раскопкам курганно-грунтового могильника. В результате их совместных действий ими была выкопана яма глубиной 74 см, длиной 300 см и шириной 210 см, то есть поврежден культурный слой. В 13 часов 45 минут 18 июня 2014 г. незаконная деятельность Горобца, Дегтярева, Королева и Нестеренко была пресечена сотрудниками Управления ФСБ России по Краснодарскому краю [4].

По факту уклонения указанных в законе (ст. 243³ УК РФ) лицами от передачи обнаруженных культурных ценностей государству сообщение, полученное из иных источников, может представлять собой рапорт об обнаружении признаков преступления с приложением материалов оперативных разработок по фактам иных

преступлений, когда у задержанных обнаруживаются археологические предметы, либо выявления и документирования факта незаконного оборота археологических предметов, то есть административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.15.1 КоАП РФ, когда выясняется, что лицо в ходе проведения мелиоративных, земляных и др. видов работ обнаружило археологический предмет, однако в дальнейшем не передало его государству в установленном порядке, уклонилось от сдачи, оставило себе либо стало сбывать.

По преступлениям, предусмотренным ст. 243³ УК РФ, в число поводов (исходя из обстоятельств, при которых может быть выявлен факт непередачи государству археологических предметов), может также добавиться заявление о преступлении. Оно может быть подано уполномоченными лицами Института археологии Российской академии наук, музея, органа по охране культурного наследия по субъекту РФ в случае, когда руководитель археологических полевых работ после их окончания и сдачи научного отчета с приложением необходимой документации в Институт археологии Российской академии наук не сдал обнаруженные археологические предметы.

Как справедливо отмечает М. В. Кардашевская, задача этапа проверки сообщения о преступлении – «собрать в ходе производства следственных действий и проверочных мероприятий сведения о том, что совершено преступление» [5, с. 17], то есть установить наличие оснований для возбуждения уголовного дела. При этом определяющими факторами для принятия впоследствии законного процессуального решения будут являться качество проводимых проверочных действий и их полнота.

Стоит отметить, что в зависимости от вида проверяемых событий содержание проверки может существенно отличаться в силу того, что УПК РФ не содержит алгоритма ее проведения, и устанавливает лишь сроки и предлагает общий пере-

чень возможных «инструментов» – тех действий, которые могут быть осуществлены до возбуждения уголовного дела. Как именно применить такой инструментарий (то есть, по сути, содержание доследственной проверки), определяет конкретный правоприменитель – дознаватель, следователь, сотрудник органа дознания – в ходе исследования обстоятельств события.

Представляется, что решение задач этапа доследственной проверки по преступлениям, предусмотренным ст. 243² УК РФ, предполагает необходимость установления следующих обстоятельств:

1. Обязательных:

- факта производства поисковых действий, направленных на обнаружение и изъятие археологических предметов;
- факта отсутствия у «поисковика» разрешения (открытого листа) на указанный вид деятельности в конкретной местности;
- факта повреждения или уничтожения культурного слоя.

При этом для установления состава преступления в действиях лица перечисленные обстоятельства должны быть установлены в комплексе. В противном же случае при отсутствии поисковых действий какая-либо противоправность деяния исключается; при наличии разрешения (открытого листа) действия по поиску археологических предметов (даже если имеют место быть нарушения методики проведения археологических полевых работ, указанные в Положении о порядке проведения таких работ [6]) с точки зрения закона правомерны; неповреждение культурного слоя с учетом материальности состава данного преступления, то есть необходимости наступления общественно опасных последствий в виде уничтожения либо повреждения культурного слоя при поиске или изъятии археологических предметов, превращает деяние из преступления в административное правонарушение, предусмотренное ст. 7.15 КоАП РФ «Ведение археологических

разведок или раскопок без разрешения».

2. Факультативных:

- в случае обнаружения у задержанного лица ископаемых предметов – факта отнесения таковых к археологическим;
- в случае проведения незаконных действий по поиску и (или) изъятию археологических предметов на территории, относящейся к объектам культурного, в том числе, археологического, наследия (памятникам истории и культуры народов Российской Федерации) – факта включения такой территории в единый государственный реестр как объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации или выявленных объектов культурного наследия.

Как показывает практика, не все сотрудники органа дознания владеют информацией о том, как надлежащим образом установить, проверить и закрепить перечисленные выше факты, в связи с чем зачастую возникает необходимость в доработке представляемых в следственное подразделение материалов проверки.

Для надлежащего закрепления сведений, имеющих значение для принятия обоснованного процессуального решения, предлагается проведение следующих проверочных действий:

- 1. Осмотр места происшествия либо обследование помещений, зданий, сооружений в целях фиксации вещной обстановки, закрепления следов преступления.** При этом местом преступления может являться как участок местности, где осуществлены незаконные раскопки, так и место хранения ранее найденных археологических предметов и культурных ценностей, которые не были переданы в Музейный фонд России после проведения земляных работ, как того требует действующее законодательство. При поведении перечисленных действий следователю, дознавателю необходимо обратить внимание на обнаружение, фиксацию и изъятие следов преступления, которыми могут являться инстру-

менты, использованные при проведении раскопок, вспомогательные предметы (фонари, металлоискатели и т. п.), сами археологические предметы либо их фрагменты, следы обуви, транспортных средств, частицы грунта на одежде задержанных, следы рук на инструментах и поисковых приборах и т. п.

2. Получение объяснений задержанного, участников задержания, его очевидцев, лиц, проводивших оперативно-разыскные мероприятия, представителей территориальных органов охраны культурного наследия, привлекаемых специалистов-археологов и т. п. в целях закрепления идеальных следов преступления. В данном случае мы считаем, что опрос «археолога» целесообразно провести на месте задержания, так как стрессовая ситуация для фигуранта, невыстроенная им линия защиты, сложность опровергнуть очевидные факты, под которыми понимаются следы преступления на местности и его теле, одежде, транспортом средства, позволят получить правдивые сведения, на основании которых (даже в случае отказа от них впоследствии) возможно будет установить иные значимые для дела обстоятельства, объяснить наличие которых для отрицающего вину подозреваемого, обвиняемого будет затруднительно. При опросе участников задержания необходимо выяснить подробности задержания, которое они наблюдали либо в котором были непосредственно задействованы. При этом стоит акцентировать внимание на поведении задержанного лица, его объяснении произошедшего, местах обнаружения следов преступления, археологических предметов. Специалисты-археологи, сотрудники органов охраны культурного наследия опрашиваются относительно статуса местности, где производились раскопки, границ археологического объекта и т. п.

3. Истребование из территориальных органов по охране объектов культурного наследия администрации субъекта РФ документов, подтверждающих принад-

лежность объекта, на котором производились незаконные действия, к объектам (в т. ч. выявленным) археологического наследия, для опровержения возможной версии задержанных лиц о случайности поиска археологических предметов именно в данном месте.

4. Истребование из Министерства культуры РФ сведений относительно наличия плана спасательных археологических полевых работ на участке местности, где были выявлены противоправные действия по поиску или изъятию археологических предметов, а также получения задержанным лицом (лицами) разрешения (открытого листа) Минкультуры России на право проведения в данной местности археологических раскопок в целях исключения версии проведения задержанными лицами разрешенных археологических полевых работ.

5. В случае, если производится незаконный поиск археологических предметов с последующим их сбытом – проведение оперативно-разыскного мероприятия «Проверочная закупка» и предоставление его результатов следователю.

6. Получение справки специалиста (археолога) либо заключения эксперта (при проведении историко-культурной археологической экспертизы) о принадлежности обнаруженных предметов к археологическим, а также о повреждении либо уничтожении культурного слоя, отнесении ископаемых предметов к имеющим особую культурную ценность либо культурным ценностям в крупном размере.

При этом перечисленные мероприятия должны быть надлежащим образом задокументированы, в противном же случае установить основания для возбуждения уголовного дела (либо доказать вину фигуранта в инкриминируемом ему деянии) впоследствии не представится возможным. С учетом перечисленных мероприятий материалы проверки информации о совершении преступления, предусмотренного ст. 243² УК РФ, долж-

ны составлять следующие документы:

1. Протокол принятия устного заявления о преступлении, заявление о преступлении или рапорт органа дознания об обнаружении признаков преступления (в зависимости от способа выявления факта преступления).

2. Протокол осмотра места происшествия.

3. Объяснения фигурантов события (сотрудников правоохранительного органа, выявивших факт совершения преступления, проводивших задержание, участвовавших в оперативно-разыскных мероприятиях; понятых, очевидцев задержания; задержанного; представителя органа охраны культурного наследия).

4. Копия решения Правительства Российской Федерации либо органа власти субъекта РФ об отнесении объекта, где проводился неправомерный поиск археологических предметов, к объектам культурного наследия.

5. Копия приказа Минкультуры России о регистрации объекта в качестве объекта культурного наследия в едином государственном реестре с присвоением регистрационного номера.

6. Копия паспорта объекта культурного наследия.

7. Копии документов, устанавливающих личность физических лиц.

8. Копия Плана спасательных археологических полевых работ, копия разрешения (открытого листа) Минкультуры России на право проведения археологических раскопок на объекте культурного наследия либо ответы уполномоченных должностных лиц об отсутствии вышеперечисленных документов.

9. Протокол личного досмотра задержанного, изъятые при этом предметы.

10. В случае, если проводилась проверочная закупка – постановление о проведении оперативно-разыскного мероприятия, постановление о передаче результатов оперативно-разыскной деятельности следователю, постановление о рассекречивании материалов оператив-

но-разыскной деятельности; протоколы личного досмотра закупщика, задержанного; протокол осмотра денежных купюр, специальных технических средств (аудио-, видеозаписи); протокол добровольной выдачи (закупщиком полученных денежных средств); акт проверочной закупки.

11. При проведении такого оперативно-разыскного мероприятия, как прослушивание телефонных и иных переговоров, к вышеперечисленным постановлениям прилагается также судебное решение о разрешении оперативно-разыскного мероприятия, фонограммы записи и расшифровки переговоров.

Для проверочных действий по преступлению, предусмотренным ст. 243³ УК РФ, требуется установить:

– факт проведения земляных, мелiorативных, строительных, хозяйственных, иных работ, археологических полевых работ и обнаружения при этом ископаемых предметов;

– отнесение их к имеющим особую культурную ценность либо к культурным ценностям в крупном размере.

В процессе доследственной проверки по признакам совершения преступления, предусмотренного ст. 243³ УК РФ, необходимо проведение следующих проверочных действий:

1. Получение объяснений участников события (свидетелей-очевидцев, сотрудников правоохранительных органов, проводивших оперативно-разыскные мероприятия либо задержание с поличным, представителей территориальных органов Минкультуры России, Института археологии Российской академии наук, подсобных рабочих, задействованных в проводившихся работах, членов археологической экспедиции и т. п.). При этом должно быть акцентировано внимание на вопросах, касающихся выяснения оснований для проведения работ, их вида, цели, локализации, обстоятельств обнаружения археологических предметов, действиях руководителя работ относи-

тельно обнаруженных артефактов, их характеристик, осведомленных об этом лицах, факте сдачи (несдачи) научного отчета.

2. Истребование в соответствующих органах (организациях) сведений, подтверждающих факт согласования, проведения работ конкретного вида (земляных, строительных, мелиоративных и др.), в ходе которых были обнаружены обязательные к передаче государству предметы.

Так, например, в случае проведения мелиоративных работ интересующие следствие сведения можно получить из подведомственных Департаменту мелиорации Министерства сельского хозяйства РФ организаций, расположенных в субъектах РФ, список которых размещен на официальном сайте Минсельхоза РФ в сети Интернет [7].

Правила проведения земляных работ установлены нормативными правовыми актами Министра РФ и Минрегионразвития РФ. Для их осуществления требуется разрешение местной администрации, куда следователь и должен направить соответствующий запрос.

Строительные работы на местности проводятся на основании разрешения местных органов власти (при этом согласование производит Госстройнадзор – Инспекция государственного строительного надзора по субъекту РФ).

3. Истребование из Института археологии РАН сведений относительно результатов проведения археологических полевых работ, в ходе которых были обнаружены обязательные к передаче государству предметы.

4. Получение у специалиста-искусствоведа справки о принадлежности обнаруженных предметов к имеющим особую культурную ценность, а также об их стоимости.

По результатам перечисленных выше мероприятий для принятия обоснованного решения в порядке ст. 145 УПК РФ по

факту совершения преступления, предусмотренного ст. 243³ УК РФ, должен быть сформирован следующий пакет материалов проверки:

1. Рапорт органа дознания об обнаружении признаков преступления.

2. Объяснения фигурантов события (подсобных рабочих, руководителей подрядных организаций, осуществлявших работы, собственников объектов, на которых проводились работы, членов археологической экспедиции, научных сотрудников Института археологии Российской академии наук, осуществлявших приемку научного отчета о результатах археологических полевых работ в случае их проведения, самого лица, уклоняющегося от обязательной передачи предметов, и др.).

3. В случае, если подлежащие передаче предметы были обнаружены в ходе археологических работ, необходимы копии:

- плана спасательных археологических полевых работ;
- разрешения (открытого листа) Минкультуры России на право проведения археологических раскопок;
- научного отчета о выполненных археологических полевых работах;
- полевого дневника;
- полевой описи;
- материалов графической и фотографической фиксации.

Если подлежащие передаче предметы были обнаружены в ходе мелиоративных, строительных, земляных работ, необходимо приобщение копий разрешений на проведение таких работ, выдаваемых перечисленными выше органами (организациями).

4. Справка о принадлежности обнаруженных предметов к имеющим особую культурную ценность, а также об их стоимости.

Исходя из изложенного, можно прийти к выводу о том, что тщательный и взвешенный анализ информации, содержащейся в перечисленных выше матери-

алах, позволит уполномоченному должностному лицу установить, как было отмечено ранее, наличие «фактических данных, свидетельствующих о наличии признаков преступления в выявленном факте», то есть оснований для возбуждения уголовного дела. Таковые будут выражаться в задокументированных надлежащим образом фактах:

– производства поисковых действий, направленных на обнаружение и изъятие археологических предметов (по ст. 243² УК РФ) или земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ, археологических полевых работ (по ст. 243³ УК РФ);

– отсутствия у «поисковика» разрешения (открытого листа) на указанный вид деятельности в конкретной местности (по ст. 243² УК РФ), либо, наоборот, факта правомерности проводимых работ (по ст. 243³ УК РФ);

– повреждения или уничтожения культурного слоя (по ст. 243² УК РФ);

– непередачи в течение установленного законом срока обнаруженных культурных ценностей в государственную часть Музейного фонда России (по ст. 243² УК РФ).

Представляется, что следование рекомендациям о видах проверочных действий и их надлежащем оформлении будет способствовать проведению проверки по фактам совершения преступлений рассматриваемых видов в короткие сроки и своевременному возбуждению уголовного дела. Последнее позволит установить причастных лиц, доказать их вину и привлечь к установленной законом ответственности, пресечь незаконный оборот археологических предметов, изъятых у преступников, сохранив тем самым для страны частицу ее истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баграмян С. Л. Особенности личности преступника по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 243.2 «Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания» Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2017, № 3 (37). С. 29 – 32.

2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2019 г., январь – декабрь 2018 г., январь – декабрь 2017 г. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 23.12.2020).

3. Аккаева Х. А. Предупреждение и борьба с незаконным поиском и (или) изъятием археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ) // Пробелы в российском законодательстве, 2018. № 3. С. 338 – 339.

4. Приговор № 1-70/2015 от 15 апреля 2015 г. по делу № 1-70/2015. Архив Апшеронского районного суда Краснодарского края.

5. Кардашевская М. В. Периодизация расследования преступлений как основа для формирования криминалистических методик // Российский следователь, 2020. № 5. С. 17 – 20.

6. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации : утв. постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук 20.06.2018 № 32. М. : ИА РАН, 2018. 64 с.

7. Об утверждении Порядка разработки, согласования и утверждения проектов мелиорации земель : приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 15 мая 2019 г. № 255. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Янин С. А.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ. ЯЗЫК И ПРАВО.
ЮРИСЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'276.6'373.45:351.74

Е. И. БЕГЛОВА, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, доктор филологических наук, профессор (г. Нижний Новгород)

E. I. BEGLOVA, Professor of the Chair of a Foreign Language and the Culture of Speech of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philology, Professor (Nizhny Novgorod)

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В АНТИНОМИИ
«ЗАКОН – ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

**PHRASEOLOGICAL UNITS IN ANTINOMY «LAW – CRIME»
IN THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD**

Аннотация. В статье описаны фразеологические единицы, в которых запечатлены явления, действия, признаки, связанные с законодательной сферой. Фразеологические единицы извлечены методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского языка, поэтому изучаются на уровне парадигматики. Произведена классификация фразеологических единиц на основе семантического критерия. Выделено и описано несколько фразеолого-семантических групп, часть из которых составляет смысловые оппозиции, то есть антиномии. Фразеолого-семантические группы, которые объединены в антиномии, свидетельствуют о противопоставлении «закона» и «преступления» в широком смысле. Выявлено и описано несколько антиномий, которые содержат в себе соответствующие фразеолого-семантические группы: «блюстители закона – нарушители закона», «закон – преступление», «законопослушный – непокорный». Установлено, что в целом общественная оценка нарушения законов, порядка, противоправных действий кого-либо через иронию приобретает отрицательный характер и является одной из важных составляющих российской ментальности. Доказано, что устаревшие фразеологические единицы, отражающие правовую сферу, составляют фрагмент русской языковой картины мира, свидетельствующий о правовом регулировании общественных отношений, этике, правосудии на протяжении эпох, что способствует лучшему восприятию и пониманию истории развития права в России.

Ключевые слова и словосочетания: фразеологическая единица, фразеолого-семантическая группа, антиномия, закон, сфера права, правосудие, преступление, наказание, общественная оценка, ирония.

Annotation. The article describes phraseological units that capture the phenomena, actions, and signs associated with the legislative sphere. Phraseological units are extracted from the Russian language's phraseological dictionaries using the continuous sampling method; therefore, they are studied at the paradigmatic level. The classification of phraseological units based on the semantic criterion is made. Several phraseological semantic groups are identified and described, some of which are semantic oppositions: antinomies. Phraseological semantic groups, which are united in antinomy, testify to the opposition of «law» and «crime» in the broadest sense. Several antinomies which contain

the corresponding phraseological semantic groups have been identified and described: «guardians of the law – law violators», «law – crime», «law-abiding – illegal.» It is found that, in general, the public assessment of the laws' violation, breach of the peace, illegal actions of someone through irony becomes negative and is one of the essential components of the Russian mentality. It is proved that outdated phraseological units, reflecting the legal sphere, constitute a fragment of the Russian linguistic picture of the world, testifying to the legal regulation of social relations, ethics, and justice throughout the eras, which contributes to a better perception and understanding of the history of the development of law in Russia.

Keywords and phrases: *phraseological unit, phraseological semantic group, antinomy, law, field of law, justice, crime, punishment, public assessment, irony.*

Предметом данной статьи являются фразеологические единицы (далее – ФЕ), именующие явления, предметы, действия, признаки, связанные с соблюдением закона и его нарушением, преступлением и наказанием, с правосудием, то есть с понятиями «закон» и «преступление» как смысловой антиномии в широком смысле. Прежде всего, это устаревшие фразеологизмы, которые отражают русскую ментальность в отношении к явлениям, действиям и пр., с одной стороны, представителей охраны порядка, блюстителей закона, с другой – нарушителей закона, незаконопослушных граждан. Языковые единицы, кумулирующие в себе разные оценки и отношение к правосудию, преступникам и преступным действиям кого-либо, в том числе к действиям сотрудников правоохранительных органов (милиции, полиции), представляют интерес с точки зрения истории права, а также с позиций народной российской культуры и в целом ментальности. Общественные изменения на протяжении эпох приводили к изменениям в сфере права, правосудия, что отразилось в русском языке, в частности в его лексике и фразеологии.

Фразеологические единицы, являясь экспрессивными словосочетаниями, обладающими целостным значением, постоянством грамматической структуры и компонентного состава, можно рассматривать как единицы языковой картины мира, представляющие народную культуру, особенности российской ментальности по отношению к соблюдению /

несоблюдению законов и сложившихся в российском обществе правил морали. В этом проявляется актуальность изучения ФЕ, связанных с правовой сферой, в парадигматике (в словарях) как единиц, отражающих определенный фрагмент русской языковой картины мира. Источником практического материала послужили авторитетные фразеологические словари [1 – 4].

Следует отметить тот факт, что некоторые единицы фразеологии исследовались с точки зрения семантики в работах современных лингвистов. Так, О. В. Климович и Ф. Г. Фаткуллина выявили и проанализировали ряд пословиц и поговорок со значением «преступление» и «наказание» как части русской языковой картины мира [5], имеющих отрицательную и положительную коннотацию. Н. Н. Почуева изучила фразеологические единицы, отражающие в своей семантике сферу искусства, обратив особое внимание на коннотацию и ее компоненты [6]. Безусловно, семантика ФЕ представляет интерес с разных точек зрения: лингвистической, коммуникативной, этимологической, исторической и др. Мы ранее также анализировали ФЕ с разных точек зрения, в том числе и с позиций национально-культурной специфики [7, с. 78 – 83]. Наш интерес к семантике ФЕ определил выбор данной темы, важной в процессе коммуникации со специалистами в области права, а также для лингвистов.

В процессе семантического и стилистического анализа ФЕ, отобранных

нами методом сплошной выборки из фразеологических словарей, мы отметили их доминирующие признаки: экспрессивный характер, разговорную или книжную окраску, а также многозначность некоторых ФЕ и метафорический перенос в основе их образования. Большая часть ФЕ обладает эмоциональностью и оценкой, демонстрирующими отношение членов российского общества, простых граждан в разные периоды развития общества к правовым и неправовым действиям кого-либо, к лицам, нарушающим законы, а также репрезентирует общественные ментальные оценки к преступлению и наказанию, системе российского правосудия и др.

Итак, извлеченные нами из фразеологических словарей русского языка ФЕ можно дифференцировать по значению и выделить несколько фразеолого-семантических групп в рамках смысловых антиномий.

Произведем классификацию ФЕ на основе семантического критерия (по значению), учитывая при этом смысловые оппозиции, которые они составляют, являясь частью главной антиномии «закон – преступление», и особо выделим фразеолого-семантические группы.

В современном русском литературном языке отмечаются ФЕ, то есть устойчивые обороты речи с единым значением, отражающие номинации лиц и учреждений, как служащих закону, так и причастных к преступлению закона, совершающих противоправные действия и др. Этимологически они связаны в большей мере с бытовой и профессиональной сферой, в которых порождались в процессе непринуждённого общения.

Как показал собранный нами фразеологический материал, ряд ФЕ составляет антиномию «блюстители закона – нарушители закона», что можно подтвердить ФЕ, составляющими следующие фразеолого-семантические группы (далее – ФСГ):

1. ФЕ, именующие работников правоохранительных органов и ответствующие организации: *синие мундиры* – устаревшее; жандармы в дореволюционной России, носившие синюю форму [8, с. 299]; *уголовный розыск* – отдел милиции, занимающийся раскрытием и пресечением уголовных преступлений и обнаружением преступников [8, с. 461]. Данные ФЕ имеют нейтральную окраску и оценку. ФЕ *синие мундиры* образован способом метонимического переноса значения: *форма определенного цвета замещает человека*; ФЕ *уголовный розыск* перешла в разряд названий организаций.

2. ФЕ, обозначающие действия работников правоохранительных органов: *ставить в строку* – устаревшее, вменять в вину [3, с. 450]; *ставить всякое лыко в строку* – вменять в вину любую, каждую ошибку [3, с. 451].

3. ФЕ, именующие лиц, нарушающих законы, преступников разного рода: *лихие люди* – устаревшее; разбойники, грабители [4, с. 288]; *Ванька-Каин* – устаревшее; 1) грабитель, преступник, 2) переносное, неодобрительное; о том, кто нечист на руку [1, с. 79]. Данная ФЕ образована от имени преступника XVIII в., вора Ваньки Осипова, имевшего прозвище Ванька Каин; *варначья душа* – областное, бранное; разбойник [4, с. 176]; *голубой воршика* – ироническое, шутовское; вор с приятной внешностью и покоряющими обходительными манерами [1, с. 119]; *вор в законе* – жаргонное; рецидивист, соблюдающий воровские законы [1, с. 119]; *одесские жулики* – опытные мошенники разного рода [1, с. 229], *ростовские жулики* – опытные мошенники [1, с. 229]. В последних ФЕ мошенники именуются по названию города, в котором они проживают и совершают преступления согласно своим правилам, отличающимся от действий и правил других преступников. Данные фразеологические номинации лиц, преступаю-

ших закон, обладают в большей степени отрицательной оценкой, демонстрируя общественное осуждение преступников, неодобрение со стороны граждан преступных действий.

Антиномию «закон – преступление» в узком смысле отражают следующие фразеолого-семантические группы.

1. ФЕ, обозначающие незаконные действия человека; в этой ФСГ можно выделить несколько фразеологических микрогрупп:

а) ФЕ с семантикой «привести к насильственной смерти»: *отправлять в райские кущи* – книжное, ироническое; убивать, умерщвлять кого-либо [8, с. 360]; *сделать конец* – устаревшее, просторечное; убить кого-либо [8, с. 480];

б) ФЕ, обозначающие противозаконные действия разной направленности: *ловить рыбу на сухом берегу* – устаревшее, ироническое; воровать, красть [8, с. 283]; *обуть на обе ноги, обуть в лапти* – устаревшее, ироническое; ловко обмануть, провести кого-либо [8, с. 345]; *набивать кису* – устаревшее; обогащаться, наживаться (обычно нечестным путем) [8, с. 308];

в) ФЕ, обозначающие действия, производимые нарушителями закона после совершения какого-либо преступления: *дуван дуванить* – устаревшее, просторечное; делить добычу, деньги [1, с. 204]; *заметать (замести) следы* – уничтожать то, что может быть доказательством проступка, преступления, вины; скрывать улики [1, с. 642]. Данные ФЕ также демонстрируют неодобрительную общественную оценку. Они имеют ироническую окраску, которая имплицитно сему (компонент значения) «осуждение». ФЕ образованы главным образом путем метафорического переноса значений слов, составляющих свободные словосочетания: *заметать следы, обуть в лапти, обуть на обе ноги, сделать конец, отправить в райские кущи, ловить рыбу на сухом берегу*.

2. ФЕ, характеризующие человека, виновного в чем-либо или подозреваемого в преступлении, в каком-либо проступке: *оставаться в лицах* – устаревшее; оказываться виновным в чем-либо [8, с. 353]; *на птичьих правах* – просторечное, ироническое; без законных оснований [8, с. 417]; *придёт на сапоги* – устаревшее, просторечное; получишь взятку [8, с. 422]; *на сапоги* – устаревшее; взятка; выражение исчезло из активного употребления в XIX веке, когда в сознании человека перестало существовать представление о сапогах как о дорогом товаре [1, с. 623]; *в руку* – устаревшее; давать что-либо в качестве взятки [8, с. 466]; *князя Хованского рекомендательные письма* – устаревшее, ироническое; 1) деньги, 2) взятка [2, с. 308]; *шахер-махер* – просторечное, ироническое; мошенническая сделка, плутовская, ловкая операция [1, с. 766]; *на скамью подсудимых* – книжное, попадать под суд в качестве обвиняемого [8, с. 492]; *небо в клеточку* – просторечное, экспрессивное; угроза кому-либо оказаться в тюрьме, под арестом, в заключении [8, с. 322]; *за крепким караулом* – устаревшее, быть в тюрьме, заключении [8, с. 232]; *на свободе* – не в заключении, на воле [8, с. 477]; *пойти к Варваре на расправу* – устаревшее, привлекаться к ответственности за содеянное [3, с. 635]; *Иродово семя* – устаревшее, грубо-просторечное, бранное; резко-отрицательная характеристика человека, совершившего проступок, преступление [3; 8, с. 483]. Как свидетельствуют стилистические пометы (ироническое, грубо-просторечное, бранное), все перечисленные ФЕ заключают в себе сему «осуждение» (*на сапоги, придет на сапоги, князя Хованского рекомендательные письма*), отражая русскую ментальность в отношении преступников, нарушителей признанных в обществе моральных правил как заслуживающих наказания (*небо в клеточку, на скамью подсудимых*), отторжения преступников

разного рода законопослушными людьми (*оставаться в лицах, на птичьих правах, Иродово семя*). Следует отметить то, что ФЕ образованы преимущественно метафорическим переносом значений слов, составляющих данные ФЕ.

3. ФЕ, называющие действия лиц, связанные с насильственной смертью, в частности самоубийством, что является нарушением общепризнанных правил морали, то есть совершением преступления, направленного на самого себя: *порешить с собой* – просторечное; покончить жизнь самоубийством [3; 8, с. 410]; *сводить счеты с жизнью* – книжное; покончить жизнь самоубийством [3; 8, с. 478]; *совершить грех над собой* – устаревшее, просторечное, покончить жизнь самоубийством [3; 8, с. 505]. Внутри данной антиномии отдельную фразеолого-семантическую группу образуют ФЕ, связанные причинно-следственными отношениями: «*преступление – наказание*». Проанализируем её с точки зрения фразеолого-семантических микрогрупп.

А. ФЕ, называющие места и действия, связанные с приведением наказания в исполнение: *лобное место* – устаревшее; возвышение, помост на площади, с которого в старину объявлялись народу важнейшие указы государей и на котором совершались казни и наказания [8, с. 297]; *расправа коротка* – разговорное, экспрессивное; о быстром и решительном наказании [8, с. 452]; *боцманских капель прописать* – устаревшее, просторечное, шутовское; сильно наказать кого-либо [1, с. 286]; *считать столбы* – устаревшее, разговорное; идти, отправляться в ссылку, на каторгу [8, с. 531]; *пойти соболей ловить* – устаревшее; пойти в ссылку, быть сосланным в Сибирь (XIX в.) [1, с. 653]. Большая часть данных ФЕ обладает экспрессией и разговорной окраской. Они образованы путем метафорического переноса значений, например, *считать столбы*: столбы ставили при разметке длины дороги (от версты до версты); *пойти соболей ловить*: соболей

было много в Сибири, куда отправляли на каторгу (в ссылку) осужденных и т. п.

Б. ФЕ, именующие виды наказания за преступление: *берёзовая лапша* – устаревшее, ироническое; наказание розгами [8, с. 275]; *положить смерть* – устаревшее; повелеть предать смертной казни кого-либо [3; 8, с. 403]; *сажать на кол* – устаревшее, старинный способ казни [8, с. 470]; *к стенке* – просторечное, экспрессивное; приговаривать кого-либо к расстрелу [8, с. 519]; *десятая вина виновата* – устаревшее; о ситуации, когда трудно найти виновника чего-либо, но приходится кого-то наказывать; в XIX в. существовал способ определения виновных, узаконенный «Полевым уголовным уложением» (1812). Если не находили явных улик против конкретных лиц из большого числа виновников, например, бунтовщиков, то подвергали наказанию одного из десяти человек, каждого десятого [1, с. 99]; *зелёная улица* – устаревшее; вид наказания в царской России (прогон наказуемого сквозь строй солдат со шпикрутенами). Два ряда солдат с зелёными шпикрутенами, розгами, выстроенные для этого наказания, называвшегося еще *прогнать сквозь строй*, напоминали зелёную улицу [1, с. 709]. ФЕ ивовые журавли – устаревшее, книжное; неотвратимая кара, возмездие за преступление, раскрытое путем божественного вмешательства. Этимология ФЕ связана со следующим греческим мифом: журавли явились свидетелями убийства древнегреческого поэта Ивика. Избитый преступниками Ивик поднял глаза и, увидев стаю журавлей, воскликнул «Будьте моими мстителями». Однажды в театре их внезапное появление вызвало у одного из убийц возглас: «Вот летят мстители Ивика». Именно эта произнесённая фраза послужила обличением произнёсшего фразу и его приятелей в убийстве поэта [1, с. 229; 2, с. 133].

В. ФЕ, обозначающие места, в которых отбывают срок за преступление: *ка-*

менный мешок – устаревшее; 1) острог, тюрьма, 2) тюремная камера, обычно лишённая окон [8, с. 298]; *на казённых хлебах* – просторечное, в тюрьме, в заключении [8, с. 567]; *мёртвый дом* – устаревшее; место заключения на каторге; острог [2; 1, с. 196; 8, с. 168].

Особо можно выделить антиномию «законопослушный – законопослушный», выделив следующие ФСГ:

1. ФЕ, служащие характеристикой лица или демонстрирующие его качества, черты характера: *нечистый на руку* – разговорное, предосудительное; о том, кто склонен к воровству, мошенничеству [1, с. 329]; *на откуп* – устаревшее; кто-либо, будучи подкупленным, оказывает кому-либо незаконные услуги [1, с. 360]; *с повинной* – разговорное, прийти, признавая себя виновным в чем-либо и раскаиваясь в совершенном [3; 8, с. 385], когда человека мучает совесть; *живой свидетель* – книжное; свидетельство чего-либо [8, с. 476], о человеке, являющемся свидетелем происшествия и готовом дать показания; слово и дело – эта ФЕ является историзмом, так как не существует такого явления в современной жизни. В Московской Руси и в Российской империи до 1762 года данное выражение означало то, что произнесший его был готов донести властям о каком-либо государственном преступлении, и это служило поводом к аресту оговорённого [8, с. 497]; *закон не писан* – кто-либо не считается с общепринятыми нормами поведения [1, с. 234].

Особую ФСГ составляют «ФЕ, служащие наименованиями, отражающими сферу правосудия», которую образуют две фразеолого-семантические микрогруппы:

А. ФЕ, именующие само правосудие и лиц, совершающих суд в соответствии со своими профессиональными обязанностями. Например: *весы Фемиды* – книжное, ироническое; о правосудии [1, с. 79]. *Фемида* – в греческой мифологии – богиня правосудия. *Жрецы*

Фемиды – книжное, часто ироничное; о судьях [1, с. 228]; *служитель Фемиды (закона, законности)* – книжное; судья [1, с. 646]. Ироническая окраска данных ФЕ имплицитно сему «недоверие», так как судьи иногда выносили несправедливый приговор.

В русской народной речи получили названия разные виды суда, ставшие ФЕ, имеющие как положительную, так и отрицательную оценку.

Б. ФЕ, служащие названиями видов суда, в которую входят следующие ФЕ: *совестный суд* – историзм, в России XVIII–XIX вв. это был суд для разбора некоторых дел на основании не только закона, но и естественной справедливости [8, с. 527]; *суд чести* – специальное; общественный суд (обычно офицеров), рассматривающий поступки, роняющие достоинство их совершившего, несовместимые с понятием чести (офицера) [8, с. 527]; *египетский суд* – устаревшее; посмертный суд [1, с. 676]; в основе значения данной ФЕ находится исторический факт: суд над умершими фараонами; *суд Линча* – общественный самосуд за какое-либо тяжёлое уголовное деяние, чаще всего в случаях захвата преступника на месте преступления [1, с. 676]; данная ФЕ связана с именем Линча, рабовладельца XVIII века, который судил беспощадно, приговаривая к виселице или сожжению. Особенно часто суд Линча применялся к неграм в южных штатах США. ФЕ *суд Соломона* – книжное; суд мудрый и скорый [1, с. 676], название суда происходит от имени египетского царя Соломона, прославившегося своей мудростью; *страшный суд* – справедливый, неподкупный, грозный суд [1, с. 676]; в данном случае фразеологизм возник на основе метафорического переноса значения; *третейский суд* – устаревшее; суд, на котором решались тяжбы и решения которого были обязательны для всех [1, с. 676]. Этимология данной ФЕ отражает исторический факт: во времена Великого князя Василия и Дмитрия

Шемяки в сложных спорах приглашали третьего судью, избранного из бояр, если же из бояр никто не был избран, то третейским судьей становился сам Великий князь. ФЕ *шемякин суд* – устаревшее; неправый, несправедливый суд [1, с. 676]. Этимология этой ФЕ связана с историческим именем галицкого князя Дмитрия Шемяки, который чинил беззаконие, попирая в гражданских правах справедливость и древние уставы, а в 1446 г. он варварски ослепил Великого князя Василия Темного и овладел его престолом.

Следует заметить то, что небольшая часть ФЕ содержит ключевое слово «закон»: *принимать (принять) закон* – устаревшее, вступать в брак [8, с. 424]; *закон не писан* – кто-либо не считается с общепринятыми нормами поведения [1, с. 234]. Во фразеологических словарях русского языка фиксируется немало количество ФЕ, содержащих значения «преступление», «наказание», «противозаконные действия» и др.

Часть ФЕ имеет несколько значений (многозначные), развившихся на протяжении времени: ФЕ *Ванька-Каин (грабитель; тот, кто нечист на руку, то есть вор)*, *Князя Хованского рекомендательные письма (взятка; деньги)*; *каменный мешок (тюрьма; тюремная камера без окон)*.

Большая часть проанализированных нами ФЕ образована приёмом метафорического переноса значения слов аналогичного свободного словосочетания. Они, как правило, имеют разговорную окраску, отрицательную оценку и обладают экспрессией.

Таким образом, мы выделили и описали несколько антиномий, отражающих правовое регулирование российских общественных отношений на протяжении эпох (с XV по XIX вв.), которые включают определенные фразеолого-семантические группы:

1) антиномия «блюстители закона – нарушители закона»: ФЕ, именующие

работников правоохранительных органов и соответствующие организации; ФЕ, обозначающие действия работников правоохранительных органов; ФЕ, именующие лиц, нарушающих законы, преступников разного рода;

2) антиномия «закон – преступление» в узком смысле: ФЕ, обозначающие незаконные действия человека; ФЕ, характеризующие человека, виновного в чем-либо, подозреваемого в преступлении или в каком-либо проступке; ФЕ, называющие действия лиц, связанные с насильственной смертью, с самоубийством. Эта антиномия репрезентируется особой ФСГ «преступление – наказание», включающей семантические микрогруппы, а именно: а) ФЕ, называющие места и действия, связанные с приведением наказания в исполнение; б) ФЕ, именующие виды наказания за преступление; в) ФЕ, обозначающие места, в которых отбывают срок за преступление;

3) антиномия «законопослушный – законопослушный»: ФЕ, служащие характеристикой лица или демонстрирующие его качества или черты характера.

Кроме названных ФСГ, в рамках главной антиномии «закон – преступление» мы представили ФСГ «ФЕ, служащие наименованиями, отражающими сферу правосудия», состоящую из двух фразеологических микрогрупп: а) ФЕ, служащие именованиями правосудия и лиц, осуществляющих правосудие; б) ФЕ, служащие названиями видов суда.

Таким образом, выделенные нами на основе семантического критерия антиномии, ФСГ и фразеолого-семантические микрогруппы демонстрируют в большей степени ироническое отношение русского человека к явлениям, предметам, действиям, с одной стороны, блюстителей закона, с другой – нарушителей закона. При этом ирония как часть русской смеховой культуры смягчает противоправность поступков, нарушение закона, отражая российскую ментальную черту, связанную с тяжелыми периодами в жиз-

ни человека и общества, когда плохое, отрицательное воспринимается сквозь призму сарказма, самоиронии, шутки (смеха в философском смысле) для его преодоления. В целом общественная оценка нарушения законов, этических правил, противоправных действий кого-либо через иронию приобретает отрицательный характер, демонстрируя одну из черт российской ментальности.

Устаревшие ФЕ, отражающие правовую сферу, составляют фрагмент русской языковой картины мира, свидетельствующий о правовом регулировании общественных отношений, этике, правосудии на протяжении эпох, что способствует лучшему восприятию и пониманию истории развития права в России и особенностей народной русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. 926 с.
2. Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова : сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М. : ТЕРРА, 1997. 624 с.
3. Фразеологический словарь русского языка / под. ред. А. И. Молоткова. М. : Русский язык, 1986. 543 с.
5. Климович О. В., Фаткуллина Ф. Г. Фразеологизмы со значением «преступление» и «наказание» в русской языковой картине мира // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (часть 26). С. 5963 – 5967. URL : <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38539> (дата обращения: 09.01.2021).
6. Почуева Н. Н. Семантика фразеологических единиц (на примерах фразеологизмов из сферы искусства) // Проблемы науки. 2016. № 10. С. 27 – 30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-frazeologicheskikh-edinit-na-primerah-frazeologizmov-iz-sfery-iskusstva> (дата обращения: 12.01.2021).
7. Беглова Е. И. Русская фразеология в языке и речи: учебное пос. Стерлитамак : Стерлитамакский филиал Башкирского гос. университета, 2013. 220 с.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / под ред. А. И. Фёдорова. М. : Топикал, 1995. 608 с.

© Беглова Е. И.

УДК 3788.634.016:811.111'25'276.6:34

В. В. ГУЗИКОВА, доцент кафедры иностранных языков Уральского юридического института МВД России, кандидат филологических наук, доцент (г. Екатеринбург)

V. V. GUZIKOVA, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philology, Assistant Professor (Yekaterinburg)

ОБУЧЕНИЕ ПРИЕМАМ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

TEACHING TRANSLATION METHODS OF TERMINOLOGY AND PROFESSIONAL VOCABULARY IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению вопроса о практическом применении английского языка в условиях современного общества. Развитие системы высшего образования обусловило необходимость разработки и реализации новых методов и технологий, которые могут быть успешно и эффективно интегрированы в процесс преподавания иностранных языков в неязыковых образовательных организациях при подготовке специалистов в области юриспруденции и права. Без юридической терминологии невозможен процесс преподавания профессионально ориентированных тем учебной дисциплины «Иностранный язык», поскольку она позволяет кратко и четко формулировать различные предписания правового характера и юридического текста. Делается вывод о том, что обучение должно сочетать как индивидуальный подход, так и метод коммуникативной направленности, способствующий сотрудничеству обучающихся при осуществлении их творческих проектов, а также при непосредственном общении с преподавателем. Для эффективного решения своих профессиональных задач специалист в области юриспруденции должен обладать необходимыми знаниями и умениями общетеоретического и прикладного характера. Следовательно, важная роль при иноязычной подготовке обучающихся, будущих юристов, предоставляется усвоению профессиональной лексики и юридической терминологии.

Ключевые слова и словосочетания: перевод, юридическая терминология, профессиональная лексика, идиоматические и метафорические термины, концепт, калькирование, псевдотермин.

Annotation. The article is devoted to the issue of the practical application of the English language in the conditions of modern society. The development of the higher education system as a whole has made it necessary to develop and implement new methods and technologies that can be successfully and effectively integrated into the process of teaching foreign languages in non-linguistic educational institutions while training specialists in the area of jurisprudence and law. Without legal terminology, the process of teaching professionally oriented topics of the academic discipline «Foreign Language» is impossible, since it allows you to concisely and clearly formulate various prescriptions of a legal nature and legal text. It is concluded that teaching should combine both an individual approach and a method of communicative orientation, facilitating the cooperation of students in the implementation of their creative projects, as well as in direct communication with the teacher. To effectively solve their professional tasks, specialists in the field of law must have the necessary knowledge and skills of a general

theoretical and applied nature. Therefore, an important role in the foreign language teaching of law students is given to the assimilation and acquisition of professional vocabulary and legal terminology.

Keywords and phrases: *translation, legal terminology, professional vocabulary, idiomatic and metaphorical terms, concept, calquing (loan translation), pseudo-term.*

В настоящее время роль иностранного языка возрастает, так как знание иностранного языка становится необходимостью наряду с другими требованиями, предъявляемыми специалистами XXI века. В этой связи возникает вопрос, связанный с качеством преподавания учебной дисциплины «Иностранный язык», а также его эффективного усвоения обучающимися.

Практически каждая неязыковая образовательная организация высшего образования сталкивается с множеством проблем. В условиях ограниченного количества учебных часов и разной степени владения изучаемым иностранным языком преподавателям нужно постоянно работать над улучшением своей методики, которая бы способствовала повышению качества иноязычной подготовки будущих юристов. Обучение должно сочетать как индивидуальный подход, так и метод коммуникативной направленности, способствующий сотрудничеству обучающихся при осуществлении их творческих проектов, а также при непосредственном общении с преподавателем [1, с. 43].

Изучение иностранного языка в образовательных организациях высшего образования МВД России отличает наличие разнообразных терминов юридического характера. Юридическая терминология играет важную роль, поскольку неверное понимание иноязычного термина приводит иногда к потере общего смысла рассматриваемого текстового материала. Различные сферы знаний характеризуются соответствующей терминологией. Слово «термин» имеет латинские корни происхождения, а именно: «*terminus*» (граница, предел).

С лингвистической точки зрения, данное понятие имеет различные опреде-

ления, но большинство специалистов выделяют некоторые специфические черты, такие как наличие дефиниции; точность; краткость; системность; отсутствие эмоциональности; тенденция к однозначности; стилистическая нейтральность. Тем не менее практика свидетельствует о том, что термины не всегда характеризуются однозначностью, у них присутствуют синонимические выражения и ряд дополнительных элементов семантического и стилистического содержания, которые тесно связаны с основным понятием. По мнению одной группы ученых, исследовательская деятельность которых направлена на изучение проблем терминологического характера, отмечает, что не существует абсолютной однозначности термина («один термин – одно понятие»). Эта группа включает таких лингвистов, как Н. Н. Ивакина, Т. В. Усковая, Л. Р. Варганова, Е. В. Щепотина.

Известно, что термины юридической области знаний – это специальные термины, которые являются словесными обозначениями концептов, необходимые для точной передачи содержания закона и правовых норм.

Юридическая терминология играет важную роль, поскольку она позволяет кратко и четко формулировать различные предписания правового характера и юридического текста. Специфической чертой юридического терминологического аппарата выступает системность, которая объясняется логическим построением самой правовой системы. Термины юридического характера отличаются широкой зоной своей распространенности, поскольку практически не существует ни одной сферы человеческого существования, где бы ни требовалось использование данной лексики. Язык юриспруденции обладает неизменным словарным

запасом законодательных актов, содержащих множество единиц латинского происхождения, которые оказали значительное влияние на процесс формирования терминологии права. Этот факт свидетельствует о том, что юридический язык и общелитературный отличаются друг от друга.

Существуют различные способы расширения границ терминологического фонда: предполагается использование языковых ресурсов родного языка или заимствование средств иностранных языков. Известный исследователь в области терминологии В. Лейчик указывает на такие принципы создания терминов, как: принцип переведенной терминологии, использование собственных возможностей языка, термины, полученные в результате терминологизации общепотребительной лексики, принцип объединения [2, с. 57].

Важно уметь оперировать основными моделями, понять логичность, владеть лексикой, которая имеет определенные особенности в юриспруденции. В юриспруденции во многих случаях общеизвестные слова имеют совершенно другое значение (например: *bar* – адвокатура, коллегия адвокатов; *jury* – суд присяжных; *just* – правосудие, справедливость; *sentence* – приговор, наказание и др.) [3].

Юридическая терминологическая система характеризуется единством и сочетаемостью лексических единиц, специфической взаимосвязью между словарными компонентами, что в конечном итоге приводит к дифференциации широкого и узкого значения слова, например, в рамках юридического языка ряд слов, таких как «право», «состав», «дело», «общественный» и многие др. Отсюда видно, что термины юридической области представлены в виде многообразных взаимосвязанных выражений, где одно слово может явиться порождением словосочетаний устойчивого характера, которые отражают близкие по значению

концепты. Примером может служить термин «деятельность», с помощью которого можно образовать следующие словосочетания-термины: *business of crime* – ‘преступная деятельность’, *business of the day* – ‘повестка дня’, *offence*, *legal wrong* – ‘правонарушение’ и т. д.

К понятийной лексике относятся слова общелитературного языка, часто используемые в определенной сфере, например, текстах договоров и судебных решений, в речи судей, полицейских и т. п. Так как эти слова сохраняют свое общее значение, то считать их юридическими терминами нельзя. Однако в силу частого употребления в какой-либо сфере права в обоих языках за ними закрепляются устойчивые узуальные соответствия. Использование переводчиком других соответствий сразу бросается в глаза специалистам как нарушение принятой нормы юридической речи [4, с. 127].

Трудность перевода идиоматических и метафорических терминов заключается в том, что дословный перевод всех компонентов словосочетания (калькирование) в таких случаях, как правило, не помогает угадать значение таких словосочетаний [5, с. 92 – 94]. Например, *cat burglar* – «вор-форточник», *John Doe and Richard Roe* – «истец и ответчик», *Christmas tree* – «перегруженный поправками законопроект».

К псевдотерминам относятся сочетания из литературного языка или разговорной лексики, имеющие в своем составе слово, входящее в юридическую терминологию (например, *law*, *lawyer*, *patent*). Возникают такие термины благодаря наличию омонимов и метафорических переносов [6, с. 61 – 71]. Например, *lady killer* – «сердцеед» (а не «убийца женщин»), *family bonds* – «семейные узы» (а не «семейные облигации»).

Безусловно, освоение юридической терминологии и профессиональной лексики является довольно сложным и долгосрочным процессом, который вызывает у обучающихся ряд неизбежных

затруднений. Однако пошаговое введение юридических терминов, широко используемых специалистами данной отрасли знаний, будет содействовать формированию и развитию навыков профессиональной компетентности, которые необходимы будущим сотрудникам органов внутренних дел и юристам.

Итак, следует указать некоторые приемы перевода, которые будут полезны обучающимся с целью устранения трудностей при переводе терминологической лексики на родной язык:

1) *транскрибирование* – буквенное воспроизведение термина языка перевода (далее – ПЯ);

2) *транскрипция* – воспроизведение возможного звучания фонем иноязычного слова (в нашем случае – английских лексических единиц);

3) *описательный перевод* – возможен в тех ситуациях, когда в словаре нет указания на прямое соответствие термину, следовательно, необходимо воспользоваться описанием, которое будет способствовать точной передаче смысла лексической единицы в конкретном контексте;

4) *калькирование* – способ перевода иноязычного слова посредством замены его составных компонентов их лексическими соответствиями в ПЯ.

Каждый вышеупомянутый способ имеет свои недостатки и преимущества. Транслитерация и транскрипция как переводческие методы являются преобладающими при передаче значения англоязычных терминов на русский язык. Отметим, что некоторые области знаний и техники содержат множество «непереводимой» профессиональной лексики и терминологии, например: *impeachment* – импичмент, *default* – дефолт, *stagnation* – стагнация, *Scotland Yard* – Скотланд-Ярд (не двор Шотландии) и др.

Калькирование, иначе говоря, дословный перевод составных элементов слова и объединение части в одно целое. В этом случае происходит незначительное искажение смысла данного термино-

логического словосочетания. Приведем некоторые примеры: *sovereign borders* – суверенные границы; *brain-drain* – утечка мозгов и др.

Что касается описательного перевода, т.е. передачи приемом расширенного словесного толкования терминов, которые не имеют прямого эквивалента в ПЯ, например: *misdirection* – ошибка в суде при инструктировании присяжных; *unenforceable* – служащий основанием для иска; *substantive justice* – основы материальной юрисдикции [7, с. 286, 417].

В настоящее время методика языковой подготовки содержит различные подходы, которые можно использовать при введении лексических единиц, но, к сожалению, только некоторые приемы пригодны для того, чтобы представить термины юридического характера и осуществить их перевод на русский язык. Среди них можно отметить следующие эффективные методы:

1) *метод представления и перевод вновь вводимой терминологии с использованием контекста*;

В этом случае контекст способствует пониманию значения профессионального слова или термина, без обращения к двуязычному словарю. Необходимо помнить, что большая часть терминологической лексики обладает свойством ограниченной лексической сочетаемости, составные части таких устойчивых сочетаний также являются незаменимыми.

2) *метод ассоциаций*;

Данный прием состоит в том, что необходимо уметь выстраивать ассоциативные связи между изучаемой информацией и уже усвоенной, иными словами, уметь соотносить неизвестный термин или профессиональное слово или ряд его морфем с единицами, которые созвучны или похожи по написанию к словам русского или английского языка.

3) *интерактивный прием*;

Ситуация складывается таким образом, что весь контингент обучающихся полностью участвует в учебном процес-

се на занятии иностранного языка, означая, что они стараются осуществлять взаимодействие друг с другом, для того, чтобы отыскать соответствующее значение и понять новый термин.

4) *использование мультимедиа ресурсов;*

Сегодня в информационной сети Интернет можно найти неограниченное количество материалов видео- и аудио характера, ряд мультимедиа файлов, которые дают возможность не только ввести, перевести, но и осуществить закрепление новой профессиональной лексики и терминологии. Однако не следует забывать, что преподаватели иностранного языка имеет возможность создать для обучающихся свой образовательный ресурс в электронном формате, включающий необходимую информацию относительно обучения приемам перевода профессиональной лексики и терминов изучаемой области знания. Электронный ресурс можно представить в виде конкретных тематических блоков, сочетающихся с другими различными способами представления учебного материала, таким как, метод контекстного введения лексики профессионального характера.

Преимущество данного метода состоит в том, что необходим постоянный доступ к сети Интернет. Обучающиеся имеют возможность работы дистанционно. Часть работы проводится обучающимися самостоятельно, но, тем не менее, данный ресурс пригоден также для применения его в учебной аудитории. Данный ресурс может включать информацию дополнительного плана, а также различные контексты применения терминов юридической области, задания для перевода и закрепления соответствующего лексического материала профессионального характера.

Эффективность обучения юридической терминологии во многом зависит от выбранной стратегии. Подобным образом могут использоваться индивидуальные стратегии обучения юридическим

терминам, в которых самообразование занимает ключевое место. Обучающийся имеет равные права в организации учебного процесса, что наделяет его ответственностью за результат и мотивирует к самостоятельному продолжению изучения лексических единиц данного типа.

На практических занятиях по обучению юридической терминологии и профессиональной лексики можно предложить применение наиболее эффективных приемов запоминания юридических терминов:

- метод сравнения и противопоставления;
- семантизация материала;
- повторение;
- установление связи между изучаемым материалом и уже освоенным материалом;
- ключевые слова для запоминания;
- ассоциативный прием;
- группировка терминов по их значению / тематике;
- поиск похожих терминов на иностранном и родном языках;
- использование терминов в необычном контексте;
- применение технических средств (компьютер, Интернет, мультимедийные ресурсы и программы).

Среди наиболее эффективных средств закрепления юридической лексики можно выделить *метод ролевой игры*, в котором обучающимся даются роли и ситуации, сюжет которых они должны развить, используя предложенные термины и придерживаться стиля, правил и норм рассматриваемого языка. Примеры: *судебное заседание, диалог сотрудника полиции с нарушителем общественного порядка* и т. д.

Следующий метод называется «*кейс-метод*». Обучающимся предлагается юридическая задача, ситуация или проблема, которые они должны изучить и найти возможные пути решения, используя как можно больше юридических терминов.

Еще один действенный метод заключается в погружении в искусственно созданную ситуацию, когда обучающимся необходимо выполнить задание, связанное с проблемами, с которыми можно столкнуться в повседневной жизни, но которое требует знания юридических терминов. Такие задания могут включать: заполнение заявлений, юридических документов, протоколов, фирменных бланков и т. д.

Таким образом, существует множество методических приемов и подходов к введению, разработке и закреплению юридической лексики на занятиях иностранного языка. Здесь большую роль играет компетентность преподавателя.

Из выше сказанного вытекает, что юридический лексический состав характеризуется точными формулировками, краткостью, системным характером, взаимосвязью, неизменностью словарного запаса и постоянством. Кроме того, он подвержен существенному влиянию ла-

тинского языка, при очевидной утрате связи между юридическим и общелитературным языками.

Юридическая терминология, направленная на отражение актуальных языковых, правовых, политических, экономических и культурных тенденций современного общества, представляет собой ключевой компонент юридического дискурса. Выступая одной из составляющих языка для специальных целей, она направлена на теоретический и практический поиск межъязыковых соответствий, способствуя при этом формированию у обучающихся общих и профессиональных компетенций, связанных с решением переводческих задач с целью реализации профессионального взаимодействия.

Для эффективного решения своих профессиональных задач специалист в области права должен обладать необходимыми знаниями и умениями общетеоретического и прикладного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова И. П. Современный учебник иностранного языка для неязыкового вуза : проблемы и перспективы / И. П. Павлова // Приоритетные направления в обучении иностранным языкам. М. : Рема, 2011. С. 43 – 60.
2. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. М. : Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
3. Бессараб Т. П. Иностранный язык как способ профессиональной подготовки студентов-юристов / Т. П. Бессараб // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Самара, август 2015 г.). Самара : АСГАРД, 2015. С. 136 – 138. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/202/8572> (дата обращения: 19.07.2020).
4. Левитан К. М. Юридический перевод: основы теории и практики : учебное пособие / К. М. Левитан. М. : Проспект ; Екатеринбург : УГЮА, 2011. 352 с.
5. Озюменко В. И. Полисемантичность английской юридической лексики как проблема перевода / В. И. Озюменко // Вестник Российского университета дружбы народов. № 2. 2015. С. 92 – 94.
6. Вербицкий А. А. Структура содержания обучения иностранному языку специальности: контекстный подход / А. А. Вербицкий, Н. П. Хомякова // Приоритетные направления в обучении иностранным языкам. – М. : Рема, 2011. – С. 61 – 71.
7. Андрианов С. Н. Англо-русский юридический словарь / С. Н. Андрианов, А. С. Берсон, А. С. Никифоров. М. : РУССО, 2005. 512 с.

© Гузикова В. В.

УДК 811.161.1'276.6'373.45:351.74

Е. А. ПЕТРОВА, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, доктор филологических наук, доцент (г. Уфа)

E. A. PETROVA, Head of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philology, Associate Professor (Ufa)

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВАРВАРИЗМОВ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)**

**THE STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF VARVARISMS
(ON THE EXAMPLE OF THE PROFESSIONAL SPEECH OF LAW
ENFORCEMENT OFFICERS)**

Аннотация. Статья посвящена анализу структурно-семантических особенностей варваризмов, употребляемых в профессиональной речи сотрудников ОВД. Отмечается, что культура речи непосредственно связано с языком и мышлением, а процесс коммуникации осуществляется в определенной логосфере. Заостряется внимание на том, что профессиональная речь сотрудников правоохранительных органов зависит от грамотного владения терминологией данной специальности, умения строить выступление на профессиональную тему. Делается вывод о том, что профессиональная речь сотрудников ОВД является важным компонентом культуры их профессиональной деятельности и что чрезмерное использование варваризмов в речи приводит к снижению коммуникации.

Ключевые слова и словосочетания: сотрудники правоохранительных органов, коммуникация, знание терминологии, варваризм, культура речи, профессиональная грамотность.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the structural and semantic features of barbarisms used in the professional speech of police officers. It is noted that the culture of speech is directly related to language and thinking, and the process of communication is carried out in a certain logosphere. The attention is drawn to the fact that the professional speech of police officers depends on the competent knowledge of the terminology of this specialty; the ability to build a speech on a professional topic. It is concluded that the professional speech of police officers is an important component of the culture of their professional activities, and that the excessive use of barbarisms in speech leads to a decrease in communication.

Keywords and phrases: law enforcement officers, communication, terminology proficiency, barbarism, culture of speech, professional literacy.

Между языком, мышлением и культурой существует прямая связь, и эта связь неразрывна. Все наши мысли выражаются посредством языка и языковых единиц. Язык как система реализуется только в речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение – быть

средством общения. Речь – это последовательность единиц языка, организованная по его законам и в соответствии с потребностями передаваемой информации. Культура речи является языковой формой, в которой материализуются мысли человека и, таким образом, обусловлена

культурой мышления, от которого зависит выбор средств выражения, неточность же выражения ведет к фактическим ошибкам.

Таким образом, культура речи понимается как умение использовать в конкретной ситуации такие языковые средства, которые позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении коммуникативных задач. Это подразумевает употребление единственно нужных слов и грамматических конструкций в каждом конкретном случае. Высшим уровнем культуры речи является речевое мастерство, заключающееся в умении ясно (доходчиво), логично и убедительно раскрывать мысли, в богатстве словаря и разнообразии грамматических конструкций. В этой связи уместно привести цитату англо-ирландского писателя и философа Джонатана Свифта, известного как автора знаменитой фантастической тетралогии «Путешествие Гулливера: «Как человека можно распознать по обществу, в котором он общается, так о нем можно судить по языку, которым он выражается».

Важно передать информацию не только грамотно, но и экспрессивно, не штампованными, надоевшими словами, а по-своему, самобытно, индивидуализировано. Речевое мастерство включает в себя умение найти наиболее точное, значит, наиболее подходящее для конкретной ситуации и стилистически оправданное средство языка. Следовательно, язык «не может быть не связан с культурой, так как одна из целей деятельности общества – создание культуры» [1, с. 5]. Язык и культура предстают как факторы взаимного развития и существования. Культура немыслима без языка, важнейшего средства общения между людьми. Уже сам процесс коммуникации непотворим для каждой из культур. Культура отражается в языке на всех его уровнях, а также в его нормативно-стилистическом укладе. И, наконец, язык, являясь фактом культуры, выступает одновременно

в роли «катализатора» ее возникновения и развития [Ibid].

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что, поскольку основным критерием культуры речи считают нормативность, которая включает в себя точность и ясность, правильность, чистоту речи, то есть отсутствие в ней диалектных, просторечных слов, узкопрофессиональных выражений, неуместно употребляемых иноязычных слов, то назрела необходимость проанализировать языковую культуру, которой обладают сотрудники ОВД. Исходя из того, что язык является важнейшим средством общения и воздействия, механизмом получения и обработки информации, средством оптимизации всех видов человеческой деятельности, а юриспруденция и юридическая деятельность принадлежат к сфере повышенной речевой ответственности, отсюда вытекает, что проблема коммуникации сотрудников ОВД с гражданами приобретает особую актуальность, из-за того, что уровень грамотности среди сотрудников в большинстве случаев, к сожалению, низок. Именно поэтому вопрос об адекватности коммуникации представителя правоохранительных органов и гражданина – своеобразный индикатор их отношений. Также актуальность данного вопроса заключается в том, что, поскольку коммуникация сотрудников ОВД с гражданами напрямую влияет на результаты их профессиональной деятельности, то коммуникативная компетентность является неотъемлемой частью их профессиональной культуры.

По нашему мнению, языковая культура личности – это качество использования средств и возможностей языка, способствующее эффективному функционированию человека в обществе, его личностному и профессиональному развитию. В процессе коммуникации происходит не просто обмен информацией, но и обмен некими культурными смыслами, общими для участников коммуникативного акта, которые, сопутствуя данной

информации, делают коммуникацию более насыщенной. Важно подчеркнуть, что языковая личность обладает самым широким спектром социальных ролей (многогранностью), и в любой коммуникативной ситуации демонстрирует искусство пользования языком, всем богатством его возможностей с учетом строгой уместности этого пользования. Вышеуказанные факторы позволяют говорить об элитарной речевой культуре сотрудников ОВД, так как они, общаясь в определенной логосфере и в силу специфики своей деятельности вступают в различные коммуникативные контакты с другими членами общества, в том числе и с иностранными гражданами. Под логосферой мы понимаем некую типичную для той или иной социально-культурной среды совокупность стереотипов мышления, в которой складываются основы логического мышления, и формируется логическая культура человека [2, с. 23].

Напомним, что коммуникация (от лат. *communication* – сообщение, связь) – это сообщение или передача средствами языка содержания высказывания [3]. Понятия «коммуникация» и «общение» используются параллельно. В соответствии со спецификой правоохранительной деятельности сотрудникам часто приходится взаимодействовать с различными категориями граждан, находя общий язык с лицами, не желающими контактировать с представителями правоохранительных органов. Необходимо учитывать, что коммуникативная деятельность сотрудников имеет ряд отличительных особенностей, которые, с одной стороны, делают ее специфичной, а, с другой – могут ее значительно усложнить. Можно выделить следующие виды коммуникации, которые активно используются в деятельности сотрудников ОВД: вербальная и невербальная; межличностная и межгрупповая; публичная; массовая. Это означает, что культура их профессиональной речи должна зиждиться на таких составляющих, как: знание юридической термино-

логии, способность поддерживать диалог или полилог на профессиональную тему, умение общаться с гражданами, которые не являются специалистами в вопросах, касающихся специфики работы правоохранительных органов. Особенно важна для сотрудников ОВД последняя составляющая культуры профессиональной речи, поскольку, к сожалению, у большинства граждан сформировалось негативное отношение к сотрудникам ОВД как к работникам с недостаточным уровнем профессионализма и образования. Следовательно, необходимо, чтобы их речь была правильной и доступной широким слоям общества, так как это играет огромную роль в повышении их авторитета и укреплении доверия со стороны населения.

На наш взгляд, проблемы, существующие в коммуникации сотрудников ОВД с гражданами, обусловлены, прежде всего, незнанием языка и правил ведения коммуникации; отсутствием логической связи в сказанном, недостаточной степенью владения языком; неумением донести четко, лаконично и ясно мысль; пренебрежительным и часто негативным отношением к собеседнику, невниманием к сказанному, что впоследствии выражается в неполноте изложения фактов в различных документах, необходимых для раскрытия преступления

Целью данной статьи является структурно-семантический анализ иноязычных вкраплений (на примере варваризмов), встречающихся довольно часто в последнее время в профессиональной речи сотрудников ОВД. Проанализировав эмпирический языковой материал, мы пришли к выводу, что профессиональной речи сотрудников ОВД, присуща яркая, эмоциональная экспрессивно-стилистическая окраска, и что их речь очень часто перенасыщена иноязычными заимствованиями. Необходимо подчеркнуть, что некоторые из них явно избыточны, ибо, заметно выделяясь на фоне русских слов своим заграничным

произношением и написанием, они стали лишь вторым обозначением понятий, у которых уже были свои родные имена. Такие слова получили название варваризмы. Несомненно, использование в речи так называемых форенизмов, т. е. слов иностранного происхождения, в уместной ситуации и в разумных пределах является показателем общей культуры и образованности человека. Однако необходимо осознано употреблять иноязычные слова в контексте, понимая их сему, т. е. значение, знать, в каких областях они встречаются и как уместнее их употребить, и, наконец, знать, из какого языка они заимствованы.

Варваризм или иногда можно встретить в лексикологии термин барбаризм происходит от греческого слова *barbarismos* и латинского слова *barbaris* и означает чужеземный. По сути дела, это заимствованные из чужого языка слова или выражения, не до конца освоенные заимствующим языком (чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения, т. е. с несоответствием правилам словообразования, словоизменения или сочетания слов, действующим в заимствующем языке) и поэтому воспринимаемые как чужеродные. Таким образом, варваризм можно интерпретировать как иностранное слово или выражение, не полностью освоенное языком и воспринимаемое как чужеродное, как нарушение общепринятой языковой нормы. С течением времени это слово может выйти из обращения и забыться, либо получить хождение в ограниченных сферах (профессионализмы, сленг), либо стать широко употребляемым. По мнению Б. В. Томашевского, «по мере повторяемости варваризмы усваиваются языком и перестают быть стилистическими варваризмами, превращаясь в слова иностранного происхождения, заимствованные в различные эпохи культурных отношений у других народов». [4].

Проанализировав эмпирический материал, мы пришли к выводу, что вар-

варизмы часто проскальзывают в речи сотрудников правоохранительных органов, иногда неосознанно (просто потому, что постоянно на слуху), а иногда с целью продемонстрировать свою ученость, так как новые заимствования более престижны. Все это приводит к загрязнению родного языка, нарушает правильность, точность и чистоту речи: значения слов путаются, понимание в процессе общения затрудняется.

Термин «варваризация» употребляется по преимуществу в двух смыслах. В первом смысле он используется как синоним к слову «одичание», а во втором – для обозначения процесса языковых заимствований – варваризмов. Как справедливо отмечает В. С. Елистратов, «варваризация – естественный процесс. Но излишняя варваризация опасна, подобно несварению желудка <...>. Самая главная опасность этого периода – нарушение механизмов коммуникации, т. е. общения, взаимопонимания» [5]. Вполне аргументированное высказывание В. С. Елистратова можно проиллюстрировать примером отрывка из статьи, опубликованной в газете «Коммерсантъ», в которой наблюдается перенасыщение варваризмами:

«Начавшийся кризис уже стал причиной резкого роста *вакантности* в *сегменте стрит-ритейла* и вынудил *девелоперов* отложить открытие новых торговых центров. Ждать позитивных изменений в январе – феврале рынку не стоит. В этот период бизнес традиционно оценивает итоги работы и строит планы на начавшийся год: для многих *ритейлеров* речь может пойти об оптимизации числа магазинов. Идти на существенные уступки арендаторам по-прежнему готовы не все собственники, жесткая позиция последних формирует *тренд на миграцию брендов* в новые *локации*» [6].

В приведенном отрывке используются следующие варваризмы: *вакантность* (от англ. *vacant* – свободный, незанятый), *сегмент* (от англ. *segment* – сектор, доля),

стрит-ритейл (от англ. *street retail* – небольшие магазины, уличная торговля), *девелопер* (от англ. *developer* – разработчик), *ритейлер* (от англ. *retailer* – розничный торговец), *тренд* (от англ. *trend* – направление, течение), *миграция* (от англ. *migration* – передвижение, переселение, перенос), *бренд* (от англ. *brand* – марка изготовителя), *локация* (от англ. *location* – размещение). Данные варваризмы несут большую информативную нагрузку, т. е. являются тематическими стержнями приведенного отрывка, поэтому значение варваризмов является одним из главных условий понимания контекста. В данном случае речь идет о семантизации варваризмов, т. е. выявление смысла, значения языковой единицы, без знания которой невозможно адекватное восприятие изложенной концептуальной информации.

Перейдем к анализу структурно-семантических особенностей варваризмов, встречающихся в речи представителей ОВД. Объектом нашего исследования являются варваризмы иноязычного происхождения, которые преобладают в речи, и в большей степени это варваризмы из английского и французского языков, являющихся языками международной коммуникации. Наша задача заключается в исследовании иноязычных варваризмов с учетом важнейших особенностей этих слов и соотношения их с эквивалентами русского языка. В качестве такой точки опоры при их изучении можно использовать сопоставление русских и иноязычных варваризмов (или их элементов), сопоставление производных слов с их исходными и корневыми словами.

Итак, прежде всего, отметим, что профессиональной речи сотрудников ОВД присущи варваризмы, типичные для большинства российских граждан: офис (*office*), презентация (*presentation*), смс (*sms*), мессенджер (*messenger*), инфо (*information*), коннектиться, т. е. общаться, связаться (*connect*) и другие. В приведенных примерах варваризмы ассимили-

рованы, т. е. употребляются в усвоенном русской фонетикой и морфологией виде. Проанализировав языковой материал из журнала «Полиция России», газет «Петровка 38», «Комсомольская правда», «Коммерсант», мы составили следующую парадигму варваризмов, используемых сотрудниками и представителями правоохранительных органов:

1. Варваризмы-латинизмы. Как правило, это термины латинского происхождения (латинизмы): *de facto* (от лат. *de facto* – «на деле», «фактически») означает правило поведения или нечто действительное, происходящее на деле, но не закрепленное законом); *de jure* (указанное понятие произошло от лат. *de iure, de jure* – «юридически», «по (согласно) праву»); *modus operandi* – почерк преступника, *corpus delicti* (состав преступления) и другие. В структурно-семантическом плане они представляют собой двусоставные компоненты, в семантическом плане приближены к профессиональным терминам и в основном калькируются, т. е. их можно отнести к калькам. Термин «калька» (от фр. *calque* – копия) является термином лингвистической стилистики, введенным швейцарским лингвистом Шарлем Балли для обозначения буквальных переводов иноязычных слов и выражений.

Например: «Подозреваемый Жуков, сменил *модус operandi*. Переключился с джинсов и косметики на честных налогоплательщиков» [7].

Использование данных варваризмов обусловлено, по нашему мнению, необходимостью расширения профессиональной терминологии. Однако, во-первых, не стоит ими изобиливать, поскольку чрезмерное использование иноязычных вкраплений приводит, к сожалению, к необоснованному, избыточному заимствованиям. Во-вторых, не все адресаты понимают коннотацию данных варваризмов, что затрудняет коммуникацию.

2. Варваризмы-англицизмы: киллер (*killer* – убийца), киднепинг (*kidnapping* –

кража детей), рэкет (*racket* – вымогательство), суицид (*suicide* – самоубийство), драг-трафикинг (*drug trafficking* – наркоторговля), юзер (*user*) и т. д.

Анализируя их структуру, можно сделать вывод, что при употреблении в русском языке они фонетически и грамматически ассимилированы полностью или частично, т. е. сохраняют фонологическое звучание и грамматические формы, присущие английскому языку. (например, окончания существительных). Если говорить о семантике данных варваризмов, то наблюдается, как правило, расширение их значений. Например, слово *killer* в английском языке употребляется в контексте, когда говорят о наемном убийце, для которого стало «профессией» убивать людей. В русском же языке киллер употребляется уже в более широком смысле в значении «убийца» вообще.

3. Варваризмы-неологизмы: англицизмы: коронавирус (*coronavirrus*), оффлайн, он-лайн (*off-line, on-line*), лайфхак (*life* – жизнь; *hack* – взлом), зум (*zoom*), гугл (*google*), хайп (*to hype* – жестко навязывать свое мнение), мастхэв (*must have*), локдаун (*lockdown*), а также галлицизмы, т.е. слова французского происхождения: моветон (*mauvais ton*), комильфо (*comme il faut*), не комильфо (*non comme il faut*) и другие.

В русском языке данные варваризмы в речи употребляются сравнительно недавно. Если сравнить английские варианты с русским эквивалентами, то мы наблюдаем следующее. В русском языке употребляются как полностью калькированные варваризмы, так и трансформированные варваризмы, приближенные к просторечью (гуглить, зумить, мыло (от *email*), рандомный, т. е. случайный (от *random*) и т. д. Таким образом, в структурном плане варваризмы либо полностью ассимилированы, либо в русском языке употребляют их редуцированный вариант, как, например: инста (*Instagram*), реки (*recommendation* – рекомендация), доки (*documentation*), дистанционка

(*distant*). В некоторых случаях варваризмы приобретают отрицательную коннотацию. Например, хайпануть, корона (сокращенно от *coronavirrus*), моветон.

Остановимся на анализе некоторых варваризмов-неологизмов, таких как: мастхэв, моветон, комильфо, не комильфо. Они, как правило, внедряются в связную речь в неизменной форме, т. е. транслитерируются в виде калек. Варваризм-неологизм *мастхэв* (маст-хэв) транскрибирован от английского *must-have* – предмет первой необходимости (о вещах, которые нужно иметь или приобрести, ввиду их особенной практической полезности или популярности; вещь, которую обязан иметь каждый уважающий себя человек. Синонимом к *мастхэв* является слово *мастби*, транскрибированное от английского *must be* – нужный, необходимый. Оба синонима в последнее время активно вербализуются в устной и письменной коммуникации. Приведем примеры.

(А) Наполненная *моветонам* речь, словесная эквилибристика, грубость, хамство, а порой и оскорбления звучащие из уст представителей силовых структур, указывают на слабость позиции выступающего, на его неспособность мыслить в конструктивном направлении. Это не комильфо [8].

(В) В связи со сложившейся эпидемиологической обстановкой многих сотрудников перевели на дистанционную работу, следовательно, наличие необходимых *девайсов* у каждого – стопроцентный маст-хэв любого [7].

В переводе с английского «*маст*» (*must*) означает «обязан», а «*хэв*» (*have*) – «иметь». Мы полагаем, что использование данного варваризма в приведенном контексте представляет лишь мнение конкретного человека о необходимости обсуждаемой вещи для других. Возможно, для этого конкретного человека, это, действительно, *маст хэв*, и он экстраполирует свое желание обладать этой вещью на всех вокруг. То есть, использова-

ние этого варваризма очень субъективно.

Если говорить в целом, то наличие большого числа варваризмов можно встретить в прессе и интернет-источниках, а сотрудники ОВД в процессе своей профессиональной деятельности часто имеют дело с представителями СМИ. Как правило, тот или иной текст передает адресату определенную содержательную информацию – фактическую, концептуальную, подтекстовую и другие. В проанализированных нами образцах письменной коммуникации заложена либо фактуальная или фактологическая информация, которая сообщает о происходящих или произошедших событиях и носит информативный характер, либо концептуальная информация, отражающая авторскую оценку. Остановимся на анализе примеров, извлеченных нами из средств массовой информации.

1. «... *виктимность* свойственна людям, которые сами проявляют склонность к совершению преступлений...» [8].

Понятие *виктимность* – от английского слова “*victim*” (жертва) – часто используется в специальных изданиях, посвященных вопросам юриспруденции и защите правопорядка (виктимное поведение, виктимизация жертв...). Наблюдения показывают, что это сравнительно новый профессиональный термин юристов, т. к. он еще не широко употребляется и не зафиксирован в словарях иноязычных. Можно предположить, опираясь на значение исходного английского слова, что «*виктимность*» имеет значение «попадание в число жертв». Но возникает вопрос: зачем его использовать в речи, тем более, не поясняя его значения, если с его пониманием могут возникнуть трудности?

Аналогично и со словом *ноу хау* (“*know how*” – буквально «знаю как») – в современном русском языке имеет значение «технологическая идея, изобретение и т. п., которые при минимуме затрат дают максимальный практический эф-

фект» или просто «секрет производства». Хотя оно является технологическим термином и зафиксировано в словаре, его использование также может вызвать недопонимание. Приведем пример, где, кроме варваризма *ноу хау*, используются еще два – *агломерация* (*agglomeration* – скопление) и *трафик* (*traffic* – движение. транспорт).: «По предложениям Госавтоинспекции дорожные участки дополнили 25 новыми светофорными объектами. Большая часть из них установлена в Нижневартовске. Здесь же появилась автоматизированная система управления дорожным движением, она собирает и анализирует информацию о состоянии дорог и *трафика*. А вот в Сургутской городской *агломерации* введено *ноу-хау* – пешеходный переход, который проецирует дорожную разметку на проезжую часть, что позволяет водителю заблаговременно увидеть пешехода в темное время суток» [9].

2. «В случае неоднократного принятия решения об административном выдворении, *депортации* и *реадмиссии* въезд иностранному гражданину в Россию не разрешается в течение 10 лет» [9].

В данном контексте употреблено два форинизма – *депортация* и *реадмиссия*. Если говорить о варваризме *депортация*, то оно уже давно вошло в обиход, но, к сожалению, не все граждане, особенно мигранты, знают его значение. Если говорить о так называемом варваризме-неологизме *реадмиссия*, то оно произошло от английского слова *to readmit*, т.е. принимать назад и означает передачу запрашивающим государством и принятие запрашивающим государством лица (гражданина), чей въезд, пребывание или проживание в запрашиваемом государстве признаны незаконными в соответствии с международными договорами. Иначе говоря, это согласие государства на прием своих граждан обратно. Мы считаем, что в данном случае использование указанных варваризмов будет понятно не всем, даже сотрудникам ОВД,

тем более адресату, которому будут разъяснять его права, используя такие иноязычные вкрапления.

3. «Опять же, получается стимул для криминалитета: стремись украсть больше, стань заметным преступником – тогда будешь в *vine* сидеть»[8].

Варваризм *vin* образован от английской аббревиатуры *VIP* (*very important person* – «очень важный человек») и в данном контексте получил значение «тюрьма для особых преступников», но понять смысл предложения, не зная английского языка, было бы практически невозможно, поэтому употребление этого варваризма в речи крайне нежелательно. Вероятно, использование данного варваризма было вызвано особенностью адресата – журналиста, который сам часто вставлял иностранные «словечки» в свою речь, провоцируя собеседника следовать своему примеру.

4. «Нашими сотрудниками разработан свой фреймворк (*framework*), на основе которого создается программное обеспечение, востребованное в системе органов внутренних дел» [9].

5. «В ближайшее время совместно с Московским университетом МВД России им. В. Я. Кикотя и Воронежским институтом МВД России планируем организовать первый в истории министерства *хакатон* – интеллектуальный форум» [9].

В приведенном примере используется варваризм *хакатон*, структурно образованный от английского слова *hackathon* в результате слияния двух слов – *hack* (*хакер*) и *marathon* (*марафон*). Если говорить о семантике, то в широком значении *хакатон* означает марафон для программистов, во время которых команды соревнуются в разработке программного обеспечения по различным направлениям. В приведенном примере мы наблюдаем изменение коннотации варваризма *хакатон*, т. е. происходит сужение лексического значения и варваризм используется, по всей видимости, для обозначения площадки встречи, где будет

происходить обмен знаниями, идеями, опытом или создание совместного проекта по определенной проблеме.

6. «В мировом *тренде* (*trend*) – планомерное снижение скорости автомобильного *трафика* (*traffic*) и применение драконовских санкций к любителям быстрой езды» [9].

7. «Что же касается составления протоколов и иной служебной документации, участвующей в процессуальной деятельности, то ответственность составителя в этом случае еще выше – ведь эти документы приобретают статус доказательств: неправильно составленный протокол *дезавуирует* возможность получить верное судебное решение, поскольку судья не может им воспользоваться должным образом» [9].

В данном случае используется варваризм французского происхождения *desavouer*, который означает отрекаться, отказываться, не признавать. По нашему мнению, без использования данного варваризма можно было обойтись, заменив его соответствующей дефиницией на русском языке. К тому же данный варваризм сложен и с фонетической точки зрения. Не все реципиенты смогут его даже правильно прочитать.

8. «Другая раскрытая нами группа для неправомерного перевода денежных средств использовала так называемые *дампы*» [6].

В данном примере используется варваризм-англицизм *дамп* (от англ. *dump*). В английском языке слово *dump* – полисемично, т. е. имеет много значений, например, хлам, свалка, выбрасывать и другие значения. В приведенном примере слово приобрело новую коннотацию и означает информацию с магнитной полосы банковской карты. Мы имеем дело с варваризмом-неологизмом, который еще не зафиксирован в словаре. Следовательно, в лексическом плане произошло расширение значения. Однако мы считаем, что не все читатели смогут понять смысл употребленного варваризма, а лишь те,

кто, во-первых, знают английский язык и, во-вторых, знакомы с профессиональной экономической терминологией. Поэтому, на наш взгляд, нецелесообразно было использовать данный варваризм-кальку, а просто следовало дать его эквивалент или интерпретацию на русском языке.

9. «Полиция проверит россиянку из-за *фейка* о *чипировании* силовиков при вакцинации» (название статьи).

«По данным полиции, жительница Сунтарского района республики распространила ложную информацию в *мессенджерах*, сообщая, что под видом прививки сотрудникам силовых ведомств устанавливают чипы [6].

В данном примере употреблено три варваризма-англицизма, которые в структурном плане грамматически и фонетически ассимилированы. Если говорить о семантизации, то при раскрытии их значения, а именно смысловой, понятийной природы можно прибегнуть к их дефиниции.

Подводя итог, можно констатировать, что приведенные примеры демонстрируют наличие в профессиональной речи сотрудников правоохранительных органов значительного числа варваризмов иностранного происхождения, в основном англицизмов, которые снижают уровень их речевой культуры в целом. Именно поэтому необходимо следить за чистотой своей речи и избегать употребления чужеродных слов – варваризмов. Становление профессиональной языковой личности юриста начинается с осознания понятийной сущности языка и реализации его средства в речи.

Заключение. Рассмотрение вербализации иноязычных вкраплений на примере варваризмов в профессиональной речи правоохранителей, позволяет сделать некоторые выводы. Культура языка – это постоянное стремление расширять и укреплять знание языка, понимать его глубокое своеобразие и его же взаимодействие с другими языками. Культура языка не только филологическая, но и социологическая проблема, поскольку она связана с самыми разными видами коммуникации в современном мире. Проблемы, способствующие снижению коммуникации, могут быть устранены с помощью постоянной работы над собой, над собственной речевой культурой, а это означает, что сотрудник органов внутренних дел должен большое внимание уделять тому, что и как он собирается произнести (написать), так как это повлияет на имидж всей правоохранительной структуры. Профессиональная речь является важным компонентом культуры профессиональной деятельности, которая, в свою очередь, во многом определяет ее эффективность, а также репутацию организации в целом и отдельного специалиста, в частности. На наш взгляд, насыщение речи варваризмами, обусловлено следующими причинами: недостаточным уровнем владения родным языком, косноязычием, невниманием к своей культуре речи и ораторским навыкам; желание сделать свою речь более научной, компетентной и соответствующей современным тенденциям языка; влияние окружающей языковой среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечковская Н. Б. Язык. Природа. М. : Аспект пресс. 2000. 207 с.
2. Петрова Е. А. Логико-когнитивная интерпретация субстантивно-номинативных пропозиций в диктменной дискурсивации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Петрова Елена Александровна. Уфа. 2012. 55 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Едиториал УРСС. 2004. 576 с.

4. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие. М. : Аспект пресс. 2003. 333 с.
5. Елистратов В. С. Варваризация языка, ее суть и закономерности. URL: <http://www.gramota.ru/index.html> (дата обращения: 15.01.2021).
6. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4528358> (дата обращения: 18.01.2021).
7. Комсомольская правда. URL: <https://yandex.ru/search/?text> (дата обращения: 16.01.2021).
8. Петровка 38. URL: <http://petrovka-38.com/archivebibliofond.ru/view> (дата обращения: 15.01.2021).
9. Полиция России. URL: https://journal_list/magazine (дата обращения: 14.01.2021).

© Петрова Е. А.

УДК [378.635.018.43:004.77]:811.161.1'243

Е. Н. СЕРГЕЕВА, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, кандидат филологических наук, доцент (г. Уфа)

E. N. SERGEEVA, Assistant Professor of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philology, Associate Professor (Ufa)

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ИНОСТРАННЫХ /СЛУШАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО И СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ

ORGANIZATION OF THE INDEPENDENT WORK OF FOREIGN LISTENERS IN THE CONDITIONS OF DISTANCE AND MIXED LEARNING

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организации самостоятельной работы иностранных слушателей при дистанционном обучении как части смешанного обучения. Самостоятельная работа понимается как процесс развития активности и самостоятельности в познавательной деятельности обучающегося. Подчеркивается целесообразность сочетания традиционных и инновационных средств и методов обучения, а также важность тщательного отбора практического и теоретического материала для электронных учебных курсов на платформах дистанционных технологий. Анализ построения электронных курсов, использования мобильных приложений как средств самостоятельного изучения русского языка как иностранного позволил автору прийти к выводу о том, что смешанное обучение весьма эффективно: оно позволяет максимально активизировать самостоятельную работу обучающихся и сформировать основные знания, умения и навыки в рамках профессиональной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова и словосочетания: самостоятельная работа, дистанционное обучение, смешанное обучение, информационные технологии, электронные учебные курсы, технические средства обучения.

Annotation. The article discusses the features of the organization of independent work of foreign students in distance learning as part of the mixed one. Independent work is understood as a process of activity and independence development in the cognitive activity of a student. The feasibility of combining traditional and innovative teaching tools and methods is emphasized, as well as the importance of careful selection of practical and theoretical material for e-learning courses on distance technology platforms. An analysis of the construction of electronic courses, the use of mobile applications as means of independent study of Russian as a foreign language allowed the author to come to the conclusion that blended learning is very effective: it allows you to maximize the independent work of students and to form basic knowledge, skills and abilities within the framework of professional communicative competence.

Keywords and phrases: independent work, distance learning, blended learning, information technology, e-learning courses, technical teaching aids.

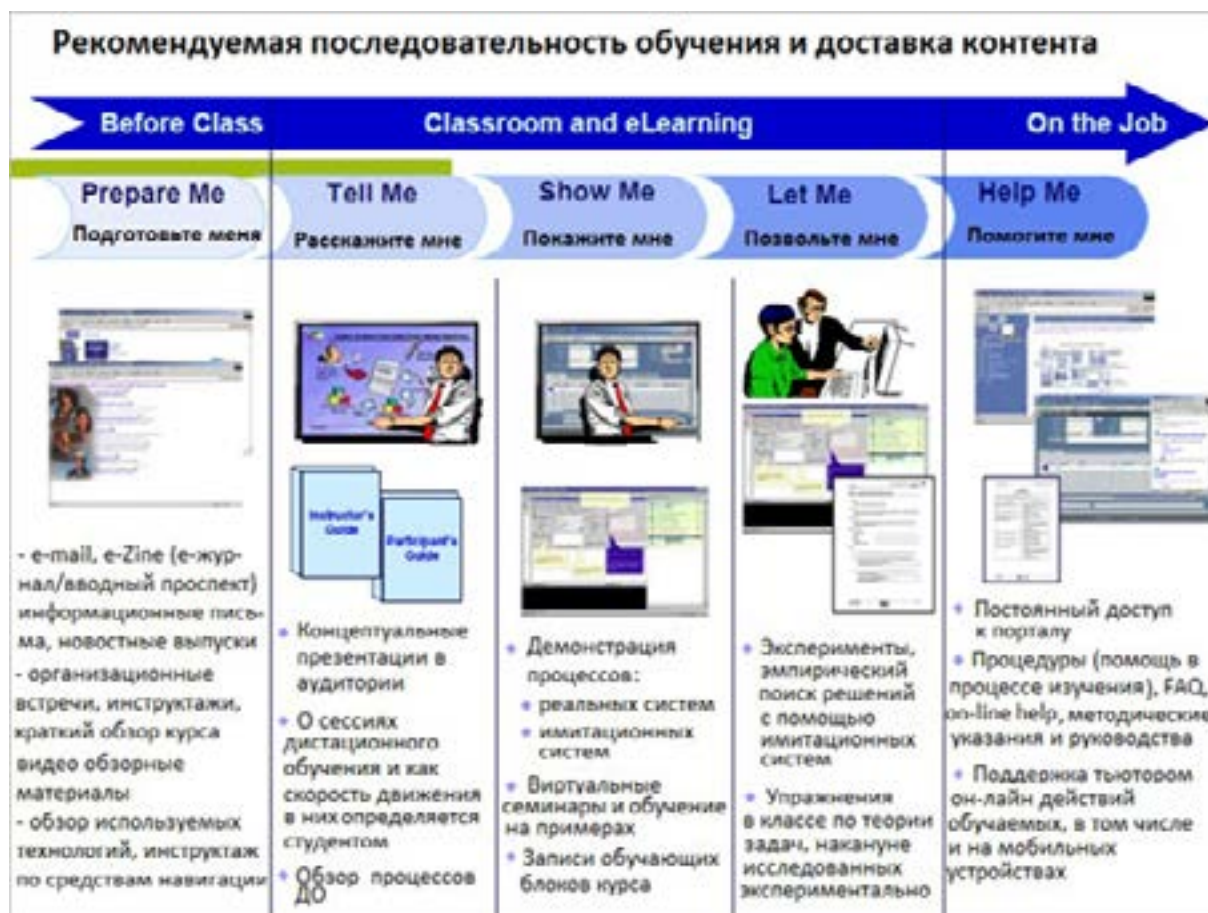
С 2020 года во многих вузах мира все активнее происходит внедрение дистанционных технологий в образовательный процесс. Так, большинство учебных заведений применяют онлайн-обучение как направление стратегического развития. Более ста веб-технологий и продуктов программного обеспечения используются сегодня в мире с образовательной целью [1]. Государственные образовательные стандарты третьего поколения диктуют новые требования к организации учебного процесса с использованием различных технических средств. Количество аудиторных часов значительно сократилось, и как следствие – возросла роль самостоятельной работы (далее – СР) обучающихся.

Под дистанционными образовательными технологиями понимаются «образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [2]. Для дистанционного взаимодействия преподаватели и обучающиеся должны быть обеспечены компьютером (ноутбуком/смартфоном) с выходом в Интернет и установленным программным обеспечением, микрофо-

ном, наушниками, акустическими колонками, принтером и фотокамерой. Очевидным в этих условиях становится факт необходимости технического переоборудования многих учебных заведений.

Применение компьютерных технологий, с одной стороны, позволяет повысить уровень заинтересованности обучающихся, повысить их мотивацию, а другой – помочь преподавателю интенсифицировать учебный процесс, сделать его более насыщенным и личностно ориентированным.

Дистанционные формы и методы обучения стали активно применяться в педагогическом процессе Уфимского юридического института МВД России (далее – Уфимский ЮИ МВД России), в том числе рамках смешанного обучения. Смешанное обучение (англ. “Blended Learning”) – это сочетание традиционных форм обучения с элементами электронного, при котором появляется возможность выбора времени, места, способов и скорости обучения при использовании специальных информационных технологий, таких как компьютерная графика, аудио и видео, интерактивные элементы и т. п. [3]. Кратко теорию смешанного обучения можно представить в виде следующей схемы:

Как видим, весь учебный процесс строится как «последовательность фаз традиционного и электронного обучения, которые чередуются во времени» [3]. При этом существенно возрастает роль мотивации, самостоятельной работы обучающихся и их ответственности за получение новых знаний.

Очевидно, что эффективность такого обучения зависит от правильной постановки целей, от конкретной системы дистанционного обучения (далее – СДО) и электронных учебных курсов (далее – ЭУК).

Так, на кафедре иностранных и русского языков Уфимского ЮИ МВД России были созданы электронные учебные курсы филологического профиля для иностранных обучающихся по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» по дисциплинам «Русский язык как иностранный», «Риторика», «Русский язык в деловой коммуникации», «Литерату-

ра» (факультатив), «Грамматика русского языка». Они состоят из нескольких разделов: общая характеристика курса (в котором содержится описание курса, цели, задачи, система оценивания и координаты ответственного за реализацию курса), методические материалы (рабочая программа и планы практических занятий), литература и дополнительные материалы (где можно указать не только литературу для изучения тем дисциплины, но и ссылки на обучающие фильмы, мастер-классы и т. д.), разделы (темы) дисциплины, промежуточная аттестация (размещаются вопросы и методические материалы для подготовки, а также материалы для проведения зачета в форме электронного тестирования). Слушатели видят всю структуру курса, количество тем, тип итоговой аттестации. Основной блок – разделы (темы) дисциплины – соответствуют одному практическому занятию в онлайн-режиме (обучение строится с учетом расписания занятий,

которое также слушатели видят в электронном виде).

Иностранные слушатели получают логины и пароли от своих личных кабинетов в СДО и имеют возможность самостоятельно изучать материалы в удобном для них режиме, что делает образовательный процесс более подуктивным: повышается мотивация; развивается познавательная активность через умение работать с электронными источниками информации, а также стимулируется самостоятельность в учебном процессе.

В условиях дистанционного обучения система электронных курсов – это только вспомогательные технологии, позволяющие закрепить, повторить и дополнить знания. «Эффективность использования информационных и коммуникационных технологий повышается на порядок, если они применяются в качестве вспомогательного педагогического инструмента при разумном синтезировании традиционных и инновационных форм обучения» [4, с. 12]. Именно поэтому преподаватели при проведении занятий в рамках смешанного обучения применяют программную платформу унифицированных коммуникаций True Conf для видео- и аудиоконтакта со слушателями. Данная платформа позволяет проводить разные виды конференций (симметричная, видеоурок, ролевая), общаться в чате, вызывать на трибуну для ответа обучающихся и т. д. Возможность опосредованно в онлайн-режиме контактировать преподавателю с обучающимися значительно повысила уровень успеваемости и общей мотивации иностранных слушателей: у них появилась возможность вести коммуникацию на изучаемом языке (задавать интересующие из вопросы, улучшать свои фонетические навыки, развивать навыки чтения, письма, говорения и аудирования, получать ситуативные толкования непонятных лексических единиц и их сочетаемости и т. д.). Слушатели всегда могут всегда получать «обратную связь»: преподава-

тель (или же сами обучающиеся) имеет возможность корректировать ошибки, разъяснять непонятный материал и т. д.

Практическое занятие, которое проводит преподаватель в системе True Conf по структуре традиционно:

1. Организационная часть занятия, во время которой преподаватель проверяет готовность аудитории и технических средств обучения. В это же время слушатели на экранах своих компьютеров видят номер и тему, цели и задачи занятия. Применение функции «демонстрация экрана» помогает значительно сократить время организационного момента, а также активизировать навыки чтения и понимания текста на иностранном языке (не более 2 – 3 минут).

2. Основная часть, которая всегда строится с учетом темы: преподаватель выбирает наиболее эффективные методы проведения занятия и контроля знаний обучающихся.

3. Последний, заключительный этап занятия – подведение итогов, во время которого преподаватель отвечает на возникшие вопросы, комментирует работу слушателей и выставляемые оценки, а также прикрепленное отдельным файлом задание на самоподготовку.

По сравнению с обычной аудиторной формой существенно сокращается время на 1 и 2 этап, а основная часть может быть вынесена за временные рамки онлайн-занятия: обучающиеся имеют возможность закончить изучение курса или выполнение какого-либо задания позже и прислать его преподавателю на проверку.

Уже было сказано о том, что при использовании дистанционных опосредованных форм обучения существенно возрастает роль самостоятельной работы слушателей: теперь им нужно не только самостоятельно готовиться к практическим занятиям, но и самостоятельно (на начальном этапе чаще с «подсказками» преподавателя) осуществлять поиск необходимой информации. В их задачи входит систематизация, закрепление и полу-

чение дополнительных теоретических знаний и практических умений, способствующих развитию профессиональных компетенций.

Педагогические принципы организации самостоятельной деятельности довольно часто обсуждаются в научной и методической литературе: в них раскрываются сущность самостоятельной работы, проблемы повышения ее эффективности, методики проведения, способы и условия ее совершенствования (работы В. Г. Черемисиной, О. Б. Самойленко, Н. Н. Горач, А. М. Григоренко, Т. Б. Рапаковой, А. Н. Леонтьева, Л. Р. Бакировой, О. А. Нильсон, И. Э. Унт и др.). Однако среди этих работ нет специальных исследований, посвящённых анализу самостоятельной работы иностранных слушателей в условиях дистанционного обучения.

Так, наш опыт показал, что иностранные обучающиеся на этапе довузовской подготовки (а некоторые и на начальном этапе профессионального обучения) не готовы к высокой степени самостоятельности и не всегда могут найти (а главное понять и усвоить!!!) недостающую информацию на незнакомом им языке. В связи с этим роль преподавателя русского языка как иностранного (далее – РКИ) в условиях дистанционного обучения остается крайне важной: он является не только педагогом, но и «координатором» действий иностранных обучающихся, так как, оказавшись в чужой лингво-культурной среде, многие иностранцы испытывают «культурный шок» (термин американского исследователя Калерво Оберга), лингвистический шок (В. П. Белянин) и оказываются не способны осваивать какой-либо материал. Помочь преодолеть этот барьер и повысить мотивацию в методическом отношении должен строго продуманный выложенный в СДО материал для СР. От того, как будет структурирован и подан учебный материал, во многом зависит успех освоения темы.

Так, по каждой теме в системе СДО преподаватель «выкладывает» материалы для самостоятельного изучения. Структурно и содержательно элементы каждого занятия в ЭУК на платформе СДО в Уфимском ЮИ МВД России построены таким образом, что, кроме файлов с теоретическим материалом и различными упражнениями, используются аудио- и видеоматериалы, глоссарий, ссылки на источники дополнительной литературы, ресурсы системы Интернет (фильмы, обучающие уроки, интерактивные упражнения и др.), а также небольшие тесты для оценки уровня усвоения пройденного материала.

Слушатель имеет возможность до и после проведения занятия познакомиться с материалом. При самостоятельном изучении теоретического материала (например, фрагмента текста учебника) они могут обращаться по гиперссылкам к другим объектам электронного учебника (видеоматериалам, глоссарию, другим темам и разделам дисциплины). Все это происходит с использованием функции «Лекция» в системе СДО, главной особенностью которой является ступенчатое освоение теоретического материала: слушатели не могут приступить к изучению последующей темы или вопроса занятия без самоконтроля с помощью тренировочных тестов. Это позволяет преподавателю понять, какой вопрос является наиболее сложным для освоения и предложить его рассмотреть совместно на онлайн-занятии, предложить дополнительный материал для его изучения и освоения.

Большой выбор мультимедийных программ позволяет применять дифференцированный подход к обучению и выстраивать программу индивидуально [9]. Так, например, при изучении тем в рамках факультативной дисциплины «Литература» можно предложить обучающимся самостоятельно познакомиться не только с адаптированными, но и аутентичными текстами: посмотреть экранизации (теа-

тральные постановки либо художественные фильмы) изучаемых произведений, а также прослушать музыку и посмотреть репродукции картин, которые связаны с изучением творчества писателя. Эти дополнительные источники позволяют проводить занятие с учетом индивидуальных потребностей обучающихся и формировать их культурологическую компетенцию. По справедливому замечанию Л. Р. Бакировой, «видеоматериалы объединяют различные аспекты акта речевого взаимодействия и отличаются наличием визуальной информации о месте события, внешнем виде и поведении участников общения и т. д.» [6, с. 18]. Такие «поликодовые тексты», состоящие из вербальной и невербальной информации создают в сознании обучающихся ассоциативные ряды, помогающие «перевести информацию из кратковременной памяти в долговременную, а затем и в оперативную» [7, с. 340], способствуют лучшему усвоению учебного материала.

По нашим наблюдениям, обучающиеся на занятиях и при самостоятельной подготовке к ним активно используют смартфоны. Обучение языку с использованием смартфонов – доступный способ развития иноязычных компетенций, приобретающий широкое распространение в современной методике преподавания благодаря возможности проводить непрерывное обучение. Эта возможность создается за счет того, что мобильное устройство всегда доступно для использования [8, с. 175]. Использование различных мобильных приложений в процессе самостоятельного изучения языка обусловлено их мультимедийностью и гипертекстуальностью и способствует увеличению интенсивности изучения иностранного языка [9, с. 50]. Это могут быть как электронные словари, справочники, электронные игры и т. д., а также коммуникаторы. Так, например, общаясь через приложение WhatsApp, иностранные обучающиеся с удовольствием осваивают не только нормированный

литературный язык, но и его жаргонные и просторечные формы. Возможность установки различных мобильных приложений во многом способствует успеху в освоении русского языка как иностранного (далее – РКИ).

На сегодняшний день Google Play предлагает более 80 программ для изучения РКИ. Их можно разделить на 5 групп:

- для визуального изучения РКИ;
 - для изучения грамматики русского языка;
 - приложения для перевода (словари);
 - приложения-книги для чтения,
 - приложения для общения
- [10, 11].

Методика СР с приложениями (в зависимости от типа приложения) может включать несколько этапов:

1. Инструкция по работе с приложением, объяснение преподавателем задания.
2. Самостоятельная работа иностранных обучающихся с приложением,правка выполненных работ преподавателю.
3. Оценка выполненных заданий.
4. Обсуждение в аудитории.
5. Контроль [7].

Мы полагаем, что такие формы СР могут активно использоваться в образовательном процессе Уфимского ЮИ МВД России, но следует учитывать то, что «большинство мобильных приложений ограничивается рамками получения и развития грамматических и лексических знаний, но не даёт возможности совершенствовать коммуникативные навыки и умения» [7, с. 340].

Смешанная форма обучения (сочетание дистанционных форм с использованием онлайн-технологий и аудиторных занятий), применяемая в образовательном процессе Уфимского юридического института МВД России, на наш взгляд, позволяет максимально активизировать самостоятельную работу студентов. Эта работа по дисциплинам филологического профиля должна быть ориентирована

на комплексное развитие речевой деятельности и в итоге – на формирование профессиональной коммуникативной компетенции. Помочь преподавателю в этом помогают различные технические средства. Таким образом, для организации самостоятельной работы в рамках смешанного обучения необходим ком-

плексный подход (включая все формы аудиторной и внеаудиторной работы) к процессу обучения с активным использованием технических средств, а также обеспечение различных форм контроля выполнения самостоятельной работы (консультации, контрольные работы, тесты и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернобровкина Е. П. Перспективы использования смешанного обучения в преподавании иностранных языков. // Повышение академической мобильности преподавателей и студентов, в рамках сотрудничества РЭУ им. В. Г. Плеханова с международной образовательной корпорацией «Pearson» : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. / под редакцией М. В. Зарудной. М. : PEARSON, 2016. С. 227 – 237. // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25532727_28482797.pdf (дата обращения: 29.11.2020).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273–ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // СЗ РФ. 2012. № 273, ст. 16. URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz/st16.php> (дата обращения: 15.11.2020).
3. Что такое смешанное обучение: принципы и методики эффективного внедрения. URL: <https://www.ispring.ru/elearning-insights/chto-takoe-smeshannoe-obuchenie> (дата обращения: 04.10.2020).
4. Колтакова Е. В., Татарина Н. В., Лешутина И. А. Портал «Образование на русском» как информационно–образовательная среда обучения иностранных слушателей на подготовительном факультете // Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан : сборник статей. М., 2017. С. 11 – 16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34869650> (дата обращения: 29.10.2020).
5. Тойшева О. А. Организация самостоятельной работы в военном вузе с использованием интерактивных методов обучения // Методические особенности преподавания дисциплин естественно-научного цикла в военном вузе. Сборник трудов. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2019. – С. 84 – 88. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36863397_38354012.pdf. (дата обращения: 11.10.2020).
6. Бакирова Л. Р., Атнагулова А. Д. Применение современных технических средств обучения, компьютерной и специальной техники на занятиях по русскому языку как иностранному // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития : сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. Чебоксары : Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2020. С. 16 – 19. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41519467_17633798.pdf (дата обращения: 18.10.2020).
7. Надха С. Э., Маслова А. М., Кузьмина Е. О. Мобильные приложения как средство обучения русскому языку как иностранному при организации самостоятельной работы иностранных студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 335 – 340. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2020/1/67.html> (дата обращения: 18.10.2020).
8. Григоренко А. М. Мобильные приложения как средство организации самостоятельной работы при изучении грамматики иностранного языка // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2019. 1 (23). С. 124. Томск : Томский государственный педагогический университет. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36742546_39926431.pdf (дата обращения: 03.10.2020).

9. Капранчикова К. В. Дидактические свойства и методические функции мобильных технологий в обучении иностранному языку // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. № 1 (129). С. 49 – 56.

10. Ермолаева Ж. Д. Мобильные приложения в обучении русскому языку как иностранному : обзор. URL: <https://www.eduneo.ru/mobilnye-prilozheniya-v-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-obzor> (дата обращения: 19.11.2020).

11. Ярославцева М. В. Приложения для смартфонов как инструмент m-learning при обучении РКИ // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному : сборник статей / отв. редактор Л. С. Крючкова. М., 2015. С. 163 – 166. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23326876> (дата обращения: 25.10.2020).

© Сергеева Е. Н.

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ.
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.635.016:[355.541.1:81'372.612.2]

С. Н. АРХИПОВ, доцент кафедры
огневой подготовки Тюменского
института повышения квалификации
сотрудников МВД России, мастер спорта
России по стрельбе из табельного оружия
(г. Тюмень)

S. N. ARKHIPOV, Associate Professor
at the Department of fire training Tyumen
Advanced Training Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Master of Sport of Russia in shooting from
service weapon (Tyumen)

**АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТАФОРЫ В ОБУЧЕНИИ СОТРУДНИКОВ
ПОЛИЦИИ СТРЕЛЬБЕ ИЗ БОЕВОГО РУЧНОГО СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ**

**ANALYSIS OF THE USE OF METAPHORS IN TRAINING POLICE OFFICERS
IN SHOOTING FROM MILITARY AND HAND-HELD SERVICE FIREARMS**

Аннотация. В статье на примере использования метафоры автором рассматриваются вопросы по совершенствованию двигательных навыков сотрудников полиции, анализируются результаты их применения в учебном процессе в рамках дисциплины «Огневая подготовка». Автор обращает внимание на то, что в деятельности преподавателя кроме профессионального объяснения важно использовать словесно-образные средства на основе метафоры, чтобы объяснить, как выполнять техническое действие при обучении технике стрельбы из боевого ручного стрелкового оружия, что способствовало бы лучшему пониманию и дальнейшему правильному выполнению разучиваемых действий. Делается вывод, что через метафоры в процессе прове-

дения занятий по огневой подготовке преподаватель обращается к уже имеющимся знаниям и жизненному опыту обучающихся, используя образные выражения (метафору), что приводит к правильному выполнению элементов техники стрельбы.

Ключевые слова и словосочетания: образные выражения, метафора, сотрудник органов внутренних дел, огневая подготовка, боевое ручное стрелковое оружие, учебно-тренировочный процесс.

Annotation. In the article the author examines the issues of improving the motor skills of police officers on the example of using the metaphors within the framework of the fire training discipline, analyzes the results of their application in the educational process. The author draws attention to the fact that in the teacher's activities, in addition to professional explanation, it is important to use verbal - figurative means based on a metaphor in order to explain how to perform a technical action when teaching the technique of shooting from combat hand-held small arms, which would contribute to a better understanding and further correct implementation of the learners action. Metaphors in the process of conducting fire training classes act as a method of improving the acquired skills and abilities, and the teacher, through metaphors, refer to the already existing knowledge and experience of students.

Keywords and phrases: figurative expressions, metaphors, officer of internal Affairs bodies, fire training, military and hand-held service firearms, training process.

На современном этапе существенно возрастает роль научных достижений в решении задач по подготовке кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации и формированию ключевых компетенций сотрудников. Дальнейшее повышение уровня в подготовке неизбежно требует кардинального совершенствования методики обучения, как системы подготовки сотрудников, так и организационно-методической базы системы подготовки в территориальных органах Министерства внутренних дел России (далее – МВД России). В связи с этим перед профессорско-преподавательским составом образовательных организаций МВД России все чаще встает вопрос о механизмах, которые обеспечат получение, структурирование и эффективное усвоение учебного материала. На наш взгляд, одним из механизмов, обеспечивающих более доступное усвоение информации на занятиях по огневой подготовке, является использование аналогии, образных выражений и метафор.

Ряд исследователей считает, что: «хорошая метафора значительно облегчает процесс педагогической коммуникации, она способствует взаимопониманию и

установлению неформальных контактов, а метафоричность изложения способствует более полному пониманию идей педагога и особенно велика ее роль в передаче научного знания» [1, с. 3].

По мнению М. А. Ахметова, Э. А. Мусенова «метафора должна быть образной и насыщенной, в рамках учебной деятельности она является условием успешного обучения, выделяя учебную, обучающую и управляющую метафоры. Реализация учебных метафор предполагает применение приемов упрощения содержания излагаемого учебного материала через применение аналогий, направленных на создание внутренних связей нового содержания со старым хорошо известным» [2, с. 12].

Интерес к применению метафоры в системе профессионального обучения сотрудников полиции стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия (далее – БРСО) вызван тем, что словесные выражения выступают в качестве метода познания обучаемым двигательных действий в процессе обучения стрельбе. Применение метафоры на занятиях по огневой подготовке мало изучено, поэтому наши исследования предполагают проверку эффективности применения

образных выражений при обучении сотрудников полиции стрельбе из БРСО.

Целью исследования служил поиск и анализ педагогических приемов, способствующих правильному выполнению элементов техники стрельбы сотрудниками полиции при обучении стрельбе из БРСО.

Предметом нашего изучения стали возможные пути повышения у сотрудников полиции результативности стрельбы из пистолета по средствам использования образных выражений (метафор) в процессе профессионального обучения, влияние образных выражений (метафор), используемых автором в учебном и тренировочном процессе, на качество выполнения двигательного действия обучаемых при освоении некоторых элементов техники стрельбы из пистолета.

В качестве метода исследования выступили тестирование и опрос в неслучайной целевой выборке с помощью специально разработанной анкеты с целью проведения сравнительного анализа эффективности обучения сотрудников полиции стрельбе из БРСО с применением метафоры.

Применение метафоры как средства обучения имеет высокую педагогическую ценность с точки зрения понимания учебного материала, так как образные выражения дают возможность донести в понятной форме модель восприятия движений в процессе обучения сотрудника полиции элементам техники стрельбы.

По мнению Е. И. Абрамовой, «невозможно воспринять и усвоить неизвестное через непонятное. Человек познает мир, сопоставляя новое знание с уже знакомым, сравнивая изученное новое со старым известным» [3, с. 6].

Включение образных выражений в процесс обучения стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия служит моделью правильного и осмысленного выполнения элементов техники стрельбы. Это особенно важно на этапе про-

фессионального обучения, так как в это период закладываются основа приобретаемых умений и навыков, а дальнейшее их совершенствование будет поддерживаться в рамках занятий в системе профессиональной служебной и физической подготовки.

Использование метафоры в обучении технике стрельбы из пистолета вариативно, так как:

– это языковое средство, позволяющее осмыслить модель изучаемого движения;

– это языковое средство, благодаря чему слушатель имеет возможность овладеть новым и сложным учебным материалом и сформировать начальное его понимание.

При обучении стрельбе из БРСО большое значение имеет правильное и осмысленное выполнение элементов техники стрельбы. Это особенно важно как на этапе профессионального обучения сотрудника полиции, так и на этапах дальнейшего своего совершенствования в рамках занятий в системе профессиональной служебной и физической подготовки.

В настоящее время в образовательных организациях МВД России широко внедряется дистанционная форма обучения по основным программам профессионального обучения профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский». В соответствии с содержанием этих программ 87 % времени, отведенного на изучение тем учебной дисциплины «Огневая подготовка» должны изучаться самостоятельно, более 50 % времени, отведенного на освоение темы «Приемы и правила стрельбы из пистолета», изучается слушателями также самостоятельно. Например, из 6 часов, предусмотренных на тему «Приемы и правила стрельбы из пистолета», 4 часа отнесены на самоподготовку. А ведь при освоении этой темы изучаются основные элементы техники стрельбы из пистоле-

та, разучиваются практические действия с оружием и боеприпасами, выполнение которых в дальнейшем формирует навыки правильного и безопасного обращения с оружием. Учитывая указанные данные и в целях проверки эффективности использования образных выражений в процессе освоения слушателями основных элементов техники стрельбы, нами было проведено исследование применения метафоры при изучении дисциплины «Огневая подготовка».

В нашем исследовании приняли участие сотрудники полиции, проходившие обучение в 2019 г. по основным программам профессионального обучения по очной и заочной форме обучения:

– «Профессиональная подготовка лиц среднего и старшего начальствующего состава, ранее проходивших службу на должностях офицерского состава и приравненных к ним должностях в государственных военизированных организациях, указанных в статье 5 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (за исключением МВД России)» по должности служащего «Полицейский» (группа №1 заочная форма обучения);

– «Профессиональная подготовка сотрудников, имеющих специальное звание внутренней службы и проходящих службу в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях и других местностях ...» по должности служащего «Полицейский» (группа № 2 заочная форма обучения);

– «Профессиональная подготовка лиц рядового состава и младшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» по должности служащего «Полицейский» (группы № 3 и № 4 очная форма обучения).

В качестве контроля уровня умений и навыков, обучающихся по программам профессиональной подготовки, были

взяты показатели контрольных стрельб, стрельб на тренажере СКАТТ и результаты экзамена. По итогам контрольных стрельб средний балл слушателей заочной формы обучения составил 2,8 у группы № 1, и 2,6 балла группы № 2, что значительно ниже результата, показанного слушателями, обучающимися по унифицированным программам очной формы обучения, (группа № 3, группа № 4), у которых средний балл составил 3,7 балла и 3,6 балла соответственно.

По нашему мнению, показанные высокие результаты групп № 3 и № 4 – это следствие того, что слушатели этих групп имели возможность на практических занятиях получить от преподавателя всестороннюю информацию об элементах техники стрельбы с пояснениями на примере метафор о правильности выполнения двигательных действий и о том, как они должны выполняться. Среди причин низкого качества стрельбы у слушателей исследуемых групп № 1 и № 2 видится то, что сотрудники, самостоятельно изучая тему «Приемы и правила стрельбы из пистолета» и тему «Учебные стрельбы из пистолета», не получают тех знаний и не приобретают умений правильного выполнения отдельных элементов техники стрельбы.

Позднее в рамках консультации перед экзаменом слушателям групп № 1 и № 2 было предложено практическое задание, направленное на определение уровня навыков выполнения элементов техники стрельбы из пистолета на стрелковом тренажере СКАТТ.

Диаграмма тестирования на стрелковом тренажере показала, низкую устойчивость системы «стрелок – оружие», качество выполнения элементов техники стрельбы, и обработки спуска у слушателей групп № 1 и № 2, (рис. 1), которые сопоставимы с результатами контрольных стрельб взятого в качестве первого контрольного теста.

Рис. 1. Диаграмма устойчивости системы «стрелок – оружие» и качества обработки спуска у слушателей групп № 1 и № 2 до применения метафоры в процессе обучения

Диаграмма (рис. 1) качества обработки спуска слушателями заочной формы обучения показывает отклонения направления оси канала ствола от центра мишени при нажатии на спусковой крючок (синий цвет диаграммы), что указывает на неправильное выполнение данного элемента.

В процессе определения уровня навыков выполнения элементов техники стрельбы наблюдается, что у сотрудников затруднено четкое представление о выполнении отдельных элементов техники стрельбы, это связано, в первую очередь, с непониманием новой для них информации на фоне присутствующего волнения.

Для того чтобы представить выполнение двигательного действия, его надо увидеть, но воспроизвести увиденное слушателями не всегда правильно получается. И поэтому демонстрация выполнения таких элементов или отдельного элемента должна сопровождаться не только поясняющей информацией, но и разъясняющими выражениями, создающими образ, необходимый для выработки модели выполнения элемента техники стрельбы.

Воздействие метафоры на человека способствует возбуждению сигнальной системы, благодаря чему и возникают в памяти обучающегося образы пережитые и увиденные, ранее выполняемые движения и т. п.

Козина Ж. Л. и Альмаданат А. Н. в своих работах отмечают, что основой для отображения в сознании деталей выполнения элементов техники и тактики како-

го-либо спорта является образное представление необходимого движения или комплекса движений [4 – 6].

Обращаясь к метафоре, информационный материал становится для сотрудников более понятным за счет аналогии со знакомой информацией, связанной в подсознании обучаемых с имеющимися сведениями, фактами и жизненным опытом.

Со слушателями заочной формы обучения производился разбор ошибок выполнения элементов техники стрельбы с дальнейшим разъяснением порядка и правильности выполнения действий с использованием метафор. Среди образных выражений, которые применялись на занятиях для осмысления выполнения двигательных действий (для понимания действия по нажатию на спусковой крючок и коррекции ошибки – резкое нажатие на спусковой крючок при выполнении данного действия), можно выделить такие, как: «Нажатие на спусковой крючок, схоже с тем, как водитель отпускает педаль сцепления для движения автомобиля» или «Нажатие на спусковой крючок схоже с тем, как водитель нажимает на педаль тормоза для остановки автомобиля» [7, с. 191]. Примеры других образных выражений, применимых на занятиях по огневой подготовке, освещаются нами в статье в исследовании по данной тематике в 2019 году [7].

Последующее тестирование показало положительную динамику качества выполнения элементов техники стрельбы (рис. 2) вследствие повышения качества усвоения материала.

Рис. 2. Диаграмма устойчивости системы «стрелок – оружие» и качества обработки спуска у слушателей групп № 1 и № 2 после изучения элементов техники стрельбы с применением метафор

Дальнейшее совершенствование выполнения элементов техники стрельбы с включением в тренировочный процесс образных выражений повлияло на качество выполнения упражнения стрельб

в тестируемых группах на экзамене (см. табл. 1). Так средний балл группы № 1 составил 3,2, группы № 2 средний балл составил 3,3, это выше, чем показанный результат на контрольных стрельбах.

*Таблица 1
Показатели контролей обучающихся по программам профессиональной подготовки*

Вид контроля	группа № 1 27 чел.	группа № 2 14 чел.	группа № 3 25 чел.	группа № 4 27 чел.
	ср. балл / ср. кол. оч.	ср. балл / ср. кол. оч.	ср. балл / ср. кол. оч.	ср. балл / ср. кол. оч.
Входной контроль (контрольные стрельбы)	2,8 / –	2,6 / –	3,4 / –	3,6 / –
Тест на тренажере СКАТТ (10 выстрелов)	– / 74	– / 63	–	–
Тест на тренажере СКАТТ после обуч. с применением метафор (10 выстрелов)	– / 91	– / 85	– / 94	– / 92
Итоговый контроль (экзамен)	3,2 / –	3,3 / –	3,7 / –	3,6 / –

Образное выражение метафора в педагогической практике является индивидуально-авторским высказыванием с переносным значением, как правило, по сходству. Данный механизм естественен для обучающихся, так как они с применяемыми сравнениями встречаются в повседневной жизни.

Сходства двух объектов, а именно изучаемого элемента и уже сформированного представления из собственной практики, должно основываться на общих семантических признаках. Устанавливая сходство имеющихся представлений, навыков и действий, сотрудники в

процессе обучения легко осуществляют их сравнение с одним из изучаемых элементов техники стрельбы.

Многогранность образных выражений позволяет преподавателю в процессе обучения при изложении учебного материала опираться на естественные закономерности и практические примеры из жизни.

А. А. Пилигин в работе, посвященной применению метафоры как способа пояснения важного учебного содержания и передачи познавательной стратегии, обращает внимание на то что «метафоры представляют собой использование из-

вестных простых объектов или явлений в качестве примера иллюстрации сложного понятия или важного учебного содержания» (к примеру: угол – развернутая книга) [8].

В рамках исследования нами было проведено анкетирование среди слушателей, обучающихся по основным программам профессионального обучения. В анкете респондентам было предложено ответить на 10 вопросов и выполнить практическое задание.

Результаты анкетирования по вопросу применения метафоры в учебном и тренировочном процессе показали, что преобладающая часть (89 %) сотрудников указала на важную роль использования образных выражений (метафоры) в процессе обучения нажатия на спусковой крючок в понимании того, как должен двигаться палец при спуске курка с боевого взвода.

Проведенное исследование показало эффективность применения метафоры в образовательном процессе Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, демонстрирующую положительную динамику сформированности ключевых навыков в стрельбе из пистолета на разных этапах обучения с различной категорией обучаемых в условиях формирования готовности сотрудников к действиям, связанным с применением огнестрельного оружия.

Полученные результаты педагогического эксперимента и анализ применения метафор как способа совершенствования преподавания дисциплины «Огневая подготовка» при изучении отдельных тем дисциплины позволят повысить эффективность системы подготовки сотрудников по следующим направлениям:

- изменение психологической модели восприятия движений в процессе приобретения и совершенствования умений и навыков;

- коррекция движений в процессе обучения нажатия на спусковой крючок;

- подборка и введение в практику образных выражений для различных элементов техники стрельбы.

Так, на примере применения метафоры в учебном и тренировочном процессе сотрудников, обучающихся по основным программам профессионального обучения, мы убедились, что традиционные принципы и формы построения учебного и тренировочного процесса, сложившиеся за многолетнюю историю подготовки сотрудников, необходимо дополнять и вносить новые формы и методы, что позволит более эффективно реализовать задачу по подготовке квалифицированных сотрудников для органов внутренних дел.

Метафоричность является красочным примером персонального стиля преподавателя огневой подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П., Цыганкова А. В. Педагогическая метафорология // Филологический класс. 2017. № 4 (50). С. 1 – 6.
2. Ахметов М. А., Мусенова Э. А. Техники управления учебной деятельностью учащихся // Инновационные проекты и программы в образовании. 2010. № 2. С. 9–13.
3. Абрамова Е. И. Концептуальная метафора в процессе обучения РКИ. Новые технологии в обучении русскому языку как иностранному : материалы V респ. науч.-практ. семинара / под ред. С. И. Лебединского. Белорусский государственный университет. Минск, 2018. С. 6 – 9.
4. Альмаданат А. Эффективность пособий : автореф. дис. ... канд. пед. наук / РГАФК. М., 1996. 20 с.
5. Козина Ж. Л. Эффективность начального обучения технике гандбола на основе применения современных информационных технологий // Физическое воспитание студентов творческих

специальностей : сб. научных трудов / под ред. Ермакова С. С. – Харьков : ХХПИ, 2004. № 4. С. 22 – 28.

6. Козина Ж. Л. Методы применения современных информационных технологий для активизации образного восприятия занимающимися элементами техники и тактики в спортивных играх // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2007. № 1. С. 58 – 64.

7. Архипов С. Н. Применение образных выражений в обучении стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 188 – 193.

8. Плигин А. А. Метафора как способ пояснения важного учебного содержания и передачи познавательной стратегии // Развитие познавательных стратегий школьников: теоретические основы и практика. 2005. С. 49 – 65.

© Архипов С. Н.

УДК 378.635.016:796.814(470)

А. С. ГРИЧАНОВ, доцент кафедры тактико-специальной подготовки Барнаульского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Барнаул)

A. S. GRICHANOV, Assistant Professor of the Chair of Tactical and Special Training of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogy, Associate Professor (Barnaul)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНИКО-ТАКТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ БОРЬБЫ САМБО НА ЭТАПЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

IMPROVEMENT OF TECHNICAL AND TACTICAL ACTIONS OF SAMBO WRESTLING AT THE STAGE OF INITIAL TRAINING OF CADETS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Аннотация. В работе рассматриваются особенности методики технико-тактической подготовки на начальном этапе тренировочной деятельности курсантов-самбистов, проходящих первоначальное обучение в образовательной организации МВД России. Предлагаются разработанные теоретико-методические основы и оптимальные методы, позволяющие формировать двигательные навыки начинающих самбистов. Определены задачи, средства и методы обучения технико-тактическим действиям борьбы самбо. Отмечается, что освоение технико-тактических действий происходит неодинаково у курсантов, занимающихся борьбой, по причинам различного рода. Выявлено, что применение методики программированного обучения и метода целостного упражнения позволяет значительно улучшить процесс совершенствования технико-тактических действий, а также повысить вариативность приемов самбо. Разработаны критерии проведения соревнований начинающих борцов-самбистов, в основе которых заложены обязательный и произвольный параметры. Представлены основные результаты экспериментальной работы, обоснована эффективность представленной методики.

Ключевые слова и словосочетания: технико-тактическая подготовка, курсанты, образовательные организации МВД России, борьба самбо, учебно-тренировочный процесс, начальный этап подготовки.

Annotation. The paper examines the features of the technique of technical and tactical training at the initial stage of the training activity of sambo cadets undergoing initial training in the educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia. It proposes the developed theoretical and methodological foundations and optimal methods that allow to build motor skills in beginner sambo wrestlers. The tasks, means and methods of teaching technical and tactical actions of sambo wrestling are determined. It is noted that mastering technical and tactical actions by cadets engaged in wrestling is not the same for various reasons. It is revealed that the use of the programmed teaching methodology and the holistic exercise method can significantly improve the process of mastering technical and tactical actions, as well as increase the variability of sambo techniques. The criteria for conducting competitions for beginner sambo wrestlers have been developed on the basis of the mandatory and arbitrary parameters. The main results of the experimental work are presented, the effectiveness of the proposed method is substantiated.

Keywords and phrases: technical and tactical training, cadets, educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, sambo wrestling, educational and training process, initial stage of training.

Физическая подготовка в образовательных организациях МВД России всегда нацелена на повышение уровня спортивного мастерства обучающихся. Этому способствует наличие в общей системе физической подготовки курсантов и слушателей большого количества боевых приемов борьбы, заимствованных из борьбы самбо и объединенных в один логически выстроенный раздел. Техничко-тактические элементы борьбы самбо хорошо зарекомендовали себя как основа для служебно-профессиональных приемов, таких как приемы задержания и сопровождения. Важную роль в процессе эффективного выполнения данных приемов в практической деятельности будущих офицеров полиции играет их физическая подготовленность. Следовательно, развитию физических качеств курсантов и слушателей необходимо постоянно уделять внимание [1, с. 48]. При этом, рассматривая структуру учебно-тренировочного процесса тех курсантов, которые начали заниматься борьбой самбо в спортивной секции, был сделан вывод о прямой зависимости эффективности тренировок от разнообразия средств, методов и способов которые использовали тренеры-преподаватели.

Обратили на себя внимание целостный, расчлененный и расчлененно-конструктивный методы обучения технико-тактическим действиям в борьбе самбо. Метод целостного упражнения направлен на изучение элементарных и простых в исполнении приемов. Расчлененный метод имеет задачу изучения более сложных, координационных и составных приемов. Расчлененно-конструктивный метод способствует комбинированию указанных выше методов и не редко называется «комбинированным».

В технико-тактическом аспекте практическую значимость в нашем исследовании представлял метод целостного упражнения. Имея в своем арсенале приемы последовательного перехода от простых форм к сложным, применения ограничительных мер и ориентирующих средств, создания облегчающих и усложняющих внешних факторов, фиксации, использования дополнительных технических устройств, переключения внимания между целостным выполнением и отдельной фазой или движением, повторяющихся и постоянных условий с их возможным варьированием, интеграции игровых элементов, метод целостного упражнения позволяет эффективно фор-

мировать и совершенствовать двигательные навыки [2, с. 112]. Также остается актуальным использование метода разучивания, в котором широко применяются подводящие упражнения. В результате легкого освоения подводящего упражнения происходит положительный перенос двигательного навыка с оптимальным выполнением непосредственно движения, которое разучивается, минимизируется трата тренировочного времени, а также значительно сокращается количество возможных травм у начинающих самбистов.

В тренировочном процессе борьбы самбо у тренеров-преподавателей устоялось мнение о том, что начальный этап тренировок следует ограничить обучением приемов с их последующим выполнением в сбивающих условиях соревновательной деятельности. Такой подход оказался менее продуктивным по сравнению с новыми разработанными методиками, акцентирующими внимание на необходимости развития и совершенствования технико-тактических навыков ведения борцовского поединка, в частности, методики программированного обучения. Так получило новое развитие направление тренировочного процесса с изучением борцовских стоек и дистанций, маневрирования и особенностей передвижений, способов захватов и освобождений от этих захватов, возможных меняющихся ситуаций единоборства и влияния сбивающих факторов [3; 4].

В настоящее время разработанные методики программированного обучения, позволяют разделить материал на отдельные логически связанные элементы. Деление на элементы способствует в каждом отдельно взятом элементе материала достижению поставленной цели, реализации конкретных задач, использованию средств и способов контроля для мониторинга усвоения информации.

Для программированного обучения характерно использование расчленения рабочих материалов и информации на

ступени с минимальным «шагом» и расположением в соответствии с возрастающим уровнем трудности. Это позволяет усвоить предлагаемый материал за одно занятие или цикл, а также включение в тренировочный процесс разработанной системы текущего контроля, который дает тренеру-преподавателю сведения об освоении курсантами, занимающимися борьбой самбо этих ступеней.

Отметим, что эффективность управления тренировочным процессом повышается с делением изучаемого материала на определенные виды заданий и увеличением в связи с этим доли самостоятельной работы курсантов с учетом того, что с осуществлением постоянного контроля со стороны тренера-преподавателя на первоначальном тренировочном этапе возрастает значимость индивидуальных темпов усвоения знаний, формирования умений и навыков [5, с. 118].

Реализацию начального этапа подготовки курсантов-самбистов можно отождествлять с началом набора желающих в группы начальной подготовки, как правило, курсантов первого и второго (реже) года обучения. Необходимо подчеркнуть, что в современных условиях тренеры-преподаватели вынужденно занимаются процедурой «набора» взамен классического «спортивного отбора» будущих квалифицированных борцов. Для объяснения возникшего вынужденного процесса был использован метод опроса – анкетирование. Анализ результатов анкетирования курсантов, занимающихся в секции самбо, прояснил ситуацию. Условно можно выделить ряд причин.

1. Увеличение количества зрелищных восточных единоборств, боев без правил, широко освещаемых и культивируемых в России.

2. Возрастание учебной нагрузки в образовательных организациях МВД России: введение новых дисциплин на первом курсе обучения, повышение объема заданий для самостоятельной работы, дистанционная подготовка.

3. Хаотичное увеличение количества средств развлечения на базе смартфонов и планшетов, не требующих самодисциплины, проявления упорства и целеустремленности.

4. Слабая мотивированность и наличие лишь поверхностных знаний о таком виде спорта, как борьба самбо. Это приводит к возможности набора в секцию борьбы всех желающих, но обладающих далеко не спортивными формами и нужными психическими качествами, при этом прошедших медкомиссию при поступлении в образовательную организацию МВД России, годных по состоянию здоровья и допущенных врачом для занятий борьбой.

Для функционирования секции борьбы самбо в первый год тренировок характерно решение задач доукомплектовывания группы начальной подготовки в течение первых двух месяцев и переход к формированию теоретической базы борца, привитию интереса к борьбе самбо, решению задач здорового образа жизни и разностороннего физического развития, а также усвоение основ ведения борцовского поединка в самбо. В период летнего отпуска возможно посещение спортивно-оздоровительных лагерей, спортивных баз. В дальнейшем на первый план выйдут такие методы тренировки, которые будут направлены на обучение и совершенствование технико-тактических действий борьбы в условиях тренировки без противника; при наличии условного противника; работы с партнером, который будет как создавать благоприятные условия борцовского поединка, так и оказывать противодействие.

Возвращаясь к вопросу о комплексном формировании и совершенствовании технико-тактических действий борьбы самбо на этапе первоначальной подготовки курсантов в образовательных организациях МВД России важно подчеркнуть, что изучение вопросов подготовки борцов-самбистов только в рамках совершенствования методики обучения и

тренировки будет не достаточно полным. Как правило, содержание системы борцовской подготовки зависит от системы и правил соревнований, которые должны учитывать возрастные особенности участников и глобальных задач формирования класса высококвалифицированных спортсменов-борцов [6; 7]. Этот тезис явился первоосновой для разработки критериев проведения соревнований начинающих борцов-самбистов. За основу были предложены обязательный критерий, заключающийся в оценке техники борца и произвольный критерий, подразумевающий оценку проведения поединка на ковре. Исследования показали, что использование обязательного критерия позволило в полной мере реализовать возможности формирования правильной базы технико-тактической базы движений, а также обосновать необходимость обучению вариативного выполнения технико-тактических действий. При этом, в первую очередь, делался акцент на умение каждого самбиста правильно выполнить основные приемы борьбы.

Базовой технической моделью основного броска был выбран бросок через бедро. В техническом плане этот прием имеет сложную структуру, но отлично усваивается начинающими самбистами. Это решение позволило создать одинаковые условия для всех участников соревнования. Еще одним условием являлось наличие команды и, соответственно, командного зачета. По правилам соревнования выбранный бросок курсанты демонстрировали на участниках противоборствующей команды. Проведение поединков осуществлялось по модифицированным правилам. Схватка длилась две минуты, что способствовало выявлению максимальных возможностей начинающих борцов, как в тактико-техническом плане, так и физическом.

Результаты выявили закономерность зависимости арсенала технико-тактической подготовки спортсменов-самбистов от их спортивной квалификации. Высо-

кая спортивная квалификация обуславливает разнообразие способов подготовки, захватов, создание выгодных ситуаций, выбор момента для атаки, а также широкую вариативность действий, чего как раз не хватает спортсменам начального уровня тренированности и спортивной специализации.

Проведенное педагогическое наблюдение за ходом тренировочного процесса курсантов, занимающихся в секции самбо на базе Барнаульского юридического института МВД России, выявило тенденцию к недостаточно полному развитию вариативной части двигательных действий. На примере броска боковым переворотом было установлено, что зачастую он проводится из одноименной стойки самбистов. Бросок имеет стандартную двигательную основу в первой части исполнения, направленной на необходимость захвата ног за бедра, сближение с соперником и подъем его вверх. Вторая половина броска предполагает несколько вариантов действий, зависящих от выбранных соперником защитных действий. Соответственно вариативная часть будет состоять из нескольких способов исполнения данного броска. Так, появляется возможность выполнить боковой переворот, опустившись на колено ближней ноги, провести бросок из стойки, при захвате ног или туловища атакуемым со стороны спины, провести бросок назад обхватом туловища сбоку. При этом были выявлены неэффективные технико-тактические действия, влияющие на успешность выполнения данного приема. К ним можно отнести запаздывающую или раннюю реакцию в благоприятной ситуации; соперник предугадывает выполнение того или иного варианта броска; заминка или длительный «вход» в бросок.

Наравне с этими результатами педагогическое наблюдение дало информацию о том, что на этапе начальных тренировок в секции курсантов, занимающихся борьбой самбо, целесообразно

изучать от двух до трех вариантов борцовского приема, а также несколько тактических способов подготовки атаки.

В связи с вышесказанным, методику экспериментальной работы было предложено разрабатывать с учетом использования метода целостного упражнения; методики программированного обучения; разработанных критериев проведения соревнований; полученных результатов опроса тренеров-преподавателей и курсантов, занимающихся самбо; педагогического наблюдения; анализа научной литературы и учебных планов секции самбо.

Экспериментальную проверку эффективности предложенной методики совершенствования технико-технических действий борьбы самбо было решено провести на базе Барнаульского юридического института МВД России. Исследование и уточнение методических особенностей тренировочного процесса проходило в течение 2019 - 2020 учебного года. С началом работы спортивной секции по самбо в сентябре была условно создана экспериментальная группа из курсантов первого и второго года обучения, решивших заниматься борьбой самбо. В группу входили 16 человек. Тренировки в секции самбо проводились согласно утвержденному расписанию и имели продолжительность один час сорок минут. Все борцы на ковре находились в равных условиях.

Особенностью разработанной методики можно считать то, что она имеет узкую направленность и ее эффективность проверялась на примере броска боковой переворот. После окончания первого тренировочного года в июле 2020 года были подведены промежуточные итоги ($P < 0,01$). По сравнению с результатами, показанными начинающими самбистами в ходе контрольных схваток, приуроченных к новогоднему празднику в декабре 2019 года, произошли положительные сдвиги. Так, количество реализованных попыток выполнить прием увеличилось

на 15 %, а количество выигранных баллов повысилось на 38 %. Следует отметить и возросший уровень качества выполненных технико-тактических действий. По нашим подсчетам рост составил 25,3 %. Анализ этого показателя позволил сопоставить среднее количество выигранных баллов за один прием, которые складывались из оценки технико-тактических действий, комбинаций, реализованной атаки. Отдельным параметром, на который обращалось внимание, являлась вариативная часть борцовского приема самбо. Результаты показали положительную динамику и рост вариативности выполнения приема на 17 %.

Подводя итоги, отметим, что знание теоретико-методических основ, основных и специальных задач трени-

ровочного процесса, средств и методов совершенствования технико-тактических действий борьбы самбо определяет тенденции дальнейшего всестороннего развития начинающих борцов. Это будет проявляться в быстроте осваивания нового материала, а полученные навыки будут иметь высокую сохраняемость, поэтому при разработке планов тренировочного процесса секции самбо в образовательной организации МВД России основное внимание следует уделять изучению борцовских стоек, точности выполнения основных элементов приема, его вариативности, способов захватов и освобождений от этих захватов, особенностям передвижений и маневрирования, а также влияния внешних и внутренних сбивающих факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н. А., Кутергин Н. Б. Характеристика существующей проблемы организации учебно-тренировочного процесса по физической культуре и спорту в образовательных учреждениях // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 47 – 49.
2. Осипов А. Ю., Гуралев В. М., Дворкин В. М. Формирование технических действий начинающих самбистов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. № 2. С. 111 – 116.
3. Тюкин В. Г. Использование соревновательно-игрового метода на занятиях с курсантами по борьбе самбо // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2010. № 1 (18). С. 182 – 184.
4. Кутергин Н. Б., Ткаченко А. И., Кулиничев А. Н. Физическое совершенствование курсантов образовательных учреждений правоохранительных органов средствами подвижных игр // Физическое воспитание студентов. 2013. № 6. С. 30 – 33.
5. Гричанов А. С. Особенности профессиональной подготовки будущих сотрудников полиции на этапе начального освоения специальности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (44). С. 118 – 119.
6. Морозов В. А., Федулов Б. А., Гричанов А. С. Формирование нравственно-волевых качеств сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 3 (78). С. 263 – 268.
7. Струганов С. М., Грушко В. М., Гричанов А. С. Психолого-педагогические аспекты повышения эффективности обучения боевым приемам борьбы в образовательных организациях силовых ведомств // Kant. 2019. № 4 (33). С. 320 – 324.

© Гричанов А. С.

УДК 378.635.02(470)

А. А. ИСАЕВ, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат философских наук, доцент (г. Уфа)

A. A. ISAEV, Head of the Chair of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Ufa)

РОЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

THE ROLE OF THE ACTIVITY APPROACH IN THE MODERN EDUCATIONAL PROCESS

Аннотация. Автор размышляет о необходимости применения деятельностного подхода в современной педагогике. Обосновывается его современная актуализация. Рассматривается специфика его применения в высшем образовании. Утверждается, что данный педагогический метод необходим при реализации практико-ориентированного подхода в образовательном процессе высшей школы. Приводятся примеры методики применения данного подхода при проведении занятий семинарского типа по учебной дисциплине «Профессиональная этика и служебный этикет». Разбираются роли преподавателя и обучающихся в ситуациях, рассматриваемых с точки зрения этого подхода. Доказывается, что деятельностный подход позволяет по-новому соотносить знания и умения, приобретенные обучающимися. Делается вывод, что он имеет несомненную актуальность, своевременность и высокую востребованность в обучении и воспитании.

Ключевые слова и словосочетания: деятельностный подход, современная педагогика, методика применения, значение в формировании компетенций, роль педагога, соотношение знаний и умений, единство обучения и воспитания.

Annotation. The author reflects on the need to apply the activity approach in modern pedagogy. Its modern actualization is justified. The specifics of its application in higher education are considered. It is argued that this pedagogical method is necessary for the implementation of a practice-oriented approach in the educational process of higher education. Examples of the methodology of applying this approach when conducting seminar-type classes on the academic discipline «Professional Ethics and official etiquette» are given. The roles of the teacher and students in situations considered from the point of view of this approach are analyzed. It is proved that the activity approach allows us to relate the knowledge and skills acquired by students in a new way. It is concluded that it has an undoubted relevance, timeliness and high demand in education and upbringing.

Keywords and phrases: activity approach, modern pedagogy, methods of application, significance in the formation of competencies, the role of the teacher, the correlation of knowledge and skills, the unity of training and education.

В современной педагогике все больше обращается внимание на деятельностный подход, который, по сути, является не новым. Скорее, здесь действует

принцип: «новое – это хорошо забытое старое». «Концепция деятельностного подхода сама по себе не нова и несколько десятков лет назад была у нас весьма

популярна. Деятельностный подход рассматривался в контексте гносеологии и методологии науки и с позиций философской антропологии известными учеными Э. В. Ильенковым, Г. С. Батищевым, М. К. Мамардашвили, С. Л. Рубинштейном, Г. П. Щедровицким, Э. Г. Юдиным. Философские концепции обосновали деятельность как способ бытия и внебиологическую суть человека, как содержание и способ существования культуры, как систему, обусловленную общественными отношениями и обуславливающую их» [1, с. 31]. По большому счету этот подход и не забывался, но в последнее время еще более актуализировался. И это связано с требованиями нашего стремительного времени. Просто владеть знаниями сегодня недостаточно. Важно уметь их применять и не по какому-либо образцу или шаблону, а в любых, даже самых непредсказуемых, ситуациях, для разрешения которых требуются эти знания. Необходимо отметить, что динамичность нашего времени требует порой стремительного решения возникшей проблемы, а потому однозначно сделаем вывод: знание должно быть надежно закреплено в памяти обучающегося, чтобы он мог оперативно им пользоваться. Знания должны закрепляться не путем заучивания или «зубрежки». Они должны быть «живыми», в нужный момент «всплывающими» в памяти. Для этого и необходим деятельностный подход в преподавании любых, даже самых, на первый взгляд, теоретических дисциплин. Знание необходимо «привязывать» к действию, к жизненным ситуациям, а в профессиональном образовании – к будущей профессиональной деятельности обучающегося. В этом и заключается смысл практикоориентированного подхода в образовательных организациях высшего образования, в том числе МВД России.

Авторы из Оренбургского государственного педагогического университета Л. Г. Пак, Ю. П. Яблонских так опре-

деляют этот подход: «Деятельностный подход рассматривается нами как актуальный ориентир современного высшего профессионального образования, который обуславливает организацию образовательного процесса в вузе в контексте вариативности его содержания, усиления связи с практикой, поиска и самоопределения личности в деятельностной активности, направленной на раскрытие сущностных сил, удовлетворение духовных, умственных и физических потребностей обучающегося путем включения в разнообразные виды деятельности (образовательную, общественную, практическую)» [2].

Методику применения данного подхода можно рассмотреть на примере разбора ситуаций морального выбора на семинарских занятиях по учебной дисциплине «Профессиональная этика и служебный этикет». С курсантами рассматриваются ситуации, в которых сотрудник полиции вынужден выбирать между правовыми основаниями своих действий и профессионально-этическими нормами, применимыми в такой ситуации. Часто этот выбор не терпит отлагательств. Поэтому сотрудник не имеет возможности вдумчиво и рационально оценить сложившуюся ситуацию. Обучающимся предлагается предпринять попытку обозначения границ рационального в тех или иных ситуациях профессионально-этического парадокса. Кстати, очень часто примеры подобных ситуаций курсанты приводят сами, исходя из своего опыта несения службы по охране общественного порядка. Подводя итоги занятия, делается вывод, что нельзя дать однозначные рекомендации по действиям сотрудников полиции в ситуациях морального выбора, поэтому границы рационального имеют здесь личностный характер и обуславливаются, прежде всего, предназначением полиции. В ст. 1 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» регламентируется: «Полиция предназначена для защиты жизни,

здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее также – граждане; лица), для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности» [3]. Характер профессиональных действий сотрудников полиции регламентируется ст. 2, в которой говорится, что «полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств» [3]. Все это, безусловно, оказывает влияние на принятие решений сотрудником полиции в его профессиональной деятельности. То есть окончательный выбор при разборе ситуаций на занятиях остается за самим обучающимся, стимулируя его тем самым к самостоятельности и ответственности за принятое решение и свои действия.

В рекомендациях международной научно-практической конференции «Компетентностно-деятельностный подход в системе современного образования», проходившей в г. Горно-Алтайск 18 – 23 августа 2010 г., упоминаются группы ключевых компетенция, выделенных Советом Европы в материалах симпозиума «Ключевые компетенции для Европы» (Берн, 1996 г.). Среди них: «политические и социальные компетенции, то есть способность брать на себя ответственность, участвовать в совместном принятии решений, в функционировании и в улучшении демократических институтов» и «компетенции, реализующие способность учиться всю жизнь как основу непрерывной подготовки, как в профессиональном плане, так и в личной и общественной жизни» [4, с. 7]. Нетрудно заметить, что огромную роль в формировании данных групп компетенций должен сыграть именно деятельностный подход, нацеленный на актуализацию самостоятельности и инициативности обучающихся, помогающий им «поверить в себя» и объясняющий, что нель-

зя приобрести знания на всю жизнь, раз и навсегда. Этот подход ставит задачи, формулирует проблемы, но не дает однозначного ответа для их разрешения. В этой связи вспоминается поговорка «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Однако большая роль здесь отводится преподавателю (инструктору по плаванию). Он не должен молчаливо наблюдать со стороны, как его ученики «тонут», но и не должен сам лично «вытаскивать их из воды». Найти золотую середину – в этом и заключается профессиональное мастерство и мудрость педагога.

Остановимся на одном рассуждении о роли педагога американского философа Джона Дьюи, изложенном в его работе «Опыт и образование», написанной в 1936 году. Говоря о новой философии образования, он приходит к выводу, что ее фундаментом должна стать тесная связь «между текущим опытом во всем его многообразии и образованием» [5, с. 329]. Но здесь важно иметь правильное представление об опыте: «Представление о том, что подлинное образование возникает из опыта, не предполагает, что любой опыт подлинно образователен. Опыт и образование нельзя механически приравнивать друг к другу, поскольку возможен и антиобразовательный опыт, который останавливает накопления последующего опыта или искажает его общую картину» [5, с. 332]. Настаивать на необходимости опыта и на том, что он обязательно должен быть активным, – этого еще недостаточно для прогресса в образовании. Важно качество приобретаемого опыта, а оно, по мнению Дьюи, «имеет два аспекта: непосредственная приятность (неприятность) и влияние на последующий опыт» [5, с. 333]. И вот тут американский философ указывает на важность роли педагога: «Дело педагога – принять меры, чтобы предоставить ученику такой опыт, который не отталкивал бы, а побуждал к действиям и был при этом более чем просто приятен, –

чтобы он содействовал накоплению желательного будущего опыта» [5, с. 333]. В контексте рассматриваемого нами деятельностного подхода это означает, что преподаватель должен нацеливать обучающихся на совершение таких действий в процессе решения поставленных проблем, которые приносили бы ему удовлетворение и понимание необходимости опыта этой деятельности в своей дальнейшей жизни, в том числе и профессиональной.

Важно понять, что при деятельностном подходе рассматривается принципиально иное соотношение знаний и умений: «Знания не должны противопоставляться умениям, а рассматриваются, как их составная часть. При этом знания не могут быть ни усвоены, ни сохранены вне действий обучаемого. Критерий знаний так же неотделим от действий. Знать — это означает всегда выполнять какую-то деятельность или действия, связанные с данными знаниями. Качество усвоения знания определяется многообразием и характером видов деятельности, в которых знания могут функционировать. Таким образом, в теории дидактических систем перед обучением ставятся не две независимые задачи: передать знания и сформировать умения по их применению, а единая: сформировать такие виды деятельности, которые включают в себя сразу заданную систему знаний и обеспечивают их применение в заранее предусмотренных пределах» [6, с. 8]. Такое соотношение будет способствовать более надежному усвоению знаний обучающимся, т. к. они перестают быть для него простой теоретической конструкцией, а становятся единой неотделимой частью практических действий, «привязываются» к конкретным практическим ситуациям.

Надо отметить, что проблема подготовки учеников к дальнейшей жизни, не просто передачи знаний, а воспитания самостоятельной личности, стояла перед российской педагогикой и в XIX веке, и

в начале XX века. Так, видный русский педагог А. Н. Острогорский (1840 – 1917 гг.) в своей статье «Наука и воспитание» (которая, как он сам комментирует, является главой из подготовленной к печати книги «Наследие Пирогова») обращается к наследию русского ученого-хирурга Н.И. Пирогова, который много внимания уделял теоретическим и практическим вопросам воспитания и обучения в школе, роли личности учителя. При чествовании его памяти в 1911 году выходит сборник «Памяти Н. И. Пирогова», в котором авторы вспоминают завет русского ученого «воспитывать человека». «Пирогов требовал, чтобы школа готовила людей, способных стать руководителями жизни, а не слугами, сознательных работников, а не бессловесных исполнителей, членов общества, способных не приспособляться к житейскому злу и уживаться с ним, а людей, научившихся понимать зло и умеющих бороться с ним» [7, с. 305]. Острогорский, рассматривая сложившуюся ситуацию, отличает положение дел в министерских гимназиях и неминистерских школах, отмечая гибкость программ и большую инициативность у преподавателей коммерческих и частных учебных заведений. Поэтому проблема достижения идеалов Пирогова в большей мере и острее стоит в министерских школах, которые более консервативны: «Для выполнения завета Пирогова о воспитании человека надо учителю чувствовать себя активным участником культурной работы и для этого вникать и понимать движение общественной мысли и жизни. А заглядывание в будущее официальному педагогу возбраняется; его горизонт ограничивается в пространстве стенами школы, во времени — экзаменационным периодом. Он имеет дело с учениками, а не с будущими людьми» [7, с. 307].

Применим этот подход и в воспитании, вернее сказать, его необходимо применять в сочетании обучения и воспитания. Еще В. Г. Белинский в своей статье

«Рассуждение. Доброе воспитание всего нужнее для молодых людей», написанной им в 1829 году, рассуждал: «Счастливы те молодые люди, которые имеют случай по руководством опытных, ученых, добродетельных и образованных наставников усовершенствовать себя и предуготовить к опасному, хотя и весьма непродолжительному пути по трудной дороге жизни. Но стократ счастливее, если они, чувствуя пользу доброго воспитания, своим стремлением к усовершенствованию, своею ревностью приблизиться к предложенной цели облегчают труды своих наставников» [8, с. 6].

Из всего вышеизложенного попытаемся сформулировать наиболее важные рекомендации по использованию данного педагогического подхода в высшем образовании, в том числе образовательных организациях МВД России.

В основе применения деятельностного подхода в педагогике лежат профессионализм и компетентность самих педагогов. Преподаватель в образовательном процессе играет ключевую роль. Следует отметить, что во взаимосвязи преподавателя и обучающегося в образовательных организациях МВД России коммуникативная сторона процесса имеет достаточно большое значение. Статус преподавателя, его индивидуальные качества обучающиеся экстраполируют на образ сотрудника органов внутренних дел и систему МВД России в целом.

В связи с этим большое значение имеют авторитет преподавателя и уважение к нему. Для того чтобы их завоевать, необходимо:

- научиться уважать каждого обучающегося и видеть в нем, прежде всего, личность, а не вчерашнего школьника и ребенка;

- предоставлять обучающемуся выбор среди правомерных форм поведения в процессе подготовки и проведения как аудиторных, так и внеаудиторных занятий;

- приучать обучающихся к ответственности, одновременно с этим, если обучающийся настаивает на помощи, предложить ему соответствующие пошаговые варианты разрешения возникших у него затруднений при освоении темы;

- поддерживать не только свой авторитет, но и авторитет своих коллег преподавателей, а также работников практических органов.

Знания необходимо преподавать только в тесной взаимосвязи с жизнью, с теми умениями, которые будут необходимы при разрешении той или иной проблемной практической ситуации. Это будет способствовать не только запоминанию этих знаний, но и убеждению в их важности для дальнейшей профессиональной деятельности. Необходимо максимально нацеливать обучающихся на приобретение знаний с целью их дальнейшего практического использования в той или иной жизненной ситуации, в том числе и профессионального плана, а не ради получения положительной оценки на зачете или экзамене.

Преподавателю также надо помнить, что знание должно воспитывать. Обучение и воспитание – две неразрывные стороны одного процесса, называемого образовательным. От постоянной требовательности преподавателя зависит и систематическая готовность обучающегося к занятию, а системность и плановость его подготовки, в свою очередь, лежат в основе формирования профессионального мастерства будущего руководителя.

Применяя деятельностный подход в обучении и воспитании, необходимо постоянно помнить, что каждый объект, к которому он применяется, уникален и индивидуален, а потому он не терпит шаблонности и стандартности. Очень важны в этой связи творческие педагогические способности преподавателя, умение корректировать сложившуюся на занятиях ситуацию, исходя из особенностей каждой конкретной личности обучающегося.

Завершая наше исследование, необходимо отметить несомненную актуальность деятельностного подхода в педагогике высшей школы, его своевре-

менность и высокую востребованность в обучении и воспитании не только будущего специалиста-профессионала, но и гражданина своей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краузе А. А. Деятельностный подход в образовании в контексте современных методологических оснований // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1. С. 30 – 35.
2. Пак Л. Г., Яблонских Ю. П. Реализация деятельностного подхода в профессиональной подготовке студента вуза // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=21556> (дата обращения: 22.10.2020).
3. О полиции : Федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Компетентностно-деятельностный подход в системе современного образования: Рекомендации международной научно-практической конф. Горно-Алтайск, 18 – 23 августа 2010 г. Горно-Алтайск : РМНКО, 2010. 15 с.
5. Дьюи Дж. Опыт и образование // Дьюи Дж. Демократия и образование : пер. с англ. М. : Педагогика-Пресс, 2000. 384 с. С. 325 – 372.
6. Грахов В. П., Кислякова Ю. Г., Симакова У. Ф. Деятельностный подход к усвоению, учению и обучению в ВУЗе // Фотинские чтения. 2015. № 2 (4). С. 7 – 12.
7. Острогорский А. Н. Образование и воспитание. Избранные труды / А. Н. Острогорский. 2-е изд., стер. М. : Юрайт, 2020. 320 с. (Антология мысли). URL: <http://biblio-online.ru/bcode/452285> (дата обращения: 19.12.2020).
8. Белинский В. Г. Избранные сочинения / В. Г. Белинский. М. : Юрайт, 2020. 237 с. (Антология мысли). URL: <http://biblio-online.ru/bcode/452550> (дата обращения: 19.12.2020).

© Исаев А. А.

УДК 796.011.3:796.8.015.59-057.36(470)

Л. В. КАН, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Международного межведомственного центра подготовки и переподготовки специалистов по борьбе с терроризмом и экстремизмом Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России (г. Домодедово)

L. V. KAN, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Fire and Physical Training, Center for Interdepartmental Training and Retraining of Specialists in the Fight against Terrorism and Extremism of All-Russia Institute for Advanced Training of Staff Members of MIA of Russia (Domodedovo)

В. О. КИМ, начальник кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

V. O. KIM, Head of the Department of Physical Training of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МОМЕНТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАЩИТНО-АТАКУЮЩИХ ДЕЙСТВИЙ
СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ МЕТОДАМИ
ОБУЧЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫМИ В СПОРТИВНЫХ ЕДИНОБОРСТВАХ**

**IMPROVEMENT OF THE MOMENT CHARACTERISTICS OF THE
PERFORMANCE OF DEFENSIVE AND ATTACKING ACTIONS BY
EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES BY TRAINING
METHODS USED IN MARTIAL ARTS**

Аннотация. В статье обозначено, что для обучения сотрудников правоохранных органов защитно-атакующим действиям целесообразно использовать методы, применяемые в спортивных единоборствах и в спорте высших достижений. Для применения приёмов задержания в быстротечной ситуации разрешения конфликта большое значение имеют моментные характеристики своевременного реагирования на действие правонарушителя. Для эффективного противодействия правонарушителю необходимо предвидеть начало действия и своевременно защититься с последующим выполнением приёма задержания. Распознавание моментных характеристик действия правонарушителя происходит через идеомоторные представления траектории движения в конфликтном противодействии. Этот метод обучения позволяет целенаправленно формировать пространственное воображение и двигательную антиципацию. Применение идеомоторной и имитационных методов тренировки в подготовке сотрудников по выполнению служебных задач позволяет сформировать распознавание опасных ситуаций и первых признаков стартовых (моментных характеристик) движений правонарушителя.

Ключевые слова и словосочетания: приёмы задержания, моментные характеристики, пространственные характеристики, метод идеомоторной и имитационной тренировки, тренировка психомоторных реакций, интенсивность тренировки, предсигналы, стартовые движения.

Annotation. The article indicates that it is advisable to use the methods used in martial arts and in sports of the highest achievements for training law enforcement officers in defensive and attacking actions. Moment characteristics of timely response to the offender are of great importance to apply detention methods in a transient situation of conflict resolution. For effective counteraction the offender is necessary to anticipate the onset of action and defend themselves in a timely manner by the reception of the detention. Recognition of the moment characteristics of the offender's action occurs through ideomotor representations of the trajectory of the movement in conflict counteraction. This teaching method allows you to form spatial imagination and motor anticipation. The use of ideomotor and imitation training methods in training employees to perform official tasks allows to form the recognition of dangerous situations and the first signs of (moment characteristics) of the offender's starting movements.

Keywords and phrases: methods of detention, moment characteristics, spatial characteristics, ideomotor and simulation training method, psychomotor reaction training, training intensity, pre-signals, starting movements.

Одно из наиболее успешно применяемых тактических действий при задержании правонарушителя – это проведение боевого приема борьбы, неожиданно для нарушителя [1]. Однако сотрудник согласно законодательству не всегда имеет право без предупреждения применять прием задержания. Поэтому при задержании или ограничении свободы передвижения сотруднику для эффективного противодействия необходимо предвидеть и увидеть моментные характеристики начала атаки правонарушителя, тогда он сможет, своевременно среагировав, выполнить защиту [2]. Успешно выполнив защитные действия, сотрудник должен нанести ответный удар или выполнить уход, после чего применить атакующие действия и перейти непосредственно к задержанию правонарушителя, сопроводив свои действия боевыми приемами борьбы [3].

Характеристика защитных действий, выполняемых спортсменами и сотрудниками, обороняющимися при внезапных атаках правонарушителей, их психомоторные реакции очень похожи. Поэтому методические наработки, применяемые в спортивных единоборствах по совершенствованию моментных характери-

стик, предлагается применять в процессе подготовки сотрудников органов внутренних дел для своевременного реагирования на нападения с последующим применением приёма задержания правонарушителей [4].

На этапе совершенствования уровня подготовки спортсмены-единоборцы уже обладают определённым тактико-техническим набором приёмов (удары, блоки, броски и т. д.), они также могут перед атакой просчитать дистанцию до противника, чтобы провести успешную атаку, а моментные характеристики своевременности выполнения контратаки в боевых взаимодействиях у них, как правило, вызывают большие затруднения [5]. Поэтому преднамеренное применение недостаточно подготовленных атакующих действий сотрудников часто бывает успешным, а применение защитных действий для последующего проведения контратаки при выполнении задержания правонарушителей чаще характеризуется преждевременными или запаздывающими реакциями. Эти проблемы возникают также и в тренировочном процессе при освоении тактики применения ответных действий. Моментные характеристики – это скорость реагирования на

начало движения (атаки) правонарушителя. Распознавание моментных характеристик позволяет своевременно начать выполнение защиты (уклон, наклоном, отход, сближение и т. д.), для проведения встречной атаки, контратаки и ответной атаки.

Во время тренировки моментных характеристик одновременно совершенствуются пространственные характеристики. К пространственным характеристикам относятся: положение тела и его частей (исходное, промежуточное и конечное положение в процессе выполнения движения), траектория движения ударов или захватов и обхватов (форма, направление, амплитуда).

Пространственные характеристики осваиваются путем многократного повторения выполнения атакующих действий партнёра на сотруднике, осуществляющем защиту. Однако при освоении защитных действий возникают сложности в тренировке распознавания точности моментных характеристик, перехода от позиционно выжидательного или во время передвижения партнёра с переходом его к атакующим действиям [6]. В таком статусе пространственные взаимодействия применения атак воспроизводятся довольно успешно, а моментные наоборот – недостаточно, в этом и заключается проблематика. Высокая техническая точность моментных характеристик для определения начала атаки правонарушителя требуется в первую очередь.

Одной из главных причин сложности тренировки моментных характеристик применения защитных действий (обороны) и контратаки является малая эффективность тренировочных заданий.

В тренировочных заданиях у преподавателей возникают проблемные вопросы:

- имитация неожиданных нападений и ситуаций сложно моделируются на занятиях;

- скорость реагирования снижается при повышенной концентрации на качестве выполнения технических действий защиты;

- выполнение боевых приемов борьбы (бросков, задержаний) на занятиях в полную силу у сотрудников быстро наступает усталость, вялость, поэтому не получается выполнить достаточное количество повторений для повышения техники навыков моментных характеристик;

- увеличение количества повторов при замедленном нанесении ударов и выполнения бросков и т. д. с учетом ответных контратак партнера ведет к не подготовке реальной ситуации реакции на атакующие действия.

Перечисленные выше проблемы по совершенствованию моментных характеристик позволяют решить методы сопряженной идеомоторной и имитационной тренировки.

Идеомоторная тренировка способствует повышению внимания к выполнению действий нападения или обороны и представляет конфликтную ситуацию в виде плана-образа. Идеомоторное (визуальное) представление «плана-образа» отличается от понятийной внутриречевой осознанности по скорости планированию действий.

Таким образом, именно создание идеомоторного образа действия улучшает качество выполнения упражнений, повышая точность движений, ускоряя процесс обучения. При этом появляется возможность, используя идеомоторное представление «план-образа» разрешения конфликтной ситуации, тренировать моментные характеристики без практического его выполнения (с помощью имитации ключевых моментов выполняемых действий). Развитие идеомоторных представлений позволяют решать проблемы совершенствования пространственно-временных и скоростных показателей боевых взаимодействий.

На атаку сложно тренировать психомоторные реакции, так как упражнения, необходимые для улучшения скорости мыслительного процесса реагирования прежде первоначального движения пра-

вонарушителя, являются сложно тренируемыми.

Психомоторные реакции представляют собой максимально быстрый ответ защитным движением на внезапную атаку правонарушителя. Они измеряются единственной характеристикой – временем реализации двигательного действия.

Психомоторные реакции тренируются методом имитации, добавляющие в себя метод управленческих сигналов. В связи с этим используются зрительные сигналы на выполнения заданий, так как сотрудник, выполняя имитацию, самым активным способом использует анализатор зрения.

Рассмотрим один из простых способов тренировки психомоторных реакций: сотрудник в левосторонней стойке, руки приподняты до уровня пояса ладонью вверх – по сигналу включённой лампы он должен среагировать защитным действием (уклон, отход, блок), после чего провести имитацию ответного удара или несколько ударов. Второй способ: из той же стойки сотрудник по сигналу включённой лампы не проводит защитные действия, а сразу наносит удар, как бы на опережение. В дальнейшем для совершенствования моментных характеристик и психомоторных реакций сотрудник не имитирует удар, а наносит по боксерским лапам, мешку или макеварам.

В последующих тренировках сотрудник, работая с партнёром, распознавая его микродвижения и предсигналы атак, реагирует защитным действием, имитирует контрудар, переходя на захват или обхват. Таким образом, мы совершенствуем моментные характеристики выполнения защитно-атакующих действий для эффективного задержания правонарушителей.

В заключение обозначим преимущества, которые характеризуют применение идеомоторного и имитационного методов тренировки для совершенствования моментных характеристик.

1. Повышается интенсивность тренировки совершенствования моментных характеристик. При имитации защитных действий внимание направлено на достижение точных временных параметров, своевременного реагирования, как в реальных ситуациях. Таким образом, в зависимости от поставленной задачи можно совершенствовать идеомоторно все этапы конфликтного взаимодействия с правонарушителем.

2. Реагирование на начало атаки осуществляется с высокой точностью, постепенно переходя от запаздывания к своевременным защитным действиям. При этом методе тренировки у сотрудников формируется чувство времени для реализации двигательного действия.

3. Достигается высокая точность времени реагирования на старт атаки даже при допустимой технической погрешности защитных действий без опережения, приводит к поражению правонарушителя, а при опережении его атаки сотрудник может вызывать замешательство в действиях правонарушителя.

4. Улучшается реакция своевременного действия по применению задержания правонарушителя в условиях конфликтной ситуации и распознавание моментов возникновения пусковых предсигналов начала его атаки.

5. Совершенствуется навык оценки ситуации через распознавания сигналов движения правонарушителя и выбора благоприятной момента для применения боевых приёмов борьбы.

Необходимо, чтобы инновационные методы тренировки, применяемые в спортивных единоборствах и в спорте высших достижений, внедрялись в подготовку сотрудников органов внутренних дел в целях совершенствования обучения приёмам задержания и формирования знаний и устойчивых навыков применения боевых приёмов борьбы в реальных условиях служебной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким В. О. Формирование двигательных действий при технике выполнения броска в борьбе дзюдо / В. О. Ким, Д. Д. Туко // Проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта в образовательных учреждениях : материалы V Всероссийской научно-практической конференции / под. ред. С. Т. Аслаева. Уфа. 2019. С. 50 – 54.
2. Блеер А. Н. Воздействия на сенсомоторные реагирования противника импульсом начала движения и микропаузой при проведении приемов маневрирования и бросков в спортивной борьбе / А. Н. Блеер, О. Б. Малков // Теоретические аспекты техники и тактики спортивной борьбы / под ред. В. В. Гожина и О. Б. Малкова. М. : Физкультура и Спорт, 2005. С. 101 – 108.
3. Блеер А. Н. Приемы манипулирования руками и оружием в структуре подготавливающих действий в спортивных и прикладных единоборствах // Проблемы совершенствования технико-тактической подготовки в спортивных единоборствах: борьба, каратэ, тхэквондо, фехтование : сб. статей. М. : Физическая культура, 2010. С. 5 – 9.
4. Кан Л. В. Совершенствование моментных характеристик выполнения подготавливающих действий при применении приемов задержания правонарушителей // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 5. С. 176 – 178.
5. Малков О. Б. Проблемы тактической подготовки в дзюдо и тхэквондо при специализировании двигательных реагирований и тренировки сверхвысших боевых автоматизмов // Спорт, человек, здоровье : материалы VI Международного конгресса, 18–20 октября 2013 / под. ред. В. А. Таймазова. СПб. : Олимп-СПб, 2013. С. 167 – 170.
6. Дементьев В. Л. Идеомоторная тренировка как основа формирования состояния боевой готовности спортсмена-единоборца / В. Л. Дементьев, С. В. Сизяев // Спортивный психолог. 2009. № 2 (17). С. 29 – 36.

© Кан Л. В.

© Ким В. О.

УДК 355.232.6:355.332.1.086-027.561(470)

О. Н. МОНАХОВ, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны, кандидат педагогических наук, доцент (г. Ярославль)

O. N. MONAHOV, Professor of the Chair of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of Yaroslavl Higher Military School of Air Defense, Candidate of Pedagogy, Associate Professor (Yaroslavl)

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БУДУЩЕГО ВОЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА В КОНТЕКСТЕ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS OF THE PROFESSIONAL RESPONSIBILITY OF A FUTURE MILITARY SPECIALIST IN THE CONTEXT OF MILITARY PROFESSIONAL ACTIVITY

Аннотация. В статье рассматривается будущий военный специалист как субъект профессиональной ответственности. Выделение профессиональной ответственности в структуре профессионально-важных качеств военного специалиста обусловлено характером и задачам военно-профессиональной деятельности, непосредственно направленной на вооруженную защиту граждан, общества и государства. На основе анализа отношений, возникающих в процессе военно-профессиональной деятельности, определена необходимость дифференциации профессиональной ответственности военного специалиста, вследствие этого выделены формы профессиональной ответственности в соответствии с видами военно-профессиональной деятельности. Выявлены деятельностно-психологические характеристики профессиональной ответственности военного специалиста, которые выражают ее значимость для субъектов и соответствующих инстанций в структуре военно-профессиональной деятельности. Сделан вывод о том, что характер и особенности военно-профессиональной деятельности определяют требования к подготовке будущего военного специалиста как индивидуального субъекта профессиональной ответственности на основе интеграции прогностического и ситуационного подходов.

Ключевые слова и словосочетания: военно-профессиональная деятельность, военный специалист, профессиональная ответственность, субъект, функция.

Annotation. The article examines a future military specialist as a subject of professional responsibility. The highlighting of professional responsibility in the structure of professionally important qualities of a military specialist is due to the nature and tasks of military professional activity that directly aims at the armed protection of citizens, society and the state. On the basis of the analysis of the relationships arising in the course of military professional activity, the necessity of differentiating the professional responsibility of a military specialist is determined, as a result of which the forms of professional responsibility are identified in accordance with the types of military professional activity. The author describes the activity-psychological characteristics of the professional responsibility of a military specialist, which express its significance for the subjects and relevant authorities in the structure of military professional activity. It is concluded that the nature and characteristics of military professional activity determine the requirements for the training of a future military specialist as an

individual subject of professional responsibility based on the integration of prognostic and situational approaches.

Keywords and phrases: *military professional activity, military specialist, professional responsibility, subject, function.*

Высокая динамичность, напряжённость и сложность процессов, протекающих в различных сферах жизни общества, актуализирует проблему формирования профессиональной ответственности личности и ее проявление в профессиональной деятельности.

Существенные изменения военно-политической обстановки в мире и неопределенности в ее эволюции определяют необходимость подготовки военного специалиста, способного к ответственному поведению в различных профессиональных и жизненных ситуациях, возникающих в условиях постоянно меняющихся социальной и военной практик. Ответственное выполнение военным специалистом профессиональных обязанностей в современных условиях связано с нормативно-правовым регулированием, системой материального стимулирования, а также профессионально-этическими нормами. Специфичность правил, устанавливающих профессиональную ответственность военного специалиста, обусловлена самой военно-профессиональной деятельностью. Воинская деятельность рассматривается С. И. Музыковым как социальное действие, осуществляемое военнослужащими и представляющее собой активное воздействие на природу, социальную систему и индивида. Ученый указывает на то, что данное воздействие может иметь созидательный или разрушительный характер [1, с. 43]. В наличии разрушительной силы проявляется отличие военно-профессиональной деятельности от других видов человеческой активности, что, в свою очередь, определяет наивысшую ответственность личности, обладающей такой силой.

Просоциальный характер военно-профессиональной деятельности определяет

ее высокую степень социальной регламентированности и нормативности, требование осознанного соблюдения установленных норм и правил. В условиях военно-профессиональной деятельности действует специфический нормативный комплекс, включающий военно-специальные и моральные нормы. Ученые в этой связи справедливо отмечают, что профессиональная деятельность офицера требует не только наличия способности эффективно выполнять должностные обязанности, но и внутреннего принятия соответствующего мировоззрения, системы норм и ценностей [2].

Профессиональная ответственность военного специалиста коррелируется с уровнем компетенции, позволяющей ему решать профессиональные задачи с позиций современной науки и опыта, избегая при этом неблагоприятных последствий своих профессиональных решений. Понимание профессиональной ответственности как компетенции предполагает определение содержания последней. По утверждению Г. А. Гузиной и В. П. Масыгина существуют различные вариации определения компетенции, среди которых привлекает внимание подход, раскрывающий компетенции как качества личности, которые важны для осуществления деятельности в большой группе разнопрофильных профессий [3, с. 91]. А в большинстве психологических и педагогических исследованиях профессиональная ответственность представлена как профессионально значимое качество или как интегральное понятие, включающее профессиональные и этико-моральные качества личности, проявляемые в профессиональной деятельности [4].

В контексте рассматриваемой проблемы военный специалист выступает как профессиональный защитник Отечества,

являющийся производителем «специфической услуги, заключающейся в вооружённой защите государства» [5, с. 130]. В связи с этим профессиональная ответственность требует осознания военным специалистом предназначения избранной профессии; высокой степени эффективности реализации профессиональных знаний, профессиональных умений, навыков в военно-профессиональной деятельности и достижения высоких и стабильных результатов; профессиональной позиции военнослужащего. Профессиональная ответственность военного специалиста была определена нами как личностная характеристика специалиста, обусловленная совокупностью факторов, закономерностей и тенденций эволюции военного дела, проявляющаяся в понимании значения военно-профессиональной деятельности для общественных и государственных целей, отражающая знания и умения оптимально использовать предметы и средства этой деятельности, прогнозируя ее результаты и возможные последствия [4].

Выделение профессиональной ответственности в структуре профессионально-важных качеств военного специалиста обусловлено характером и задачами военно-профессиональной деятельности, непосредственно направленной на вооруженную защиту граждан, общества и государства. Очевидно, что деятельность военного специалиста включает большой круг достаточно разноплановых должностных обязанностей, предполагающих реализацию ответственного поведения, сознательное осуществление стоящих перед ним задач. В таком случае профессиональная ответственность военного специалиста должна быть дифференцирована, то есть она должна быть оценена в конкретных случаях.

Профессиональная деятельность офицера, по мнению А. А. Новикова, включает организационно-управленческую деятельность, военно-техническую деятельность, коммуникативную дея-

тельность, военно-педагогическую деятельность [6].

Градация видов профессиональной деятельности военного специалиста позволяет рассматривать профессиональную ответственность в следующих отношениях «субъекта (кто отвечает) и инстанции (перед кем отвечает)»: «военный специалист – государство»; «военный специалист – командиры (начальники)»; «военный специалист – воинский коллектив»; «военный специалист – военные специалисты». В пределах указанных отношений военный специалист выполняет профессиональные роли и входящие в них задачи, что, в свою очередь, приводит к возникновению соответствующих форм профессиональной ответственности.

В рамках организационно-управленческой деятельности профессиональная ответственность:

- позволяет определять профессиональные задачи и находить эффективные способы их решения как в стандартных ситуациях, так и в ситуациях неопределенности;

- оценивать эффективность военно-профессиональной деятельности;

- проявляется в организации и самоорганизации военно-профессиональной деятельности и профессиональном развитии военного специалиста.

Применительно к сфере организационно-управленческой деятельности, исходя из результатов исследования О. Н. Шалдыбиной [7], профессиональная ответственность военного специалиста предполагает высокий уровень исполнения им своих должностных обязанностей по организации, руководству и контролю деятельности воинского коллектива, а также готовность отвечать за результаты своей деятельности и деятельности своих подчиненных.

Военно-техническая деятельность обладает спецификой и разнообразием, она связана с реализацией большого количества организационных и технических

решений по эксплуатации вооружения и военной техники. Этот вид профессиональной деятельности военного специалиста характеризуется динамичностью, постоянно возрастающей сложностью и инновационностью.

Результаты педагогических исследований профессиональной ответственности специалистов в системе «человек – техника» нашли свое отражение в работах Т. Ф. Рымаревой, Л. Р. Толстых и других ученых. На основе данных исследований мы можем заключить, что военный специалист несет ответственность за результаты и последствия принятых решений в управлении и обслуживании вооружения и военной техники, в ходе анализа получаемой информации и ее оценивания, в поиске альтернативных ответов на возникающие исследовательские задачи.

Профессиональная ответственность военного специалиста в коммуникативной деятельности коррелируется с его умением взаимодействовать с начальниками, подчиненными, с сослуживцами, пользуясь нужными языковыми средствами в соответствии с целью, содержанием речи и условиями общения. Умение эффективно взаимодействовать в сфере профессиональной деятельности непосредственно будет оказывать влияние на ее результат. По утверждению Т. М. Беспаловой речь может быть достаточно надежным инструментом диагностики ответственности [8]. Ее исследования позволяют говорить о проявлении ответственности военных специалистов в их немногословности, нейтральности, обобщенности и абстрактности употребляемых лексических единиц, небольшой эмоциональности, логичности изложения, склонности к проявлению силы воли.

Выполнение профессиональных задач требует от военного специалиста умения приспособлять формы и методы работы с подчиненными к конкретной обстановке и тем самым предполагает

педагогическую направленность общения. По утверждению Д. А. Солоницина военно-профессиональная деятельность традиционно представляет собой один из самых педагогически сложных видов профессиональной деятельности [9]. Офицер осуществляет обучение и воспитание подчиненных, является организатором педагогического взаимодействия, направленного на достижение определенного результата. Он несет ответственность за постановку воспитательных и учебных целей, выбор методов и средств, за характер отношений, возникающих между ним и подчиненными.

Проявление феномена «ответственность» в каждом из видов профессиональной деятельности военного специалиста указывает на то, что он является индивидуальным субъектом профессиональной ответственности, которую несет перед формальной инстанцией (государством, командирами (начальниками), воинским коллективом, другими военными специалистами), выступает носителем военно-профессиональной деятельности, источником активности, который направлен на объект, в качестве которого выступает предметная область воинского труда. В теории и практике военного образования это обуславливает качественные приоритеты подготовки будущих военных специалистов, способных проявлять профессиональную ответственность в меняющихся условиях военно-профессиональной деятельности.

Подготовка военного специалиста согласно федеральным государственным образовательным стандартам высшего образования (ФГОС ВО) направлена на развитие у курсантов профессиональных качеств офицера Вооруженных Сил Российской Федерации, а также формирование универсальных и профессиональных компетенций в соответствии с требованиями ФГОС ВО и военно-профессиональных компетенций в соответствии с квалификационными требованиями. Однако анализ содержания ФГОС ВО,

реализуемых в военных вузах, позволяет говорить о тенденции, проявляющейся в исключении ответственности из перечня компетенций, осваиваемых обучающимися в процессе обучения, и приводящей к проблеме становления будущих военных специалистов как субъектов профессиональной ответственности [10]. Данная ситуация показывает, что применяемый в военных вузах компетентностный подход уже не обладает образовательным потенциалом, достаточным для становления профессиональной ответственности будущих военных специалистов. Следовательно, возникла необходимость поиска подходов, которые могут стать методологической основой становления профессиональной ответственности будущих военных специалистов в современных условиях. Многообразие подходов, являющихся методологической основой формирования профессиональной ответственности, приводит к пониманию не только их равнозначности, но и взаимодействия и дополнения друг друга. Однако они не в полной мере учитывают сложную и многозначную природу профессиональной ответственности военных специалистов на современном этапе развития вооруженных сил.

По мнению Д. В. Шепетько, профессиональная ответственность будущего военного специалиста характеризуется отношением личности к учебно-профессиональной и служебной деятельности [11, с. 9]. Понятие «отношение» становится определяющим в пояснении ответственности. На это указывают А. В. Рукавишников и Г. Я. Асакаев, обосновывая социальную ответственность будущего офицера как отношенческую категорию педагогической науки [12].

Профессиональную ответственность следует рассматривать как систему отношений профессионально-этического характера, в рамках которой взаимодействуют субъект ответственности, объект ответственности, инстанция ответственности.

Первостепенное значение в структуре ответственности отводится субъекту, которым в нашем случае является будущий военный специалист. Ранее проведенные исследования позволили нам определить профессиональную ответственность будущего военного специалиста как личностно-профессиональное новообразование в системе качеств курсанта военного вуза, обеспечивающее развитие личности от уровня объекта ответственности, приспособляющегося к постоянно меняющимся условиям военной среды и усваивающего военно-профессиональные нормы и правила, к уровню субъекта ответственности, способного к сознательному выбору в преодолении возникающих противоречий в образовательной и военно-профессиональной деятельности и прогнозировании последствий принимаемых решений, обеспечивая свое профессиональное развитие, ориентируясь на профессиональные ценности [4].

Из результатов исследования следует то, что педагогическая деятельность по становлению профессиональной ответственности будущих курсантов военных вузов должна осуществляться с учётом специфических функций профессиональной ответственности, проявляющихся в условиях военно-профессиональной деятельности.

Профессиональная ответственность выполняет познавательную функцию, поскольку предполагает осознание значимости военно-профессиональной деятельности, необходимости качественного и добросовестного исполнения своих обязанностей. Важнейшим аспектом, без которого нельзя говорить об ответственности субъекта, является факт её осознания, что подчеркивает когнитивную природу данного феномена. Проявление осознания связано с признанием личностью себя в качестве причины определенных событий и собственных действий своими, а также принятию необходимости этих действий.

Профессиональная ответственность обеспечивает стабилизирующую функцию, поскольку обуславливает готовность действовать, осуществлять задуманное сообразно целям и задачам, вне зависимости от таких аффективных состояний, как беспокойство, озабоченность, тревога, вина. Ответственная личность адаптируется к окружающей социальной действительности осмысливает трудности и самостоятельно определяет оптимальный способ их преодоления.

Следующая функция непосредственно вытекает из предыдущей и заключается в управлении военно-профессиональной деятельностью, что позволяет военному специалисту быть в полной мере субъектом профессиональной ответственности. Принятие профессионально ответственности проявляется в самостоятельности и активности военнослужащих при выполнении ответственных заданий и поручений. Для них таковыми являются, прежде всего, приказы командиров и начальников.

Специфический характер военно-профессиональной деятельности обусловлен необходимостью решать неожиданные задачи в динамично меняющейся обстановке, перемещением в пространстве (местности), непрерывным управлением подчиненными и боевой техникой. При этом любое действие может иметь не те последствия, на которые рассчитывал военный специалист, создавать ситуации неопределенности, в которых ответственность исключает произвольность и хаотичность и выполняет функцию управления риском.

В этой связи прогнозная функция профессиональной ответственности военного специалиста вытекает из необходимости предвидения и упреждающей оценки последствий его действий. Речь идет о возможности человека предвосхищать результаты своих действий. Военнослужащий обязан принимать во внимание то, что необходимость предвидения последствий его деятельности свя-

зана с основными профессиональными интересами и ценностями.

Среди функций профессиональной ответственности выделяется креативная функция. Присутствие в военно-профессиональной деятельности инициативы и творчества обусловлено новизной и нестандартностью решаемых задач, постоянно возникающими новыми ситуациями, которые при всей тщательности прогнозирования нельзя запрограммировать и предусмотреть заранее. Для разрешения подобных ситуаций необходимы полномочия. Осознание военным специалистом того, что он наделен профессиональными полномочиями, содержит в себе ситуации свободного выбора. Отсюда, указывает Н. Ю. Макеева, профессиональная ответственность задается не как ситуация свободы или вседозволенности, а как осуществление множественности возможностей в рамках норм и требований профессиональной деятельности [13].

Профессиональная ответственность, безусловно, выполняет регулирующую функцию, поскольку предполагает выполнение военно-профессиональной деятельности в рамках определенных законов, норм, правил, которые принимаются к исполнению в профессиональной среде как неотъемлемые императивы деятельности.

Как сумма вышеуказанных функций выделяется ещё одна функция профессиональной ответственности, а именно её воспитательная функция. Приобретенный опыт военно-профессиональной деятельности в процессе обучения курсантов позволяет решить комплекс воспитательных задач, которые ориентированы, в свою очередь, на формирование у обучающихся мировоззренческих взглядов, нравственных убеждений, этических представлений. Военно-профессиональная деятельность охватывает человека целиком, задействует все ресурсы и способности личности, поэтому профессиональная ответственность в

итоге становится для будущего военного специалиста профессионально-важным качеством.

Таким образом, специфические функции выражают значимость профессиональной ответственности для субъектов и инстанций. Возникновение и реализация функций происходит по мере становления профессиональной ответственности.

Исследование профессиональной ответственности военного специалиста указывает на то, что характер и особенности военно-профессиональной деятельности, специфические функции профессиональной ответственности, определяют требования к подготовке будущего военного специалиста как субъекта профессиональной ответственности на основе синтеза ситуационного и прогностического подходов.

Занимаясь любым видом деятельности, человек, стремится спрогнозировать ее результаты и предвидеть ход событий. «Потребность выходить за пределы», экстраполировать себя в будущее и необходимость использовать знания о будущем для наиболее целесообразной организации своей жизнедеятельности и оптимального преобразующего воздействия на природу и общество является источником мотивации познавательной прогностической деятельности [14, с. 13]. Следовательно, основу прогностического подхода составляет познавательная деятельность курсантов, направленная на получение ими информации об объекте ответственности и состоящая из установления причинно-следственных связей, прогнозирования развития ситуаций для наиболее полного использования положительных возможностей и максимального снижения или нейтрализации влияния негативных последствий. Решение военного специалиста будет ответственно тогда, когда он не только проанализировал ситуацию и обосновал свое решение, но и спрогнозировал последствия реализации данного решения.

В рамках ситуационного подхода эффективность деятельности обусловлена не только знанием о мире и техническим оснащением, но и теми смыслами, которые субъект проецирует на обстоятельства в рамках той или иной ситуации [15, с. 40]. Ситуация в педагогическом процессе основывается на активном взаимодействии преподавателя и курсантов. Как подчеркивает Н. В. Ходякова [16], ситуация содействует появлению «образовательной напряженности», которая может быть разрешена через рефлексивную и продуктивную деятельность ее участников. При этом задача преподавателя заключается в подборе проблемного материала, включающего «реакцию на ситуацию» и «адекватность реакции на ситуацию». Первое понятие характеризует степень проявления отношения обучающегося к ситуации, готовность курсантов к действиям в стрессовых ситуациях в предстоящей военно-профессиональной деятельности. Второе понятие показывает степень сформированности способности обучающегося быстро ориентироваться в изменившихся условиях, принимать решения и брать на себя ответственность за их последствия, видеть выходы из сложившейся ситуации и находить оптимальные решения.

Вышесказанное позволяет выделить дидактический потенциал объединения прогностического и ситуационного подходов в становлении профессиональной ответственности будущих военных специалистов. Неразделенность компонентов прогностического и ситуационного подходов уже нашла отражение в исследовании Г. А. Жарковой, в котором обосновывается ситуационно-прогностический подход к развитию информационной культуры личности [17]. Результаты этого исследования актуализируют дальнейшую разработку ситуационно-прогностического подхода как к образованию, в целом, так и к решению отдельных проблем подготовки специалистов, в частности.

Ситуационно-прогностический подход к становлению профессиональной ответственности будущих военных специалистов обладает рядом преимуществ, по сравнению с другими подходами. Во-первых, наполняет учебную деятельность курсантов контекстом военно-профессиональной деятельности, характеризующейся особыми условиями, заключающимися в экстремальности, трудности прогнозирования последствий, повышенным риском для жизни и здоровья. Во-вторых, способствует системному анализу средств и методов во-

енно-профессиональной деятельности, развитию прогностических качеств, необходимых для успешной образовательной и военно-профессиональной деятельности. В-третьих, обеспечивает готовность обучающихся к проявлению активности в нестандартных учебных и профессиональных ситуациях и формирование позитивного опыта их разрешения. В-четвертых, учитывает природу личностного развития будущего военного специалиста, содействующей становлению рефлексии в образовательной и военно-профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Музьяков С. И. Ценностные основания воинской деятельности // Вестник Военного университета. 2007. № 1 (9). С. 12 – 20.
2. Беловолов В. А., Левин Е. М., Беловолова С. П. Профессиональная деятельность офицера ВВ МВД России: понятие, содержание, особенности // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 1 (13). С. 40 – 48.
3. Гущина Г. А., Масыгин В. П. Формирование профессиональной культуры студента в условиях вуза : монография. М. : СГУ, 2018. 332 с.
4. Монахов О. Н. Теоретико-методологические аспекты профессиональной ответственности будущего военного специалиста в контексте психолого-педагогического анализа // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 5 (98). С. 176 – 188.
5. Спицын Ю. Г. Военный социум и образование как фактор национальной безопасности России : дис. ... д-ра. социол. наук. СПб., 1999. 368 с.
6. Новиков А. А. Сущность, содержание и структура процесса формирования готовности курсантов вузов к профессиональной деятельности // Перспективы науки. 2012. № 8 (35). С. 38 – 40.
7. Шалдыбина О. Н. Профессиональная ответственность в структуре социально-психологических характеристик личности руководителя низового звена : автореф. дис. ... канд. психол. наук : Саратов, 2009. 24 с.
8. Беспалова Т. М. Ответственность старшекурсников и курсантов военного вуза и ее проявление в речевой деятельности: дис. ... кан. псих. наук. М., 2008. 21 с.
9. Солоницын Д. А. Модель развития педагогической культуры офицера в процессе военной службы : автореф. дис. кан. пед. наук. М., 2015. 22 с.
10. Монахов О. Н. Профессиональная ответственность как компетенция будущего военного специалиста на современном этапе развития военного образования // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны : науч. журн. ; ЯВВУ ПВО. Ярославль, 2020. № 1. С. 160 – 164.
11. Шепетко Д. В. Становление профессиональной ответственности будущих специалистов в условиях модернизации современной высшей школы (на материале воспитательной работы с курсантами военного вуза) : автореф. дисс. кан. пед. наук. Елец, 2011. 24 с.
12. Рукавишников А. В., Асакаев Г. Я. Социальная ответственность будущего офицера как отношенческая категория педагогической науки // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 4 А. С. 52 – 63.

13. Макеева Н. Ю. Психологическая структура профессиональной ответственности специалистов пенсионного обеспечения (на примере Пенсионного фонда Российской Федерации) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2014. 31 с.

14. Регуш Л. А. Психология прогнозирования: способность, ее развитие и диагностика : учебное пособие. Киев : Вища школа, 1997. 88 с.

15. Векленко П. В. Ситуационный подход: сущность, онтологический базис, место в структуре общенаучной методологии // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 4. С.37 – 41.

16. Ходякова Н. В. Ситуационно-средовой подход к проектированию личностно развивающих образовательных систем : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Волгоград, 2013. 41 с.

17. Жаркова Г. А. Ситуационно-прогностический подход к развитию информационной культуры личности в системе непрерывного образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ульяновск, 2013. 49 с.

© Монахов О. Н.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

12.00.01 – Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве (юридические науки).

12.00.08 – Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право (юридические науки).

12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки).

12.00.02 – Конституционное право. Конституционный судебный процесс. Муниципальное право (юридические науки).

12.00.03 – Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право (юридические науки).

12.00.11 – Судебная деятельность. Прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки).

12.00.12 – Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-разыскная деятельность (юридические науки).

12.00.14 – Административное право. Административный процесс (юридические науки).

10.02.01 – Русский язык (филологические науки).

10.02.04 – Германские языки (филологические науки).

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_uyi@mvd.ru.

Структура статьи

Название на русском и английском языках (печатается прописными буквами с соблюдением симметрии, размер шрифта – 14).

Сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются прописными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати).

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12.

Рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi.

Оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация последовательная.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России» Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____ Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет. Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций. Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией. О себе сообщаю следующую информацию: ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____ Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.
--